

**НОРМАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
ПРИ -50°**

Очерки и репортажи
зарубежных журналистов
о Магаданской области

НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРИ -50°

Вальдемар МИЦКЕВИЧ
Ханс-Петер РИЗЕ
Мартин ЙОН
Владимир ДИВИШ
Вейкко КЕТЕЛИ
Гельмут АРНАШЮС
Збигнев БОЖЕК
Мирослав ТУЛЕЯ
Эрих ФАЙХТИНГЕР
Гизела РЕЛЛЕР
Эгон ТРАКСЛЕР
Софоклис Янни СОФОКЛИ
Анджей БАЙОРЕК
Антэро ПИЭТИЛА
Харальд ХАМРИН
Борис КРУМОВ

Н 83

Составитель В. Б. ТИМАКОВ

Рецензент **К. В. Касаткин** — атташе Управления
информации МИД СССР

Н $\frac{4502010000-031}{M-149[03]-88}$ 5-88

ISBN 5-7581-0001-3

© Магаданское книжное издательство, 1988

Глазами правды

Известный канадский писатель Фарли Моуэт, знаток северных территорий американского континента, работая над интернациональной телевизионной программой «Новый Север», побывал у нас на Чукотке.

В Певеке Фарли Моуэт встречался с читателями своих книг, неоднократно переведенных на русский язык. Среди многочисленных вопросов читателей, заданных писателю в тот вечер, был и традиционный, скорее даже банальный: что вас больше всего поразило на Чукотке?

Ответ получился настолько неожиданным, насколько традиционным был вопрос. Писатель, ни на мгновение не задумываясь, ловко изобразил доброе домашнее животное, очень похоже замычал: «Му-у! — а затем, весело рассмеявшись, продолжил: — Коровы в чукотском селе. И натуральное молоко, которое на разлив продают в местных магазинах».

Многих участников встречи этот ответ известного писателя не столько рассмешил, сколько разочаровал. Эка невидаль — буренка на Чукотке! Действительно, явление сегодня на огромных просторах Магаданской области в общем-то рядовое. Чему удивляться?

Но ответ Фарли Моуэта весьма показателен. Все дело в том, что у жителей Чукотки и нашего гостя выработаны разные социальные стереотипы представлений о той земле, на которой нам выпало жить, которая зовется суровым и романтическим именем «Крайний Север». Этот маленький эпизод с известным канадским писателем наглядно и убедительно говорит: то, что человеком «с другого берега» воспринимается как поразительный социальный феномен, — для жителей сегодняшней Чукотки всего лишь рядовой факт — повседневность, сложившаяся под влиянием социальных условий и опыта социалистического развития советского Севера. За этим маленьким эпизодом — по сути полная трудностей, мужества и героизма, драматическая и легендарная история преобразования многими поколениями советских людей огромных пространств на Севере нашей страны.

В последние годы мне не раз доводилось совершать поездки по Колыме и Чукотке вместе с коллегами-журналистами из-за рубежа. Надо сказать, что за границей интерес к советскому опыту освоения отдаленных северных территорий чрезвычайно большой. И особенно он усилился после известной поездки на Дальний Восток Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Этот интерес, естественно, проявляется и в стремлении все большего числа зарубежных журналистов побывать на Крайнем Северо-Востоке нашей страны. Только за последние пять лет Магаданскую область посетило свыше ста журналистов, публицистов, писателей из более чем тридцати стран.

Наших гостей прежде всего интересует, как решаются экономические и социальные проблемы, связанные с освоением богатств нашего края, какие изменения произошли

за годы социалистического строительства в жизни коренных народностей, населяющих Магаданскую область, что из себя представляют люди, осваивающие Север, что их сюда влечет и удерживает здесь?

В последнее время зарубежные журналисты много внимания уделяют ходу перестройки и ее приметам в нашей области, пишут и о трагических страницах прошлого Колымы, связанных с периодом культа личности Сталина. В общем, в их материалах о Крайнем Северо-Востоке СССР обычный набор тем, характерный сегодня и для всей советской печати, тем, которые, как говорится, на слуху у всех нас.

Поездки с коллегами из-за рубежа чрезвычайно интересны и полезны. Они заставляют во многом по-новому взглянуть на нашу северную жизнь, на то, что мы создали по обе стороны от Полярного круга, что нам еще не удается, мешает лучше работать, полнокровнее жить в так называемых экстремальных условиях. И что поразительно, практически каждый иностранец, вступая на нашу северную землю, как и знаменитый канадский писатель, удивляется прежде всего тому, что для всех стало уже давно привычным — как те буренки в чукотском селе Рыткучи.

Многоопытные иностранные коллеги психологически готовы к пятидесятиградусным морозам, огромным расстояниям, суровости морей, омывающих область, к их льдам, труднопроходимым даже для мощных ледоколов — даже в пору короткого арктического лета. А, скажем, телефонный разговор из Билибино через спутник связи с Москвой, Одессой или Веной, молодая выпускница столичного института иностранных языков, преподающая в чукотском селе английский язык детям оленеводов и зверобоев, курорт Талая, «затерявшийся» в колымских сопках, как, впрочем, и многие другие атрибуты нашей жизни для большинства из них — откровение.

Идея книги, которую читатель держит в руках, подсказана этими поездками, многочисленными встречами и беседами зарубежных гостей с северянами, впечатлениями журналистов от увиденного, которыми они с нами делились. Так родилась мысль собрать под одной обложкой рассказы о том, что увидели наши зарубежные коллеги в Магаданской области, чем они спешили поделиться со своими соотечественниками, какими перед ними предстали жители Крайнего Северо-Востока.

Здесь собраны репортажи, зарисовки, путевые очерки. Их авторы — люди разных национальностей, различных политических убеждений. Некоторые из них, например, словацкий журналист Мирослав Тулея, уже не один раз посетили нашу область. Итогом многочисленных поездок М. Тулея по Советскому Союзу стала книга «Дыхание далеких меридианов», вышедшая в 1984 году в Братиславе. Одна из ее глав посвящена Магаданской области. Лирический репортаж словацкого журналиста, представленный в нашем сборнике, — из серии материалов о его последней поездке по Колыме и Чукотке. Репортаж опубликован в еженедельнике «Свет социализма».

Болгарский писатель Борис Крумов написал публицистическую книгу «Дальний Восток вблизи». Глава из нее — «Путешествие по Чукотке» также помещена в нашей книге. Это единственное произведение из включенных в сборник, которое ранее уже публиковалось на русском языке.

В нашей книге представлены также материалы трех известных западных публицистов: Антэро Пиэтилы из США, Ханса-Петера Ризе из ФРГ и Харальда Хамрина из Швеции, которые были опубликованы в крупнейших буржуазных газетах.

Стоит заметить, что многочисленные поездки на Колыму и Чукотку представителей буржуазной прессы — это тоже один из штрихов развернувшейся у нас в стране пере-

стройки, расширение гласности. И, естественно, мы хотим видеть в каждом госте нашей области правдивого и объективного исследователя, который своими статьями, репортажами нес бы соотечественникам правду о жизни советских людей, осваивающих Север. Чтобы советские люди и их жизнь представляли на страницах буржуазных газет и журналов такими, какие они есть на самом деле.

Справедливости ради нужно признать, что быть объективными в магаданских репортажах стремилось большинство моих западных коллег. Но, к сожалению, не всегда и не всем это удавалось. Очень непросто оказывается перешагнуть через стереотипы, десятилетиями насаждавшиеся той же буржуазной пропагандой, через пелену предвзятости к нашей стране. И уж если речь идет о сталинских лагерях на Колыме, то ссылки обязательно делаются на Александра Солженицына, хотя человек этот к нашему краю никогда никакого отношения не имел. Конечно, журналист Харальд Хамрин мог бы воспользоваться моим советом и в своем историческом экскурсе в тридцатые годы использовать свидетельства подлинных очевидцев тех событий: Виктора Вяткина с его романом «Человек рождается дважды», Александра Левитина — героя повести «Прописан на Колыме», Асира Сандлера с его воспоминаниями «Узелки на память». Но на этих людей, прошедших через страшные годы культа личности, ссылок в материале шведского журналиста нет.

Или еще один маленький штрих. Мой уважаемый шведский коллега не может не признать, что хотя и трудно в Магаданской области с жильем, строится его здесь все больше и больше. Приводит слова первого секретаря горкома партии А. Осинной о том, что к 2000 году каждая магаданская семья будет иметь отдельную благоустроенную квартиру. И тут же высказывает свое сомнение в этом, заставляя сомневаться в сказанном и своего читателя, который в далекой Швеции конечно же больше поверит слову своего соотечественника, чем его оппоненту.

То же самое происходит и в эпизоде об отношении чукчей к родному языку. Говорят чукчи по-чукотски или нет? Вроде бы говорят, утверждает журналист, а может быть, и нет. Вот и догадайся шведский читатель.

Думается, наш советский читатель, тем более тот, кто знает Север не понаслышке, сразу поймет, где мои западные коллеги по-настоящему объективны, а где, мягко говоря, лукавят в угоду своим идеологическим привязанностям.

Главной особенностью этой книги, несомненно, является то, что ни один из представленных в ней авторов не писал специально для нас, северян. Все, собранное здесь, готовилось каждым автором для своего издания, с учетом особенностей своей читательской аудитории. Не случайно поэтому и объем, и уровень собранных здесь произведений так разнятся. От коротких, как говорится, из-под пера в номер газетных репортажей шведа Вейкко Кетели и западногерманского журналиста Эгона Тракслера — до вдумчивых путевых очерков поляков Збигнева Божка и Вальдемара Мицкевича, чеха Владимира Дивиша, журналистки из ГДР Гизелы Реллер.

Читатель, видимо, обратит внимание и на то обстоятельство, что у многих авторов, представленных в сборнике, пути, проделанные ими по Крайнему Северо-Востоку, пересекаются. Это не случайно. Зарубежные журналисты стремятся в те уголки Магаданской области, которые наиболее интересны с точки зрения хозяйственного освоения, социального развития, и конечно же, национального колорита и северной экзотики. Поэтому читатель вместе с авторами неоднократно побывает в областном центре — Магадане, на Билибинской атомной теплоэлектроцентрали и Колымской ГЭС, в чукот-

ских национальных селах и ярангах оленеводов... Но всякий раз он увидит эти знакомые и дорогие каждому северянину места глазами людей из разных стран, по-разному воспринимающих нашу северную действительность, подчеркивающих разные, порой очень неожиданные для нас детали нашей северной жизни. Главное же, объединяет все эти рассказы — человек, северянин. Будь то чукча, русский, эскимос, эвек, украинец или представитель любой другой национальности — это большой патриот Севера, отдающий такому холодному и, на первый взгляд, очень неуютному уголку нашей страны свой труд, свою душу, тепло своего сердца во имя развития и процветания этой богатой и своеобразной земли.

ВИКТОР ТИМАКОВ,
член Союза журналистов СССР

**ВАЛЬДЕМАР
МИЦКЕВИЧ**

Далеко от Москвы

Вальдемар МИЦКЕВИЧ. Польский журналист. Представленный очерк опубликован в газете «Штандар млодых» в 1986 году.

МЕЖДУ ЭЗОТИКОЙ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Трудно себе представить что-либо более отдаленное, чем Чукотка. Вылетая из Москвы в полдень, прибываешь на место, в Певек, через восемь часов, но уже... утром следующих суток, преодолев более десяти тысяч километров, восемь часовых и целый ряд климатических поясов.

И вот мы в краю даже в настоящее время считающемся экзотическим, о котором некогда ходили невероятные легенды. В одном из серьезных советских учебников отмечается, что, «по мнению первых путешественников, здесь жили гипербореи — полулюди, полуживотные. Отсюда вывозили они бивни мамонтов, считая их костями гигантских кротов, обладающими магическими свойствами...»

Действительность на Чукотке даже нашего столетия не так уж и отличалась от фантастики. Стрелы, топоры и гарпуны — из кости или камня. Для шитья одежды использовали иголки, также сделанные из кости, а посуду изготавливали из дерева. Ничего удивительного, что русские и американские купцы беззастенчиво грабили местное население — чукчей и эскимосов. За плитку прессованного чая требовали

пять песковых шкурок, а за железный топор — двадцать. Из такого количества меха можно сшить две длинные шубы. Не без горькой иронии рассказывают наши гиды, что на территории нынешней Магаданской области, большая часть которой приходится на Чукотку, в начале XX века жило всего лишь около двадцати тысяч человек, в том числе семнадцать попов, пять полицейских, пять учителей, семьдесят два шамана... Не было ни одного промышленного предприятия, ни одной библиотеки, зато население «обслуживали» четыре трактора. Все это на территории, сравнимой с четырьмя европейскими государствами средней величины, — почти миллион двести тысяч квадратных километров!

Малонаселенность и неизученность этого края, примитивный образ жизни коренного населения благоприятствовали распространению фантастических небылиц о нем. Даже сегодня Чукотка скрывает от людей многие свои тайны. Местные геологи ежегодно разведывают новые месторождения минеральных богатств, а знаменитый кратер потухшего вулкана, имеющий поразительно классическую форму, который в чукотских легендах считался местом выхода духов на землю, открыт лишь в начале пятидесятых годов.

Геополитическое положение Чукотки особенное: только узкая полоса пролива Беринга разделяет ее с американской Аляской, а заодно — и два суперконтинента — Евразийский и Американский.

ПЕВЕК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Ту-154 плавно приземляется в Певеке, самом северо-восточном советском городе, раскинувшемся на берегу Чаунской губы. Новый, построенный «на вырост», уже перешагнувший полувековой рубеж морской порт, краны которого возвышаются над городом, как трубы большой теплоэлектроцентрали, — вот первые образы Чукотки, весьма далекие от экзотики. Для более детального знакомства с городом пока

нет времени. Хозяева «подгоняют» нас, так как погода неустойчива, а нам предстоит еще лететь на ближайший золотой прииск.

— Вам повезло, — утешает нас Михаил Калинин, секретарь районного комитета партии. — Несколько дней аэропорт не принимал самолетов. Нелетная погода — явление у нас частое. Ведь мы находимся на стыке океана и континента. И, естественно, на Севере. Не так давно, в июле, здесь падал снег.

Тем не менее еще в первый день успеваем, хотя и бегло, познакомиться с городом. Впечатление произвел противоречивое. Рядом с многоэтажными каменными домами — скопления деревянных домишек, есть даже бараки. Улицы немощеные, без тротуаров, так как на глубине всего лишь нескольких десятков сантиметров — вечная мерзлота, на которой очень трудно строить бетонные и асфальтовые дороги. Люди, как по тротуару, ходят по бетонному «коробу», в котором проложены трубы центрального отопления, водопровод и канализация.

— Еще в этой пятилетке, — рассказывает секретарь, — исчезнут все ветхие строения. Новые здания заменят остатки этих «древностей».

Задача не из легких. Сюда необходимо завезти все — начиная от гвоздей и кончая цементом. За десятки тысяч километров!

Над городом висят низкие темные тучи. Дует холодный ветер. Температура немногим выше нуля. Создается впечатление, что сейчас осень, ноябрь. А ведь лето в разгаре. Особенную угнетенность ощущаешь при воспоминании о тридцатиградусной жаре в Москве, которую мы покинули менее суток назад. Город расположен примерно в двадцати километрах от аэропорта. При взгляде на него с перевала производит иное впечатление. Отчетливо видно, как светлые высокие дома по обеим сторонам залива вклиниваются в массивы старых застроек.

В аэропорт приезжаем в самый последний

момент перед отлетом. Вертолеты взмывают в воздух. Но летим не по кратчайшей трассе, так как нужно было бы пройти над цепью сопков — холмов несколькосотметровой высоты, над которыми сейчас низко нависли тучи. Летим на юг вдоль залива, а затем долиной реки. Рассматриваю окрестности сверху. Насколько хватает глаз — ни живой души, ни селения, ни малейшего деревца. Вокруг серо-желто-зеленая монотонная тундра. Только сопки с округлыми вершинами и покатыми склонами со всех сторон окаймляют горизонт, создавая некое разнообразие. Но и они не могут оживить пейзаж. Вершины многих сопков покрыты черными, напоминающими угольные отвалы шапками. Голая арктическая пустыня.

Последние десять минут летим над изрытой долиной реки Ичувеем, где находится Комсомольский горно-обогатительный комбинат. Кое-где на фоне серо-голубой гальки светлеют желто-зеленые полосы.

— Это первые рекультивированные участки, — объясняет кто-то, перекиривая шум двигателя вертолета.

МНОГО, МНОГО ЗОЛОТА

Добывают его десятки приисков, разбросанных по всей Чукотке. Главным образом из так называемых россыпей — песков древних речных долин. Кроме крупных государственных комбинатов, золото моют тысячи старателей, объединенных в артели. Комсомольский отличается от других комбинатов тем, что он самый северный. Работает здесь гигантская машина — драга, объединяющая в себе плавучую землечерпалку и обогатительную фабрику. Это устройство, с четырехэтажный дом, черпает восьмьюдесятью четырьмя ковшами, установленными последовательно на почти двадцатиметровом транспортере, золотосодержащий песок и подает его внутрь, где золото отделяется от пустой породы.

Численность населения Чаунского района, административным центром которого является Певек, составляет что-то около тридцати трех тысяч человек. На территории района (площадь более пятидесяти тысяч квадратных километров) есть еще один добывающий олово горный комбинат, значительно старше того, на который мы прибыли. Комсомольский организован лишь в самом конце пятидесятых годов. До этого времени считалось, что данный район не золотоносный, поскольку здесь находили платину. Это представлялось убедительным доводом отсутствия золота. Только в пятидесятых годах советский геолог Николай Чемоданов открыл здесь золото. Имея лишь одного рабочего, он намыл за сезон «банку металла».

— Сколько золота добывает комбинат? — спрашиваю больше из принципа, не рассчитывая получить ответ.

— Много. Можете даже написать: очень много, — смеется директор Анатолий Прудников.

— А какие перспективы?

— На много десятилетий, даже XXI века. В недалеком будущем добывать металл будем не только из россыпей, но и разрабатывать рудные месторождения подземным способом. Наши геологи разведали такие месторождения в районе комбината, и уже утверждены запасы. Драга, которая работает здесь с 1963 года, прошла больше двадцати километров, но работы ей хватит еще надолго, недостатка в золотоносных песках испытывать не будет. Комбинат выделяет также участки для старательских артелей.

Что поделаешь, золото окружено тайной, особенно тщательно хранимой теми, кто много его добывает и располагает большими запасами. Уж кто-кто, а такие наименее охотно о нем говорят. И это вполне понятно. Тем не менее журналисту трудно примириться с тем, что находишься на прииске и не знаешь, сколько ж это «много».

Драга своими черпаками загребает в течение нескольких минут около сорока тонн золотоносного грунта. За сутки пропускает через свое железное чрево десятки тысяч тонн. А сколько за весь промывочный сезон от пятнадцатого июня до первого ноября? Сколько намост таких «банок», как у Чемоданова? Наверное много, раз комбинат имеет два поселка (Комсомольский и Быстрый), где в каменных домах со всеми удобствами живет более пяти с половиной тысяч человек. Естественно, это не только работники, занятые на добыче золота, но также и члены их семей. А сколько «чемодановских банок» намост еще девятьсот старателей двух артелей? Не даром — получают за короткий сезон по семь—десять тысяч рублей!

Много, много золота! Удовлетворимся таким определением, не будем гадать, сколько же это тысяч «банок». Тем более что желание такого уточнения пропадает, когда, путешествуя по Магаданской области, посетишь не один прииск. Когда осознаешь, что это оно, золото, дало жизнь знаменитой Колымской трассе, функционирующей круглый год и соединяющей Магадан с Якутией. Что это оно породило атомную электростанцию и прекрасный город на вечной мерзлоте, Билибино. Оно же дает десяткам тысяч людей заработок, причем по меньшей мере трехкратно превышающий средний по стране.

Знакомимся с технологией «вырывания» золота у вечной мерзлоты. Бульдозеры вскрывают золотоносные породы, в которых бурят скважины для подачи «нагретой» солнечной радиацией воды (около плюс пятнадцать градусов). Она-то и оттаивает многометровые толщи обледенелой земли. Драга подходит к краю подготовленного таким образом полигона и... это, собственно, и все.

На обратном пути в Певек думаю, как это прекрасно, что наша встреча с Чукоткой началась с золотого прииска — с того, что

принесло ей новые силы и преобразовало край. Вспоминается предсказание Юрия Билибина, знаменитого геолога и первооткрывателя колымского золота. Это он первым выдвинул гипотезу, а вслед за этим доказал, что Северо-Восток Советского Союза — это гигантская золотоносная провинция.

БЕЗБРЕЖНАЯ ТУНДРА

Есть ли еще хоть один такой маленький народ (около пятнадцати тысяч человек), который был бы так же известен в мире, как чукчи? Анекдоты, которые о них рассказывают, фактически выражают восхищение их самобытностью и колоритностью. Историки пишут, что если купцов Чукотка манила ценными мехами, то путешественников притягивало обаяние ее народа, который способен жить и трудиться в невероятно трудных условиях.

Поэтому нет ничего удивительного в том, с каким нетерпением ожидал я встречи с чукчами-оленеводами и с так называемыми прибрежными чукчами, занимающимися охотой на морского зверя: тюленей, лахтаков, моржей...

Тундра... Дикая и грозная для посторонних, а для чукчей — единственная, близкая кормилица. Наши вертолеты приземляются в нескольких десятках метров от ближайшего поселка. Очевидно, олени уже привыкли к таким машинам, так как не очень пугаются. В Чаунском районе, где мы сейчас гостим, этих животных около шестидесяти тысяч. Бригада, руководимая Борисом Кутувги, опекает стадо в тысячу семьсот голов. Это лишь небольшая часть семисоттысячного стада, самого большого в мире, которое имеет Магаданская область.

— В чем заключается твоя работа? — спрашиваю молодого пастуха, отдыхающего с магнитофоном перед палаткой и одетого вполне по-европейски.

— Сейчас отдыхаю, а вообще стерегу стадо.

— Что это значит?

Какое-то время молчит, глядя то на меня, то куда-то в сторону. Или удивлен тем, что о чем-то подобном можно спрашивать, или в столь банальном вопросе подозревает какую-то ловушку.

— Чтобы не разбежались, — отвечает наконец. — Вон там, с правой стороны, несколько штук пытаются отделиться от стада. Но «дед» сейчас их завернет.

«Дед» — юноша произносит это с гордостью — бригадир и одновременно отец моего собеседника. Молодой человек снова умолкает. На типично азиатском лице с раскосыми глазами и выступающими скулами невозможно что-либо прочесть. Разве только ощущение дискомфорта, когда я смотрю прямо в его глаза.

— Сколько тебе лет, как тебя зовут и какое получил образование?

— Кутувги. Мне восемнадцать лет. Перешел на последний курс сельскохозяйственного техникума. В тундре прохожу практику.

Пока я веду беседу, около стада «дед» оживленно приветствует районное «начальство». Судя по всему, они неплохо знают друг друга. «Деду» пятьдесят пять лет, лицо избородили глубокие морщины, но двигается он как юноша. Фоторепортеров привлекает и это лицо, и колоритное одеяние: обувь без каблуков из оленьего меха, непромокаемая куртка с капюшоном и самодельная, напоминающая пилотку шапка.

— Как вы живете зимой?

— Хорошо живем. Имеем палатки, меховую одежду — легкую и теплую. Спим в кукулях (спальные мешки из оленьего меха. — В. М.). Но летом, конечно, совсем другое дело.

— Сколько же вы зарабатываете?

— Я? Самое малое шестьсот рублей.

— Это же целое состояние, тем более что у вас есть еще личные олени... А на что тратите деньги?

— Покупаем разные вещи. Учатся дети, тоже нужно посылать...

Кутувги-старший, или «дед», явно не хочет говорить, на что он расходует эти шестьсот рублей, получаемые ежемесячно. Но терпеливо, даже с явным удовольствием позирует фоторепортерам, которые заставляют его стать то так, то иначе, то на фоне сопок, вертолета или стада...

— Денег, конечно, имеют много, — смеется местный ветеринар. — Не любят, однако, о них говорить. Точнее о том, на что их тратят. О том, что много зарабатывают, говорят с удовольствием. Но пойдем лучше выпьем настоящего, тундрового чая. Такого уж больше нигде не попробуете.

Ветеринар — примерно сорокалетний крепкий мужчина. Настолько смуглый, что я подумал: в его жилах течет кровь со значительной примесью местной. Хотя утверждает однозначно, что он русский.

— Не удивляйтесь, — говорит ветеринар, — сдержанности и молчаливости чукчей. Ну что это, с их точки зрения, за беседа... Вот если бы вы не спеша засели вместе с ними на несколько часов, тогда рассказали бы они вам о своих семьях, расспросили о вашей... Чукчи много читают, очень любознательны. В последние десять лет, о чем раньше даже подумать было нельзя, часто путешествуют и по Советскому Союзу, и за границей. Трудно, пожалуй, найти людей, более интересующихся миром, чем они.

Ветеринар с явным наслаждением пьет очень крепкий, почти черный чай, пахнущий какими-то травами. Рассказывать может бесконечно. Все «хозяйство», в котором мы находимся, складывается из двух палаток, за которыми стоит гусеничный вездеход с радиостанцией, обеспечивающей связь с ярангой, с центральной усадьбой совхоза и вообще с внешним миром. В палатках — постели из оленьих шкур, личные вещи пастухов, сложенные в самодельные кожаные сумки или обычные рюкзаки.

Если пастухи со своими палатками и вездеходом постоянно следуют за стадом — яранги дольше остаются на одном месте. Там — жены с детьми, там — семейная жизнь.

После полутора часов, проведенных в стаде, летим к ярангам. С вертолета замечаем их еще издали — три светлых пятнышка на темном фоне плоскогорья. Вскоре обступает нас десяток ребятишек дошкольного и школьного возраста, одетых в комбинезоны, утепленные болоньевые куртки, шерстяные свитеры. Сейчас ведь лето. Это зимой закутают их в меха. Дети охотно с нами разговаривают, позируют перед объективом. Ученики собираются уже в интернаты. Меньшие будут зимовать в тундре вместе с родителями.

УЭЛЕН — ГОРДОСТЬ ЧУКЧЕЙ

Как бы ни казалось это парадоксальным, но еще трудней, чем к кочующим со стадами оленеводам, добраться к чукчам, занимающимся охотой на морского зверя, хотя издавна живут они в стационарных поселках, вблизи лежбищ. Однако нам везет — погода позволяет лететь в древний чукотско-эскимосский поселок Уэлен. Расположен он на мысе Дежнева, у его западного основания.

Узкую, едва трехсот—четырёхсотметровую, косу длиной пять километров Чукотское море продолжает трудолюбиво достраивать, нанося каменистый грунт. И только раз в несколько десятилетий штормовые волны перекатываются через эту полоску суши в широкую лагуну, принося немало разрушений.

По самой середине косы бежит единственная улица поселка. По обеим ее сторонам — двухэтажные жилые дома и здания различных организаций, построенные из дерева и камня и окрашенные в светлые тона. Во многих дворах — ездовые собаки на привязи. Этот вид транспорта, хотя уже и менее популярный, чем вертолеты, по-

прежнему имеет большое значение. Старшее поколение предпочитает упряжки. Медленные, но надежные. Во всем поселке — ни травы, ни цветов, ни — тем более — малейшего деревца или кустика: повсюду — каменистые наносы Чукотского моря.

— Уэлен, — это один из ведущих в Советском Союзе центров резьбы по кости, — рассказывает Сергей Никитин, главный художник знаменитой мастерской, чукча, выпускник подмосковной школы изобразительных искусств. — Работают здесь представители только коренного населения. И все выполняется вручную, традиционным способом. Технология с виду очень проста: достаточно клык моржа тщательно отшлифовать и нанести на него рисунок специальными режущими инструментами, а затем слюной и обычной пастелью наложить соответствующие цвета...

— И это обеспечивает устойчивость красок?

— Взгляните, здесь есть работы пятидесятилетней и более давности, а краски как будто только что нанесены. Слюна содержит какие-то компоненты, которые придают стойкость краскам на кости. В нашем музее больше двух тысяч экспонатов. Это самые интересные из чукотских работ. Есть здесь и скульптура, и барельеф, и графика по бивню моржа. Амулеты, одиночные фигурки животных и целые «повествования» о жизни народа.

Вовсе не нужно быть знатоком искусства, чтобы оценить мастерство резчиков по такому удивительному материалу, как моржовый клык, кость кита или же похожий на слоновую кость бивень мамонта. Кружевная работа сама бросается в глаза и способна вызвать восхищение у людей, весьма далеких от изобразительного искусства.

— Мастерская образовалась еще в тридцатые годы. В настоящее время здесь, в Уэлене, работают сто тридцать четыре мастера. Кроме этого, во всех крупных чу-

котских поселках есть наши филиалы, где трудятся многие мастера, — продолжает Никитин, показывая нам отдельные помещения мастерской.

И заработки здесь большие. Девятнадцатилетний Станислав Илькей, сначала дед, а затем и мать которого трудились тут же, ежемесячно получает около трехсот рублей, в зависимости от художественной ценности его работ.

— Как правило, получаю по девятнадцать — двадцать пять рублей за отдельную вещь. Но уже делал и такие, которые были оценены на восемьсот и даже тысячу рублей.

Илькей показывает и объясняет, как обрабатывается клык моржа. Учился он, оказывается, в подмосковной средней художественной школе, но начинать вынужден был фактически с нуля, так как там он получил общую художественную подготовку, а здесь — специфическая оригинальная техника.

— Нетабельна ли ваша работа?

— Нет, государство doplачивает около ста восьмидесяти тысяч рублей в год, — говорит директор мастерской. — Это способ стимулирования творческой деятельности чукчей. Но могли бы быть предприятием, дающим доход. Уже теперь наша реализация (не считая того, что выполняем для различных музеев) составляет почти шестьсот тысяч рублей.

Но пора прощаться с Уэленом — погода быстро портится, и возникает опасность остаться здесь на неопределенно долгое время. Еще только короткая беседа в бригаде охотников на морского зверя, где мы узнаем следующее. На пяти лодках работают около тридцати человек. Бригада имеет строго определенный лимит — план, который выполняет без особого труда, — в течение года должна добыть триста пятьдесят моржей, двести сорок лахтаков и семьсот — восемьсот нерп. В бригаде существует традиция — руководит командой

лодки старший, но в ней всегда есть и ученики, постигающие древнее ремесло предков. Сейчас это пятнадцатилетние учащиеся местной средней школы, с которыми бригадир проводит занятия по профессиональной подготовке. А практика — это участие в реальной охоте на море. Когда-то брали с собой детей — двенадцати-тринадцатилетних.

Жаль, что не можем выйти в море с бригадой. Но со здешней погодой шутки плохи. Если немедленно не вылетим, можем просидеть в Уэлене и целую неделю... Это не было бы рекордом, так как летнюю погоду можно ждать многие недели.

ПЕРЕСТРОЙКА — ДАЛЕКО ОТ СТОЛИЦЫ

Ивана Лукина — до недавнего времени главного архитектора областного центра, а теперь почетного гражданина города Магадана, застаю сосредоточенно слушающим выступление Михаила Горбачева во Владивостоке.

— Вот когда хочется работать! — восклицает он, выключая телевизор.

— Генеральный секретарь очень остро ставит проблемы, говорит об «удельных князьях»... Неужели у вас на Дальнем Востоке перемены наступают слишком медленно?

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИСПРОПОРЦИИ

Ветеран Севера Иван Лукин считает, что перестройка идет здесь такими же темпами, как и во всей стране, но изменения видны отчетливее.

— Слишком много накопилось противоречий и диспропорций. Возьмем хотя бы жилищное строительство — осталось далеко позади. А именно эта сфера в наших условиях нехватки кадров и сурового климата так важна. Другой пример: доставлять к

нам материалы из центральных районов страны так же трудно, как, скажем, за границу. Между тем цемент, например, везут за тысячи километров. Большие транспортные расходы, цемент теряет качество. А ведь у нас есть все необходимые условия для создания собственной базы строительных материалов.

Мой собеседник — автор книги о первых строителях Чукотки и Колымы. Приехал сюда в тридцатых годах, когда создавалась база золотодобычи, сразу после окончания института в Ленинграде. С сентиментальностью, но реалистично оценивает то время. Упрекает в первую очередь себя за то, что многие поселки Магаданской области имеют неинтересную, а иногда плохую архитектуру.

— Сначала строили в соответствии с приказом, а не по архитектурным планам. Некоторые поселки при золотых приисках возникали стихийно. Такие были времена. Только в середине пятидесятых годов, после образования Магаданской области, положение нормализовалось, но отпечаток тех лет остался не на одном поселке. Не хочу упрощать, а тем более уменьшать заслуги строителей. И тогда выросли прекрасные дома и даже целые урбанистические районы.

Везде, где мы успели побывать в течение этой двенадцатидневной поездки, говорили с нами так же откровенно, как Лукин о проблемах строительства. Везде отчетливо ощущалось веяние нового.

В СОВХОЗЕ,

который мы посетили, — хозяйстве крепком и даже богатом, резко бросаются в глаза положительные результаты проводимой в последнее время сельскохозяйственной политики. Совхоз имеет три тысячи гектаров земли, две тысячи девятьсот голов крупного рогатого скота. Однако специализируется главным образом на овощеводстве.

На девяноста гектарах выращивают капусту в открытом грунте. Под стеклом, на тридцати трех тысячах квадратных метров, — помидоры и огурцы. Хозяйство получает огромную прибыль — два миллиона восьмьсот тысяч рублей. Но его директор, Глеб Шалев, больше говорит о заработках и социальных вопросах, чем о производстве и продукции. Это тоже характерная черта нынешнего времени.

Зарботки в совхозе высокие, средний — четыреста семьдесят пять рублей. Совхоз имеет детский сад, на содержание которого доплачивает около двухсот тысяч рублей в год. На содержание жилых домов — триста семьдесят пять тысяч рублей, так как квартирная плата низкая и не покрывает расходов. В совхозе работает всего шестьсот человек, а в прошлой пятилетке в новые квартиры вселились сто семей. В текущем пятилетии жилищная проблема будет решена: для следующих ста шестидесяти семей уже строятся новые дома.

Совхоз существует пятьдесят лет, но стал на ноги только в последнее время.

— Еще недавно, когда мы просили деньги на капитальное строительство или социальные нужды, получали ответ: область и так не в состоянии обеспечить себя сельскохозяйственными продуктами. Нечего транжирить капиталовложения на вечной мерзлоте. Такая была политика. С принятием Продовольственной программы, с повышением закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, а прежде всего с расширением прав сельскохозяйственных предприятий — дышать стало легче. Сразу улучшились производственные результаты.

Разговор о переменах в сельском хозяйстве продолжаю с главным экономистом совхоза, Дмитрием Легоньковым, по дороге на поля и в теплицы. Он считает, что нет смысла говорить о самостоятельности предприятия, если его право распоряжаться полученным доходом ограничено. Поэтому можно только приветствовать признанное

недавно за директором право подписывать инвестиционные расходы до пятисот тысяч рублей. Вот это, говорит он, уже самостоятельность, а не фикция.

— Центральная пресса тем не менее пишет о том, что вышестоящие организации не везде еще перестали диктовать, когда нужно сеять, когда косить...

— И мы иногда получаем телефонограммы такого содержания: до такого-то и такого-то дня вы обязаны перенести в грунт капустную рассаду.

— И что вы на это?

— Ничего. Или отвечаем, что бригадир лучше знает, когда это нужно делать, или попросту не реагируем. Впрочем, если бы мы даже и захотели работать так, как того требуют в телефонограммах, то уже бы не смогли — люди бы не разрешили. Полностью перешли на бригадный подряд, при котором заработная плата зависит от качества и количества продукции. Руководящие кадры и специалисты тоже не получают «своей» зарплаты, а в зависимости от того, каким будет урожай.

— Как это выглядит на практике?

— Например, авансом получаю только восемьдесят процентов своей основной зарплаты. Остальные — после подведения итогов года. Если результаты хуже, чем в базовом году, то больше ничего не получу. Если такие же — получаю остальные двадцать процентов. При лучших — соответственно больше. Упрощаю, конечно, но таким образом лучше виден принцип. В действительности не двадцать процентов, а половина моего дохода — нужно ведь считать не только основную зарплату, но также и премии — зависит от результатов работы всего хозяйства. Зарботки рядовых работников в равной степени зависят от того, какой получают урожай. Разве в такой ситуации бригада позволит диктовать, когда и как должна она пересаживать капусту в грунт? А телефонограммы еще приходят, так как одни шлют их по инерции, по привычке,

другие — не верят специалистам. К сожалению, это недоверие зачастую небезосновательно.

В теплицах, на скотных дворах — идеальный порядок. Дороги только неважные. Прошел дождь, и мы с трудом добираемся до полей.

ОЦЕНКА РУКОВОДСТВА ОБЛАСТИ

Николай Мальков, первый секретарь Магаданского областного комитета КПСС, пришел к нам на беседу в гостиницу и в течение двух часов терпеливо отвечал на вопросы о перестройке и ее проблемах. Не скрывает, что образовалось много диспропорций, которые сейчас энергично ликвидируются.

— Перестройка начинается, — говорит, — с изменений в психологии. Касается это главным образом руководящих кадров, но не только их. Недавно на двух предприятиях были вскрыты факты злоупотреблений, приписок в отчетах о выполнении производственных планов. В обоих случаях первичные партийные организации не сумели правильно оценить действия директоров. Естественно, соглашались, что те совершили преступление, но одновременно признавали их «честными людьми» и даже обратились в прокуратуру с ходатайством о прекращении уголовного дела.

Этот мужчина в возрасте за пятьдесят, производящий впечатление человека энергичного, не скрывает, что на линии «власть — гражданин» не все еще в порядке. Говорит, что ежегодно принимает сотни граждан, приходящих к нему с жалобами, и часто оказывается, что не решаются простые вопросы, что к человеку отнеслись равнодушно. А проблем в области хватает.

— В прошедшем пятилетии сдан миллион двести тысяч квадратных метров жилья. Но очередь ожидающих не уменьшилась, так как новые квартиры пошли главным

образом на ликвидацию бараков. На первый взгляд, совсем неплохое положение со школами, детскими садами, в службе здоровья. Обеспечены места в яслях и детских садах восемьдесят процентов детей. В каждом поселке, даже с населением в триста человек, есть, хотя и небольшая, на десять-пятнадцать коек, больница. Но детские сады переполнены, а сорок процентов школьников занимаются во вторую смену.

Так же откровенно и реалистично говорит секретарь о кадровых вопросах и производстве. Например, в области уже разработаны конкретные планы ускоренного внедрения научно-технических достижений. Но при их составлении пришлось использовать помощь специалистов со стороны. Кроме того, выяснилось, что часть руководящих кадров не в состоянии работать в новых условиях. Поэтому сейчас осуществляется замена кадров.

Касаясь вопроса борьбы с пьянством, где достигнуты заметные положительные результаты, секретарь Николай Мальков говорит сдержанно.

— Двукратно уменьшилось потребление алкогольных напитков. Прогоулы без уважительных причин — почти трехкратно, а количество преступлений, совершаемых в нетрезвом состоянии, снизилось вполтину. Но самое трудное еще впереди. Все это достигнуто главным образом административными мерами. Между тем с такой проблемой, как пьянство, можно покончить лишь в том случае, когда общественное мнение будет резко направлено против любителей злоупотребления спиртными напитками. А этого достигнуть нам пока не удалось. Еще слишком часто в обществе проявляется снисходительное отношение к пьяницам.

Все эти встречи, независимо от тематики бесед, доказывают одно: перемены набирают темп также и вдалеке от столицы. Они необходимы людям, и люди стараются, чтобы они стали действительностью.

ВОТ ТАКА-А-АЯ РЫБА!

Не в каждом путешествии бывают приключения, остающиеся в памяти на всю жизнь и превосходящие даже самое смелое воображение. Это случилось над Олой, небольшой речкой, впадающей в Охотское море в каких-нибудь тридцати километрах к северу от Магадана.

Уже в последний день пребывания в Магаданской области ехали мы трясущимся на выбоинах гравийной дороги автобусом, тянущим за собой длинный шлейф бурой пыли. В какой-то момент, когда дорога бежала у самой речки, кто-то вдруг крикнул:

— Смотрите, что делается!

Даже из автобуса было отчетливо видно, как вверх по реке идет рыба, а кое-где вода от нее буквально бурлит.

— Идет уже кета, один из восьми видов лососевых, которые поднимаются в верховья нашей реки на нерест, — объясняют наши гиды.

Выскакиваем из автобуса. Фоторепортеры с места принимаются за работу. В теплый, солнечный день в идеально прозрачной воде все видно как на ладони. Ажиотаж, охвативший нас в первое мгновение, исчезает. В полной тишине наблюдаем это поразительное, на первый взгляд даже противоречивое явление природы — ход лосося на нерест. Сразу вспоминается прекрасное описание у Антона Чехова хода кеты, который он когда-то наблюдал на Сахалине:

«...с неудержимой силой, в количестве буквально бесчисленном, мчитя вверх против течения, доходя до самых верхних, горных потоков. Масса рыбы, наблюдаемая в это время, бывает так велика и ход ее до такой степени стремителен и необычен, что кто сам не наблюдал этого замечательного явления, тот не может иметь о нем настоящего понятия. О быстроте хода и о тесноте можно бывает судить по поверхности реки, которая, кажется, кипит, вода принимает

рыбий вкус, весла вязнут и, задевая за рыбу, подкидывают ее»*.

Взрослая кета достигает трех-пяти килограммов веса. Как и все представители этого семейства, вскоре после того как выведется из икры в горной реке, сходит по весне в море. Кета выделяется среди своих сородичей тем, что кроме великолепного, розового мяса — дает знаменитую красную икру.

Плавая в морях и океанах, жирует, растет, набирает силу и, спустя три-четыре года, когда становится зрелой, возвращается, чтобы дать потомство. Возвращается в реку, где она сделала свой первый глоток воды.

Когда достигнет устья своей реки, даже перестает жировать. Весь запас накопленных сил расходует на то, чтобы пробиться в верховье, на нерестилище. Огромное ее количество по пути гибнет на порогах и перекатах. Только самые сильные достигают цели. Но только затем, чтобы никогда больше не вернуться на океанские просторы. После того как исполнит веление природы, окончательно обессиленная — гибнет. Ни одна из этой громадной массы идущих на нерест рыб никогда не возвращается...

Можно бесконечно смотреть на эту мистику природы, свидетелями которой мы стали так неожиданно.

К нерестилищу рыбы подходят парами, вместе разгребают гальку, выкапывая лунку для икры. Затем уже израненными плавниками засыпают ямку с оплодотворенной икрой так, что на этом месте образуется небольшой холмик. Стоят над ним, преодолевая течение. Охраняют это место, пока не израсходуют последних сил. Время от времени бросаются на все живое, что появится вблизи, в том числе и на представителей своего рода, подыскивающих места для метания икры. Но наступает момент,

* Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. — М.: Худож. лит., 1956. — С. 290. — *Прим. переводчика.*

когда течение реки побеждает, и обессиленную рыбу сносит вниз.

Берег буквально усеян мертвой рыбой. Глядя на это, становится не по себе. Даже наши местные товарищи, часто сталкивающиеся с этим феноменом природы, смотрят так же зачарованно, как и мы. Почти шепотом отвечают на наши вопросы.

Охотское море изобилует разнообразными видами рыб и крабов, морской капустой и другими, используемыми человеком морскими богатствами. Советский Дальний Восток дает одну треть продукции всего советского рыбного промысла. Однако Магаданская область не относится к ведущим в этой отрасли. До недавнего времени количество отлавливаемой здесь рыбы едва покрывало собственные потребности, и лишь в последние годы излишки рыбной продукции поставляют в различные районы СССР, а также на экспорт.

Морское побережье в устье реки Олы каменистое. Выделен здесь для лицензионного лова лосося отрезок длиной в несколько километров, оборудованный блочками для постановки сетей. Достаточно только купить лицензию в Государственной рыбной инспекции и, даже не имея собственной сети, можно отловить указанное в разрешении количество рыбы. Для любителей ловли на спиннинг отведены участки в каких-нибудь полутора километрах выше устья. Рыба там, правда, уже не жирует, но блесну хватает, принимая ее за хищника, ко всему уже равнодушная — защищает будущую жизнь...

Лосося ловят или в море, или в реке у самого ее устья. Это изящная и сильная рыба с великолепным мясом, и икра из нее получается отличная. С подъемом вверх по реке рыба меняется: изменяется ее форма, мясо приобретает совершенно другой вкус, цвет и даже запах. Фактически непригодна уже в пищу. Только у некоторых коренных народностей такое мясо лосося считается деликатесом. Сушат его на солн-

це и ветру, получая так называемую юколу.

Зато икра у рыбы в этот период более зрелая и ценится значительно выше. И потому работы у рыбной инспекции немало — любителей легкого заработка хватает. Хотя борьба с браконьерами ведется острая, искушение зачастую бывает слишком велико.

— Когда-то икру вывозили отсюда ведрами и даже бочками, — рассказывает наш попутчик местный журналист Виктор Тимаков. — Но «хорошие времена» кончились. Контроль усилился. Так что незаконному промыслу икры поставлен барьер. Тем не менее проблема охраны рыбных запасов существует по-прежнему. Причем дело не только в борьбе с браконьерством, но и в сохранении чистоты рек, обеспечении ненарушенности природного состояния мест нереста лососевых.

Несколько десятилетий тому назад семьдесят процентов улова рыбы на советском Дальнем Востоке приходилось на ценные виды лосося. Теперь его доля в общем объеме добываемой рыбы составляет немногим более десяти процентов. Естественно, из этого не следует, что лосося стало меньше. Резко возросли объемы добычи. Рыболовецкие суда со здешних баз выходят на промысел в дальние моря и в различные районы океана. И все же рыбное хозяйство встало перед проблемой искусственного разведения лосося, а в первую очередь — сохранности чистоты нерестовых рек. Вблизи Магадана, как раз на берегу Олы, уже в течение двух лет работает оснащенный современным оборудованием крупный комбинат по разведению различных видов лосося.

...Но пока еще лосось идет в огромных количествах. Убеждаемся в этом сами. Приобретаем за двенадцать рублей лицензию на отлов четырех штук кеты. Действительна она только в течение одного дня. Если улов будет больше, придется доплатить соответствующую сумму, если же ни-

чего не поймает — что поделаешь, потеряем аванс. Но в невезение верить не хочется. И действительно, в течение часа вытягиваем шесть великолепных рыбин, по три с половиной-четыре килограмма каждая.

— Когда идет горбуша или кета, нерпы выстраиваются в шахматном порядке в самом устье Олы и только время от времени ныряют, — говорит несколько возмущенный их ленью и жаждой легкой добычи один из членов нашей любительской рыболовецкой бригады журналистов, выполняющий роль инструктора. — Совсем распустились. Обратите внимание, как только мы заводим сеть, нерпы тут как тут. Теперь будут вытаскивать из сети рыбу, а если это не удастся — отгрызать ей голову.

Лов банально прост. В море на расстоянии около сорока метров от берега укреплен бочок с перекинутой через него веревкой. Тянешь за нее и заводишь сеть в море всего лишь на какие-нибудь десять метров от берега. Когда в сеть попадает рыба, поплавки ходят, а вода вокруг них бурлит. Тогда уже быстро выбираешь ее на берег и вынимаешь из ячеи две-три прекрасные серебристые рыбины.

Предпоследний день пребывания в Магаданской области запечатлелся в моей памяти еще одним, скорее анекдотическим случаем. Может, стоит о нем написать, поскольку — как мне кажется — характеризует он некоторую избалованность местных жителей рыбным богатством. Так вот, несколько лет назад, когда я старался как можно лучше принять своего товарища — советского журналиста, не без труда достал баночку икры. Легко представить себе мое разочарование, когда гость к ней даже не притронулся. Видя мою реакцию, с улыбкой объяснил: «Разве ты не знаешь, что я рос на Дальнем Востоке? Только там можно поест настоящей икры!»

И подробно описал, как готовится «настоящая икра». Это икра только что отловленного лосося, выдержанная пять — семь минут в перенасыщенном растворе поваренной соли. Воду кипятят с лавровым листом, перцем и другими приностями. После остывания таким образом приготовленной воды (так называемого тузлука) бросают в нее свежую икру, отделив ее предварительно от пленки. Затем тузлук отцеживают и получают ту самую «настоящую икру». «Едят ее, — говорил тогда товарищ, — со свежим черным хлебом, намазанным толстым слоем масла и посыпанным мелко нарезанным зеленым луком. Едят ложками».

Естественно, посчитал я это шуткой. И только теперь, будучи на Дальнем Востоке, убедился, что именно так пируют здесь любители ловли лосося.

Хозяева приготовили нам «пятиминутку» (так называют местные жители приготовленную на ходу икру) с нашего лицензионного улова. Вкус ее значительно нежнее, чем баночной, не имеет той горечи, и она не такая соленая. Икринки крупнее, и они сами тают во рту.

Магаданская область находится на севере советского Дальнего Востока. Если не считать обилия рыбы и морского зверя, природа ее скорее скудна. Конечно, в сравнении с другими, более южными районами. Там шумит знаменитая Уссурийская тайга, где до сих пор властвует ее хозяин — сибирский тигр. Там растут женьшень, дикий виноград, десятки, а может, даже и сотни видов различных лекарственных трав и растений. Но и в этом холодном северном районе немало богатств и удивительных явлений природы.

*Перевод с польского
С. КИТОВСКОГО*

Ханс-Петер
РИЗЕ

Перестройка в таежных даях

Ханс-Петер РИЗЕ — известный западногерманский публицист, родился в 1941 году в городе Энгер. Закончил высшую школу во Франкфурте, где занимался историей, философией, политическими науками. Работал корреспондентом различных западногерманских телерадиокомпаний. Три года представлял в Праге радиостанцию «Дойчландфунк» и газеты «Штуттгартер цайтунг» и «Франкфуртер альгемайне цайтунг». С 1986 года Х.-П. Ризе представляет в Москве одну из крупнейших радиостанций Федеративной республики «АРД».

Ханс-Петер Ризе — автор нескольких книг, вышедших в ФРГ и США. Среди них такие монографии, как «Борьба за права человека» и «Использование средств массовой информации как общественной силы». Х.-П. Ризе является автором предисловия к западногерманскому изданию книги М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

В 1987 году Х.-П. Ризе побывал в Магаданской области. Предлагаемый в нашей книге репортаж опубликован в газете «Дойчес альгемайнес зоннтагблат».

Почти никто из моих друзей в Москве не смог удержаться от намеков. «Сколько ж лет тебе дали?» — так иронически они комментировали мои планы посетить советский Дальний Восток, город Магадан. Этот порт на Охотском море, к северо-востоку от Японии, напротив острова Сахалин, издавна был овеян таинственностью. Именно в глубине этого района, на реке Колыме, располагались те самые пресловутые сталинские трудовые лагеря, где страдали и погибали

люди, которым несть числа. В Советском Союзе живы воспоминания о жертвах, однако обращение к этому трагическому периоду прошлого страны вызывает теперь меньше напряженности.

Поездка в Магадан и на Чукотку, на самый край громадной страны, где Советский Союз отделяет от Аляски и, таким образом, от США практически только узенькая полоска воды, и сегодня еще является для западных корреспондентов, аккредитованных в Москве, настоящим приключением.

Причиной тому — не только гигантская удаленность; расстояние между Магаданом и столицей составляет примерно десять тысяч километров, магаданское время на восемь часов опережает московское. Главное заключается в том, что эта область до сих пор была абсолютно закрыта для посещения представителями «буржуазных западных средств информации», как это здесь по-прежнему называется, несмотря на гласность. Здесь расположены центры советской золотодобывающей промышленности; районы, прилегающие к границе США, также имеют большое стратегическое значение.

Организация этой поездки для группы западных корреспондентов явилась, вероятно, испытанием и для Министерства иностранных дел СССР, так как этот край представляет собой буквально «белое пятно» на карте.

Все места в реактивном лайнере «Ильюшин», используемом на дальних рейсах, заняты до последнего. Под крылом самолета ландшафт, укрытый толстым бесконечным снежным одеялом. Мы летим над земельными массивами государства, размеры которого превосходят силу воображения, лишь изредка глаз отмечает город. Только во время этого девятичасового перелета житель средней Европы, привыкший к коротким расстояниям, осознает по-настоящему истинные масштабы Сибири. Даже для многих русских место нашего назначения лежит за гранью цивилизации.

Теоретические справки из области гео-

графии дают мало. Край, куда мы летим, занимает по площади территорию, примерно равную Франции, однако насчитывает немногим больше полумиллиона жителей. И по сей день эта страна неизведанных трудностей, притягивающая искателей приключений и быстрых заработков.

В 1928 году геолог Билибин открыл здесь месторождение золота и доложил об этом в Москву. Через некоторое время Красная Армия направила на Север прибалтийца Эдуарда Берзина, чтобы основать на побережье первый гарнизон — теперь город Магадан. В 1932 году пришвартовался первый корабль «Сахалин» — трудный и опасный путь из Центральной России на Крайний Север значительно сократился.

Однако в это же время получает развитие и явление, в результате которого Колымский край сделался синонимом сталинского террора. Уже в начале тридцатых годов, как еще вспоминают некоторые жители города, прибыли первые принудительные рабочие, к 1937 году страшная «инфраструктура» была уже построена. Годом позже пал жертвой террора и сам основатель города, кавалер ордена Ленина, он был расстрелян в Москве.

Сегодня — это история, и можно понять жителей города, вспоминающих о ней с неохотой. Да и свидетелей того времени осталось немного, большинство населения приехало сюда уже после войны, привлеченное романтикой или надеждой на хороший заработок.

Коренные жители Чукотки, чукчи и эскимосы, составляют незначительное меньшинство населения, около пяти процентов, остальные — примерно пятьсот тысяч — люди, приехавшие со всех уголков Советского Союза. Только в Магадане проживают представители двадцати двух национальностей.

На первый взгляд город-порт предстает современным, просторным. На окраинах преобладают, как и в большинстве крупных

советских городов, унылые дома-коробки из сборного железобетона. Центр города хранит еще немного очарования провинциального административного центра. Гостей города удивляет картина, непривычная для Советского Союза: целые поселки деревянных домиков и бараков явно самовольной застройки, по своему характеру они напоминают иногда даже южноамериканские «фавелас». Наглядная иллюстрация главной проблемы целого края. Не хватает жилья, централизованное планирование из Москвы оказалось несостоятельным. Правда, молодая динамичная Ангелина Н. Осина, секретарь горкома, заявляет, что каждая семья получит собственную квартиру к двухтысячному году — полностью в духе ее далекого Генерального секретаря Михаила Горбачева — однако как этого можно будет достичь, остается пока ее тайной. Даже имеющееся жилье вряд ли можно считать «соответствующим»: это главным образом однокомнатные квартиры, в которых проживают семьи, в лучшем случае, из трех человек.

На улице поселка Билибино, названном в честь геолога — исследователя этого края, с нами заговорила женщина. Вот уже двадцать четыре года живет она здесь, вышла за это время на инвалидность, получает пенсию сто двадцать рублей, что соответствует примерно четыремстам маркам ФРГ. Уже много лет она ожидает квартиру и живет на двадцати квадратных метрах со своей семьей, состоящей из семи человек. Да, разные судьбы скрываются за статистическими данными, которыми нас буквально заваливают...

Поселок Синегорье. Всего час лета от Магадана. Этот городок с тринадцатитысячным населением обязан своим существованием необыкновенному достижению инженерной мысли: на реке Колыма строится — практически в условиях Арктики — первая в Магаданской области гидроэлектростанция; проектная мощность четыреста пять-

десять мегаватт, она будет снабжать электроэнергией близлежащие рудники. Пока идет строительство. Сейчас, в конце марта, стоят «приемлемые» температуры воздуха — только лишь около тридцати пяти градусов ниже нуля при сильном ветре. В январе — феврале может быть минус шестьдесят и ниже, но работы не прекращаются. Зарботки рабочих, конечно, квалифицированных, превышают вместе с надбавками и премиями тысячу рублей, то есть в три раза больше, чем получают их коллеги в более обжитых частях Советского Союза.

Стройке город обязан не только своим существованием, практически он и принадлежит гидроэлектростанции. Недаром о развитии города нам рассказывает первый секретарь парторганизации предприятия, а не председатель местного Совета, то есть бургомистр.

Николай Данилович Семинога, тридцати шести лет, уроженец Украины — прораб перестройки эпохи Горбачева, он объединяет в себе компетентность и оптимизм; новые формулировки перестройки и демократизации слетают с его уст, как само собой разумеющееся, как будто он рос вместе с ними. Как ни впечатляющи итоги — особенно с учетом трудных условий этого края, — о которых говорил Семинога, видны невероятно трудные проблемы, прежде всего социального характера. На четыре тысячи четырехста семей в городе приходится всего четыре тысячи квартир, или сто семьдесят тысяч квадратных метров. О том, что это в большинстве своем малогабаритные квартиры, можно судить по другой цифре. В список очередников на получение квартиры внесены тысяча двести жителей. Не имеющим собственных квартир приходится жить в гостиницах и так называемых рабочих общежитиях; последние представляют собой сооружения, которые гарантируют только возможность выжить, но не более того.

Вечером городок вымирает и не только

по причине жестоких холодов. Возможности провести свободное время минимальны. Единственный ресторан предлагает бойкую западную музыку. Культурно-спортивный комплекс уже шесть лет стоит в строительных лесах и вот теперь наконец, благодаря участию населения в добровольных субботниках, должен быть сдан в эксплуатацию к лету.

Что же манит человека в этот край, что может заставить его остаться здесь жить на годы? Например, в Билибино — четыре часа лета от Магадана и еще один час разница во времени — место, где можно было бы разместить «край земли»?

Вечер. Мы в гостях в семье шофера. Квартира из трех комнат — это выше среднего уровня, таким образом семья из пяти человек явно привилегированная. Хозяин рассказывает, что приехал в Билибино двадцать лет назад, когда здесь практически не было ни одного дома. Сначала вместе с женой и дочерью жил в палатке, потом — в бараке. Обе его дочери, вторая родилась уже здесь, чувствуют себя местными жителями. Сын, младший ребенок, гордо показывает гостям из Москвы карту Советского Союза и расстояние до его родного поселка, который именуется на карте.

И для этого есть своя веская причина, так как здесь, за Полярным кругом, стоит еще одно чудо техники на Севере, единственная в мире атомная электростанция, построенная на вечномерзлом грунте. Также и этот поселок с его пятнадцатью тысячами жителей полностью зависит от АЭС. Коля, наш гостеприимный хозяин, участвовал двадцать лет тому назад в строительстве атомной электростанции.

Для журналистов из Москвы на предприятии предписана гласность. Фотографировать в реакторном зале? Конечно, можно. Только, господа корреспонденты, будьте так любезны не брать в объектив реакторные стержни. «Нам нечего скрывать, — говорит главный инженер. — Я привял бы

с удовольствием и контролеров из МАГАТЭ в Вене. Только вот Билибино очень далеко».

Четыре реакторных блока «типа Чернобыля» производят сорок восемь мегаватт. На дополнительные средства защиты в прошлом году было израсходовано три миллиона рублей. Дальнейшее расширение станции — а запланировано построить еще три блока — станет дороже на одну треть. Молодой главный инженер, который участвовал в работах по устранению последствий аварии в Чернобыле, практически исключает возможность риска. Три кольца охлаждения работают автоматически и автономно друг от друга; в течение всех тринадцати лет, с тех пор как первый блок был включен в сеть, не было ни одного повреждения. Кому же потребуется столько энергии здесь, на Севере, в нетронутой тундре? «Ну, потребителей энергии у нас хватает, — отвечает инженер. — Разработка полезных ископаемых идет полным ходом».

«Кто выдержал на Севере первые три года, — рассказывает далее своим гостям хозяин Коля, — тот, как правило, остается здесь на следующие пятнадцать лет и дольше». Преимущества уравнивают тяжелые условия жизни и труда. Проработавшие здесь пятнадцать лет кроме высокого заработка имеют также и право раньше выйти на пенсию. Большинство приехавших сюда имеют где-нибудь на материке, то есть в республиках в центральной части Советского Союза, еще одну квартиру, в которую они хотят когда-нибудь вернуться. А пока они компенсируют удаленность своего проживания поездками во время отпуска.

Несмотря на то, что авиабилет Магадан — Москва и обратно стоит триста сорок рублей и является самым дорогим в системе Аэрофлота, загрузке авиалинии может позавидовать любая западная авиакомпания. Простой рабочий имеет отпуск сорок два дня — в два раза больше, чем в других

районах страны. Работающие здесь имеют право «копить» дни, и некоторые собирают таким образом за два года целых три месяца и даже больше. Отпуск проводят «дома» или на юге, преимущественно на Черном море.

Другой наш собеседник, уроженец Севера, рассказал нам, что впервые увидел помидор в возрасте тридцати лет. Причем его мать так и не решилась разрезать этот помидор — слишком ценный и диковинный продукт. В настоящее время помидоры и южные плоды доставляются сюда Аэрофлотом, но все еще слишком мало. Хотя цингу, традиционную болезнь покорителей Севера старого времени, можно считать изжитой, все же снабжение овощами остается далеко не достаточным.

Большие надежды возлагают на теплицы. Мы посетили строящееся тепличное хозяйство в Синегорье. Один килограмм помидоров будет обходиться в сумасшедшую сумму — четырнадцать с половиной рублей — а в школы и детские сады эти помидоры поступают по цене три рубля шестьдесят копеек.

Снабжение мясом для чукчей совхоза «Омолон» — в сердце Чукотки — не проблема. Дело в том, что в их стадах пасутся тридцать четыре тысячи оленей (на территории почти семь миллионов гектаров). Когда наш вертолет подлетел к перевалочной базе совхоза, единственную посадочную площадку заправили вспугнутые олени. А когда наконец он смог приземлиться, нас приветствовали около двух десятков чукчей в национальной одежде. Одежда сшита из меха и обильно украшена цветной тесьмой и строчкой, обувь — из шкуры нерпы.

Перевалочная база (восемьдесят километров от совхоза) — это семь деревянных домиков. Три из них представляют собой, собственно говоря, передвижные контейнеры, разработанные специально для этого региона, но, по оценкам жителей, не очень удобные. Тем временем они сами строят

себе деревянные дома по собственным проектам. Нас приглашают в самый большой дом. Его единственная комната (двадцать пять квадратных метров) отапливается железной печкой.

К праздничному столу поданы, как нам объясняют, деликатесы: печень оленя и сырая замороженная рыба. К ним — наконец-то! — водка. Дело в том, что в Магадане водка почти полностью под запретом, только один ресторан имеет разрешение на торговлю алкоголем, только в одном магазине продается «горячительное». Но чукчи проживают далеко от местных властей и крепко употребляют наравне с нами.

«Главную опасность для стада представляют волки, — рассказывают нам хозяева. — И они становятся все наглее». При обнаружении волчьей стаи директор совхоза сразу вызывает из Билибино вертолет Аэрофлота (семьсот пятьдесят рублей в час). Однако дело того стоит, особенно если охота окажется удачной. За волка платят премию сто рублей, за волчицу — вдвое больше. За три дня до нашего приезда бригада добыла семь матерых волков. Заодно мы сообщаем и этот успех. Пастухи зарабатывают не так много, как строители, но все же их заработки в два раза выше, чем в среднем по Советскому Союзу: то есть в любом случае они все-таки имеют от четырехсот до пятисот рублей.

В нас закрадывается подозрение, что перед нами разыгрывают спектакль «в духе

фольклора». Хоть чукчи и пользуются еще оленьими упряжками, но в их приемниках крутятся кассеты с западной музыкой. И конечно же, нам представляют супербригаду совхоза, которая как раз получила премию тысячу рублей за перевыполнение плана. Бригада сохранила все две тысячи четыреста оленей, сдает мяса гораздо больше средних показателей.

Вертолет поднимается в воздух, оставляя на земле маленькую кучку людей, бригаду номер семь, они машут нам вслед. Через несколько минут они превращаются в точку на снегу. Мы берем курс на Билибино, расстояние четыреста километров. Под нами снова расстилается бесконечная холмистая тундра. Человек оставил до сего времени лишь минимальный след в этих просторах. И все же он и здесь уже начал свою борьбу с природой.

Мы прощаемся с Чукоткой, испытывая щемящую тоску жителей Средней Европы, которые знакомы с природой только в той форме, которую придали ей сами обживающие ее люди. Крайний Север Советского Союза, где так мало человеческих поселений и совсем нет дорог, хранит еще свои тайны — дружелюбные чукчи знают, наверное, гораздо лучше и больше того, о чем они захотели поведать нам.

*Перевод с немецкого
Н. САЛТЫКОВОЙ*

Мартин
ЙОН

Найти свое место в жизни

Мартин ЙОН. Журналист из ГДР. Бывший московский корреспондент газеты «Нойес Дойчланд». Представленный материал опубликован в этой газете.

«Николай снова в бригаде!» — эта новость быстро облетела все оленеводческие бригады совхоза «Турваургин» Чукотского автономного округа. «Он оставил работу председателя исполкома и возвратился в тундру...» — из уст в уста передавалось всюду.

Не прекращались дискуссии по этому поводу даже в самых отдаленных стойбищах оленеводов. Некоторые, в основном пожилые тундровики, задумчиво покачивали седыми головами. А молодые горячо утверждали, что правильно поступил Мельников, — ведь он не может жить без тундры...

Да, опустело председательское кресло в маленьком чукотском селе. На двери уже не висит табличка с надписью: «Николай Викторович Мельников — председатель исполкома Островновского сельского Совета народных депутатов». Теперь будет избран новый «мэр» села. Тот, кто больше всего подходит для такой работы. А проблем в этом пет: в Островном есть немало грамотных молодых людей из числа представителей коренной национальности, тех, кто получил хорошее образование в различных городах Советского Союза.

Ну а что же все-таки случилось с Николаем?

...В свои двадцать пять лет Мельников слыл среди пастухов самым опытным и ловким — пошел по стопам своего деда

Ивана Ивановича Тальвавтына, который был одним из основателей первого на Чукотке совхоза «Турваургин» («Новая жизнь»). То были годы первых, еще робких шагов чукчей от тяжелой, изнурительной кочевой жизни к новой. Теперь это уже уверенная поступь хозяев своего края. На этой суровой земле широкое развитие получила крупная промышленность, выросли благоустроенные села и поселки, города, у местной молодежи имеется прекрасная возможность развивать свою богатую древними традициями культуру на более высокой основе. Шаг в новую жизнь открыл перед чукчами, эвенамй, юкагирами невиданные просторы для творческой деятельности. Естественно, богаче стал выбор профессий. Но именно здесь-то и возникают порой психологические конфликты, один из которых произошел в случае с Мельниковым.

Так вот, с детства Николай удивительно легко усваивал самые сложные приемы и навыки оленеводов. Этому его учил старый Тальвавтын. Невелик пастушеский арсенал — нож, чаат, палка... Но как искусно и мастерски владеет всеми этими атрибутами Мельников! Никто не может сравниться с ним, например, в метании чаата (чукотского лассо). Молнией чаат вырывается из рук оленевода и, со свистом описывая дугу, опускается точно на рога оленя.

Да и в школе внук Тальвавтына заметно выделялся среди сверстников своими способностями, упорством, трудолюбием и смекалкой. Николай не отбрасывал мысль о том, чтобы после школы продолжить учебу в техникуме или институте. И он, несомненно, учился бы... Да, если бы смог на время расстаться с тундрой.

Односельчане, конечно, видели незаурядные данные Мельникова, «открыли» его как личность, избрав председателем исполкома. А что? Николай умеет выступить перед аудиторией, знает толк в оленеводстве, его бригада — всегда на лучшем счету в совхозе.

Но тот поначалу упорно отказывался от

председательского портфеля. А ему не менее настойчиво говорили: «Поверь нам, ты справишься...» И в конце концов Мельников согласился.

С первых дней работы на таком высоком посту он с головой ушел в новую для себя деятельность — планировал, организовывал мероприятия, проводил заседания, совещания, дискутировал с оленеводами, помогал там, где это было возможно.

Как-то непривычно было теперь его жене видеть Николая каждый день дома. Вскоре она заметила, что муж сильно изменился, с работы часто стал возвращаться угрюмым, молчаливым, замкнутым. И однажды спросила, что с ним происходит? Мельников ответил с грустью:

— Мне не хватает хруста ягеля под сапогами, изумрудного цвета мха, первых проталин под лучами весеннего солнца, запаха грибов, который пьянит даже олень, не хватает мне скрипа полозьев нартов...

Наверное, не доставало ему и друзей из бригады, по которым тосковал в неменьшей мере.

Прошло некоторое время, и Николай решил: написал заявление в Билибинский райисполком: «Я знаю, насколько важна эта работа — заботиться о том, чтобы все могли хорошо трудиться и жить. Но без тундры я не могу. Дайте мне самую трудную работу, но только в оленеводстве. Там я принесу совхозу больше пользы. Ручаюсь за это...»

Не скоро утихли дебаты в Островном. В конце концов дали Мельникову небольшое стадо в тысячу восемьсот голов. С пятью пастухами и двумя поварами-швеями отправился Николай на поиски нового маршрута, за сотни километров от центральной усадьбы. Местность была совершенно незнакомой — кругом топи и бо-

лота, нередко на пути непреодолимой преградой вставали горные хребты. Короче, бригада помучилась изрядно.

Но именно здесь и нашли оленеводы отличные пастбища, богатые кормом для животных. Николай, подвергнув себя такому нелегкому испытанию, довел-таки дело до конца — проложил «чистый» маршрут и для других бригад совхоза.

...Много воды утекло с тех пор в чукотских реках. Седьмая бригада, руководимая Николаем Викторовичем Мельниковым, и по сей день ходит в числе передовых не только в Билибинском районе, но и округе, во всей Магаданской области.

Малая золотая медаль ВДНХ СССР, орден Дружбы народов, высокое звание депутата областного Совета народных депутатов — вот далеко не полный перечень заслуг потомственного оленевода, отмеченных Родиной. И новая, двенадцатая пятилетка началась для него с того, что руководимая им бригада по итогам социалистического соревнования за 1985 год среди комсомольско-молодежных коллективов Чукотского автономного округа удостоена приза имени Героя Социалистического Труда Ивана Аренто. Что ж, неплохое начало.

Мне вспоминаются слова, сказанные в адрес Николая одним из руководителей Билибинского района: «Такие люди, как Мельников, никогда не упрощают себе жизнь. Чукотский народ за какие-то десятилетия, преодолев отсталость, воспитал много замечательных представителей из числа коренного населения. Есть среди них и ученые, и писатели, и государственные деятели. И в их ряду — Мельников, который точно знает свое место в жизни».

*Перевод с немецкого
В. ДЗИРКАЛА*

ВЛАДИМИР
ДИВИШ

Золото их сердец

Владимир ДИВИШ. Сотрудник газеты «Руде право». Несколько лет представлял эту ведущую чехословацкую газету в Москве. Предлагаемый материал опубликован в «Руде право» в 1985 году.

СКВОЗЬ ТОРОСЫ ОХОТСКОГО МОРЯ

Якорь с хрипом прорывает белый ледяной ковер. Пять тонн заостренной стали с удивительной легкостью поднимаются на бронированный борт ледокола, рядом с большими буквами «Капитан Хлебников». Наконец мы отплываем. Навстречу почти метровому панцирю, сковывающему воды бухты Нагаева, который выстроило непреодолимое Охотское море на пути ледовых караванов.

— Точнее держать прямой курс, — гремит за спиной рулевого Саша Буткова строгий голос вахтенного начальника Владимира Афонькина. На палубе ледокола это «человек номер два», старший помощник капитана — старпом.

За широкой кормой ледокола вьется отливающая синевой лента, протканная обломками льдин. Свообразный почерк рулевого. На капитанском мостике достаточно обернуться, и каждая Сашина минутная невнимательность тут же проявится искривлением навигационной прямой.

На сей раз он, однако, не виновен, хотя хорошо заметная «змейка» вызвала гнев на лице старпома. Такой позор перед иностранными журналистами — выписывать зигзаги по бухте, как пьяный. Мне не

остается ничего другого, как признаться: возможность собственноручно попробовать управлять таким колоссом водоизмещением двенадцать тысяч тонн была для меня сильным искушением.

Огромного рулевого колеса, поворачиваемого с приложением больших усилий, здесь нет — вместо него только маленькие полукружья с рычагами, с легкостью управляющие с помощью электронных элементов двумя мощными рулями, скрытыми под кормой. Ледокол моментально реагирует буквально на малейшее движение рук.

— Тогда другое дело, — отвечает уже более примирительным тоном на мое признание Владимир Викторович. — Высокая маневренность — это одно из основных условий быстрого прохождения ледокола по замерзшим морям и океанам.

ГДЕ ЛЕД ТОНОК

Саша незаметно переводит дух. Среди восьмидесяти членов экипажа «Капитана Хлебникова» он считается «стариком» — на палубе ледокола заканчивает свою вторую арктическую навигацию, хотя через пару недель ему исполнится всего лишь двадцать два года.

— Строгое выполнение приказов в нашем случае гораздо более важно, нежели на обычных торговых кораблях, — посвящает меня Саша в тонкости плавания. — Лучше всего идти на расстоянии десять — пятнадцать метров от старого коридора. Здесь лед наиболее тонок. А пробиваться по следам другого ледокола, который здесь прошел, скажем, пару часов назад, было бы ошибкой начинающего.

Тридцатиградусный мороз, летящий на ледяных крыльях резкого порывистого ветра, почти моментально затягивает водяной шрам, возникающий за тремя винтами ледокола. Приборы на капитанском мостике регистрируют ветер, несущийся со скоростью тридцать метров в секунду.

Позже, уже в открытом море, капитан корабля Николай Литовченко, сидя в кают-

компании, рассказывает о том, насколько часто ледокол вынужден — по несколько раз подряд — таранить ледяной барьер. Если не спасает даже это, не остается ничего другого, как закачивать в специальные резервуары в передней части ледокола сотни тонн морской воды. Ее вес помогает ломать ледяные оковы до двух метров толщиной. Слегка изогнутый дугой нос ледокола, укрепленный стальными листами, поднимается над кромкой льда и всей громадной массой корабля и силой шести мощных дизель-электромоторов крушит валы, выкованные ледяным дыханием Арктики.

Плавание продолжается в обычном режиме. Скорость — двенадцать узлов, что на языке обитателей суши означает приблизительно двадцать два километра в час; ледокол в открытом море режет льды всего в полметра толщиной. Однако, когда ледокол, построенный четыре года назад на финской верфи в Турке, выберется из ледяных полей, он может развить скорость до двадцати узлов.

СЕВЕР ШУТОК НЕ ЛЮБИТ

— Условия жизни и труда людей на нашем корабле совсем неплохие. Скорее наоборот. Крытый бассейн, сауна, спортивный зал, кинозал, видеомагнитофон, дискотека. Каждый член экипажа имеет свою отдельную каюту с душем и туалетом, — начинает осмотр своих многопалубных владений капитан Литовченко. — Этот комфорт, кое-кому даже кажущийся излишним, уравновешивает некоторые иные моменты службы на ледоколе. Почти неутихающий ледяной вихрь, неослабевающий мороз. Кто на себе не почувствует, что может влажный морской ветер с крепким морозом и метелью, тот вряд ли поверит.

Капитан для пущей убедительности показывает большое фото транспортного корабля, палубу которого в Магаданском порту очищали от двухметрового слоя льда.

— Ни на что бы не променял, — реагирует позже на слова капитана Саша Бутков. На море он попал почти случайно. Из Свердловска приехал во Владивосток — навестить старшего брата — он служил здесь в морской пехоте. Бесконечные морские просторы покорили уральского парня. А когда к этому брат добавил еще и захватывающие рассказы о дальних плаваниях, выбор будущей профессии был сделан. Но почему именно ледокол?

ПОМОГАЕТ ВЕРТОЛЕТ

Их служба может кому-то показаться однообразной, неинтересной, лишенной романтики. Полгода в летнем навигационном сезоне водят караваны через Северный Ледовитый океан, зимой же буквально перетаскивают корабли через самые тяжелые участки Охотского моря. Лед и погода могут принести столько неожиданностей, что не остается времени на скуку.

— Что бы без нас делали в этих местах самоуверенные «торговцы» в тельняшках, — усмехается Саша. — А люди с суши могут, конечно, завидовать нашему трехмесячному отпуску и хорошим заработкам, однако на то нет причин. Это тяжело заработанные деньги.

Уже с 1962 года благодаря ледоколам Магадан относится к портам с круглогодичной навигацией.

— Одной из наиболее навигационно-сложных считается часть Охотского моря на юг от бухты Нагаева, — рассказывает передо мной свои пестро разрисованные карты симпатичный гидролог Рамиль Чурбанов, тридцатичетырехлетний татарин из Баку. На Крайнем Севере служит уже двенадцатый сезон, а дома во Владивостоке его с нетерпением ждут жена Зоя и трое подрастающих ребятишек. В отпуске он им каждый раз обещает, что поменяет работу. Пока еще они этого не дождались.

— С ноября по июнь мы помогаем ко-

раблям преодолеть зону шириной в двести сорок миль (морская миля — тысяча восемьсот пятьдесят два метра). Во многих случаях, однако, недостаточно только лишь пробивать лед перед караваном судов. Нередки случаи, когда мы вынуждены их по одному, а то и по двое перетягивать через особо опасные ледяные поля. Толстыми стальными канатами мы привязываем нос грузового корабля к нашей корме и затем вместе пробиваемся в сторону Магадана.

В экипаже ледокола есть люди самых разных профессий. Есть и двое водолазов. Время от времени они вынуждены в ледяной воде менять поврежденный многогранный винт. Или пилот вертолета Ми-2 и двое его механиков. С маленькой площадки на корме судна они регулярно стартуют с Рамилем на ледовую разведку. И при сильном ветре и жгучем морозе ищут наиболее легкий проход между ледяными валами.

На судне работают двенадцать девушек, главным образом на камбузе. Старшая из них недавно принимала поздравления с тридцатилетием.

АРКТИЧЕСКАЯ ДЖУЛЬЕТТА

— На нашем судне господствует военная дисциплина, — весело жалуется Надя Люминова, двадцати одного года, миниатюрная выпускница Краснодарского экономического техникума. — На палубе корабля нам запрещается заводить с ребятами знакомства. Незамужних нас здесь десять, а парней более шестидесяти. И понятно, капитан в этом вопросе абсолютно бескомпромиссен. Полгода мы живем в замкнутом коллективе, практически не имея контактов с окружающим миром, и нам угрожает «болезнь маленьких коллективов».

Однако, как она через некоторое время признается, среди членов экипажа есть парень, за которого она собирается выйти замуж:

— Мы встречаемся редко и тайно. Ду-

маю, что никто об этом вообще не догадывается. Иногда нам кажется, что мы арктические Ромео и Джульетта, вынужденные таить свою любовь, на пути которой воздвигнуто множество препятствий. Но однажды все узнают правду и будут приглашены на свадьбу с поистине северным размахом. А что потом? — На минуту она задумывается. — Я не питаю иллюзий насчет того, что мой будущий муж сможет отречься от моря и грохота льда. Мне нужно будет научиться ждать вместе с детьми долгие месяцы его возвращения, — она заговорщицки прижимает палец к губам и возвращается в жар корабельной кухни.

Надя тоже уже не думает о возвращении в теплые родные края на берегу ласкового Черного моря. Почему? Как утверждают некоторые здешние старожилы, и в северо-восточной части СССР постепенно становится все теплее. С приходом цивилизации в ранее забытые края жизненные условия даже в этих сказочно красивых, но жестоких местах значительно улучшаются.

— Я боюсь того дня, когда последний раз сойду на берег и навсегда расстанусь со своей каютой на ледоколе, — искренне признается Рамиль. По огонькам в его глубоких темных глазах нетрудно понять, что это случится через много лет.

У КАМЕННЫХ УТЕСОВ КОЛЫМЫ

ДРАМА В ПОДЗЕМЬЕ

Никакого грохота. Только тишина, оглушающая тишина подземелья.

— Я был готов к разным неожиданностям. Скала ведь женского рода. Изменчива, капризна, своенравна. Никто, однако, не предполагал, что в одно обычное утро она без предупреждения встретит нас свежей трещиной. — Рубцеватая рука проходчика Виктора Сергеевича Фадеева указывает на серую полоску, извивающуюся по двадцатиметровому своду потолка огромного

турбинного зала. Пятьдесят семь метров над нашими головами.

Работы на всем участке моментально остановлены. На три долгих месяца. Подходит к концу 1980 год. Что дальше? Не угрожает ли это обвалом громадной каменной массы? Ведь потолок просторного подземного зала, созданного за четыре года тяжелейшего труда бригадой проходчиков Виктора Фадеева, составляет сотни тысяч тонн неоднородного камня. Громадный холм высотой от тридцати до ста метров, тысячелетиями связанный арктическим холодом, сейчас небезопасно нагрет человеком всего лишь до минус семи градусов.

Дни, недели неуверенности, профессиональных и дилетантских споров. Было ли вообще правильно поместить все пять агрегатов Кольмской гидроэлектростанции глубоко под землей, отдельно от будущей столбчатой насыпной плотины? В этом сомневаются немногие. Холод внутри скального массива даже в феврале достигает максимум двадцати градусов ниже нуля, тогда как на поверхности ртутный столбик опускается ниже шестидесяти. С другой стороны, если бы здание электростанции было построено по обычной схеме в плотине, огромные годовые температурные перепады на поверхности значительно затрудняли и удорожали бы ее эксплуатацию.

— Признаюсь, что в те тяжелые дни ожидания, подавляющего «ничегонеделанья» мной завладели вдруг ранее знакомые сомнения. Зачем постоянно ты суешь нос туда, где тебя могут встретить одни лишь неприятные неожиданности, где твой многолетний труд может быть уничтожен в доли секунды? — возвращается в своих воспоминаниях на несколько лет назад Виктор Сергеевич.

БРЕЗЕНТОВАЯ КВАРТИРА

Сложен был жизненный путь Виктора Сергеевича Фадеева, прежде чем обрел он

родной дом в Синегорье, сейчас уже тринадцатитысячном современном поселке строителей и энергетиков, расположенном в пятистах километрах севернее Магадана в самой восточной части СССР. Горняка, специалиста высшего класса, проходчика с богатейшим опытом — Фадеева с распростертыми объятиями бы приняли и хорошо оплатили его труд на любой стройке или на шахте. Но он предпочел суровый край в морозном лоне колымских гор, далеко от центров цивилизации.

Почему он двенадцать лет назад приехал сюда? Почему променял едва обжитую уютную квартиру в заполярном Норильске на неустроенность, асфальт тротуаров — на бездонную грязь, которая на долгие зимние месяцы покрывается снежной периной толщиной в несколько метров? Почему, однако, он уже никуда не собирается отсюда уезжать? Почему?

Он сам долго искал единственно правильный ответ на тысячи вопросов, которые «подбрасывала» голове его непоседливая натура, унаследованная от татарских предков. В свои девятнадцать лет он уходит из родной Казани в большой мир, в люди, набираться опыта, к познанию настоящей, не фальшивой романтики и, может быть, за частицей приключений.

Желание проверить себя и молодую любовь, отношение к подруге жизни приводит его в начале шестидесятых годов в Снежногорск, лежащий в ста пятидесяти километрах южнее Норильска, на стройку Усть-Хантайской гидроэлектростанции. Первой за Полярным кругом, одной из первых, возведенных на вечной мерзлоте, первой с турбинным залом, вытесанным в скале глубоко под грунтом.

— Тогда я свою молоденькую жену в первый раз немножко обманул, — смеется он, глядя на нахмуренную жену, сидящую напротив. — В Челябинск, где она тогда жила, пришла телеграмма: «Срочно приезжай, нам выделили квартиру». Она при-

летела на следующий день и была сильно удивлена моей брезентовой квартире, — медленно переворачивает страницы памяти Виктор Сергеевич. — Однако это все были мелочи по сравнению с трещиной. Вы только себе представьте. Почти пять лет несколько десятков ребят, поделенных на четыре смены, беспрерывно бьются над проходкой подходов штолен высотой в восемь метров. Через эти штольни по небольшой спирали двадцатипятитонные «БелАЗы» вывозили вырубленную породу на поверхность.

РАССЕЧЕННЫЙ СВОД

Пятьдесят пять месяцев. Сначала они пробиваются к месту будущего турбинного зала. Затем от потолка вниз, как от самого черствого торта, взрывчаткой стали откусывать камень за камнем, которые грузил на машины двухкубовый экскаватор, смонтированный уже под землей. Один пятиметровый слой за другим, все глубже и глубже. К этому следует добавить еще несколько километров подсобных коридоров и туннелей разных диаметров и, наконец, пять дренажных каналов, шириной более четырех метров.

В первые же минуты после аварии встала проблема — как вообще забраться на семидесятиметровую высоту, как получить всю необходимую информацию о трещине.

— Никто ребят не заставлял, вызвались сами. Строить леса — это заняло бы слишком много времени. Двое из моей бригады предложили наварить друг на друга несколько металлических лестниц. Рискованно? Конечно. Но другого выхода не было...

Трудно поверить. Ведь это высота, сравнимая с высотой пражской смотровой вышки на холме Петршин.

Под рассеченным сводом проходит монтаж четвертой турбины. Для пятой строители готовят бетонный фундамент. Первые три турбины, связанные временным туннелем, уже выработали тысячи мегаватт ча-

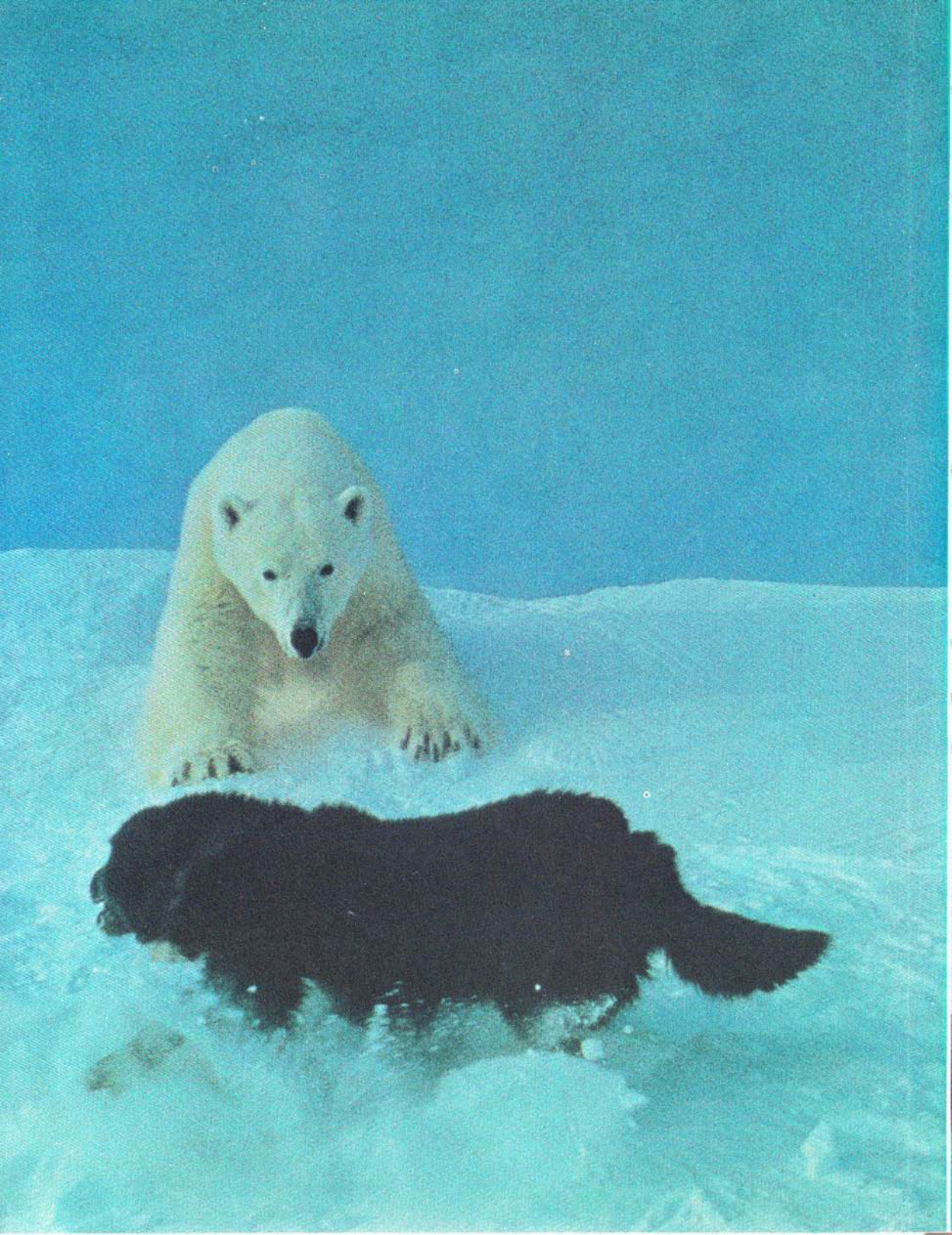
сов электрической энергии, так необходимой для оживления здешних суровых мест, для насыщения сотен электромоторов могучих землечерпалок, которые добывают из коричневой грязевой каши золотоносной породы невидимые чешуйки желтого металла.

Что всему этому предшествовало! Сколько нервного и трудового напряжения! После пятнадцати недель расчетов, экспертиз и практических исследований в свод потолка вгрызлись первые буры. Ими фадеевские проходчики пробурили в каменном панцире сотни отверстий глубиной от пятнадцати до восемнадцати метров. Разошедшийся потолок сошнуровали плотным сплетением железобетонных якорей, широкую расщелину залили специальной быстросохнущей смесью.

Проходка турбинного зала закончилась несколько месяцев назад. Теперь на очереди девяностометровые трубы для шахт, по которым вода через два года будет падать на лопатки турбин. Фадеевцы уже вырубают третью.

Каменная плотина, перекрывающая Колыму. Здесь в узком ущелье реки постоянно задувает колымский ветерок. Наверное, каждый из нашей маленькой журналистской экспедиции с сожалением вспоминал о ласковых безветренных и сухих пятидесяти двух под нулевой отметкой в заполярном Билибино. Но здесь жгучие языки ветров, несущихся со скоростью пятнадцать — двадцать метров в секунду, проникают в самую маленькую щелку под самой теплой одеждой. Говорят, мол, ничего особенного, всего минус тридцать пять. Как можно в таком холоде выдержать восемь часов, к тому же еще и работать, монтировать стальные конструкции, возводить опалубку, плести сети арматур?

Трудно себе
представить
что-либо более
отдаленное...
Вылетая из
Москвы в полдень,
прибываешь на
место... через
восемь часов, но
уже... утром
следующих суток...
И вот мы в краю,
даже в настоящее
время
считающемся
экзотическим.

*Вальдемар
Мицкевич*

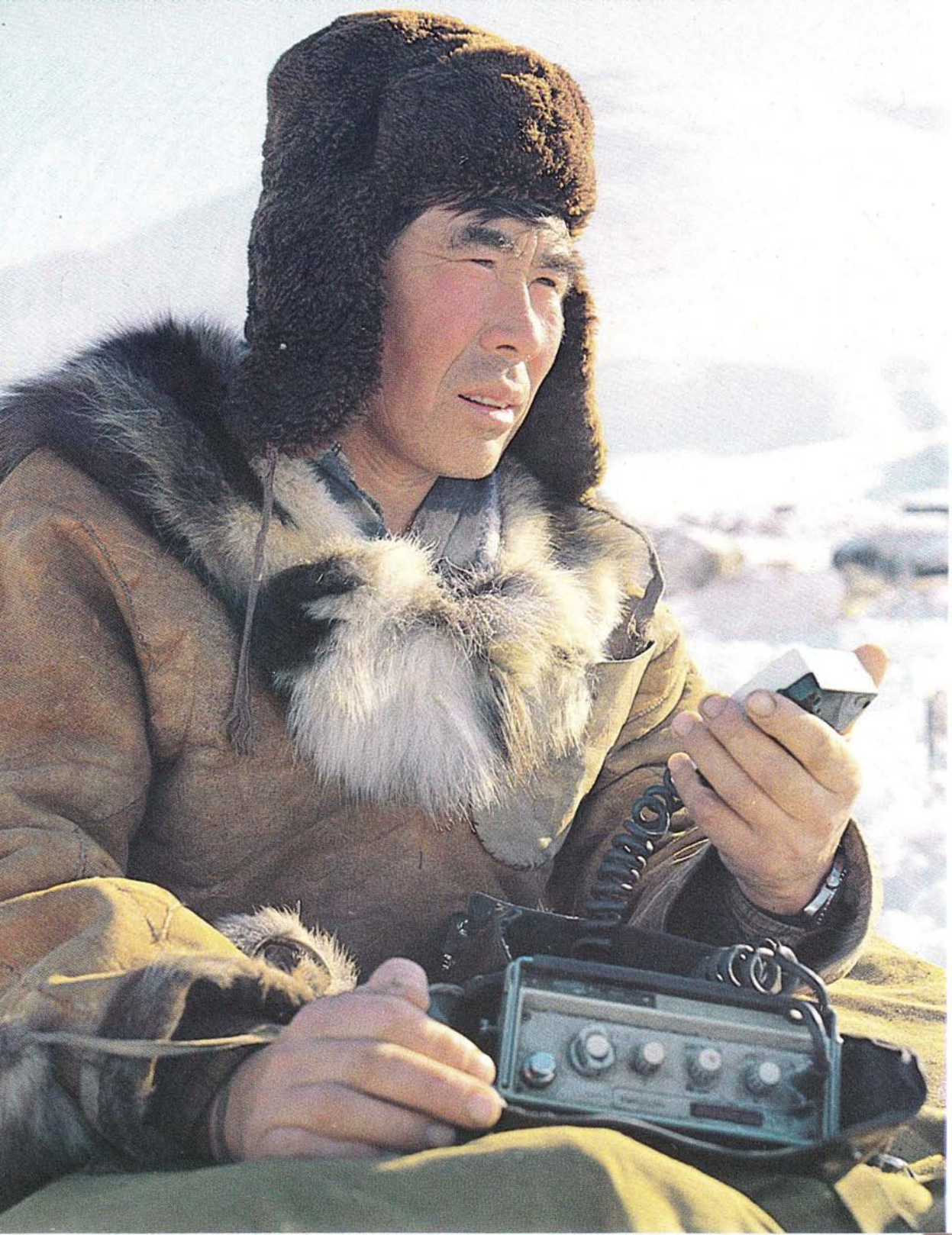

— ...У вас растут
даже... белые
маргаритки. И это
в зоне арктических
холодов!
Я несколько иначе
представляла себе
этот «краешек
земли».

— Да? И как же?

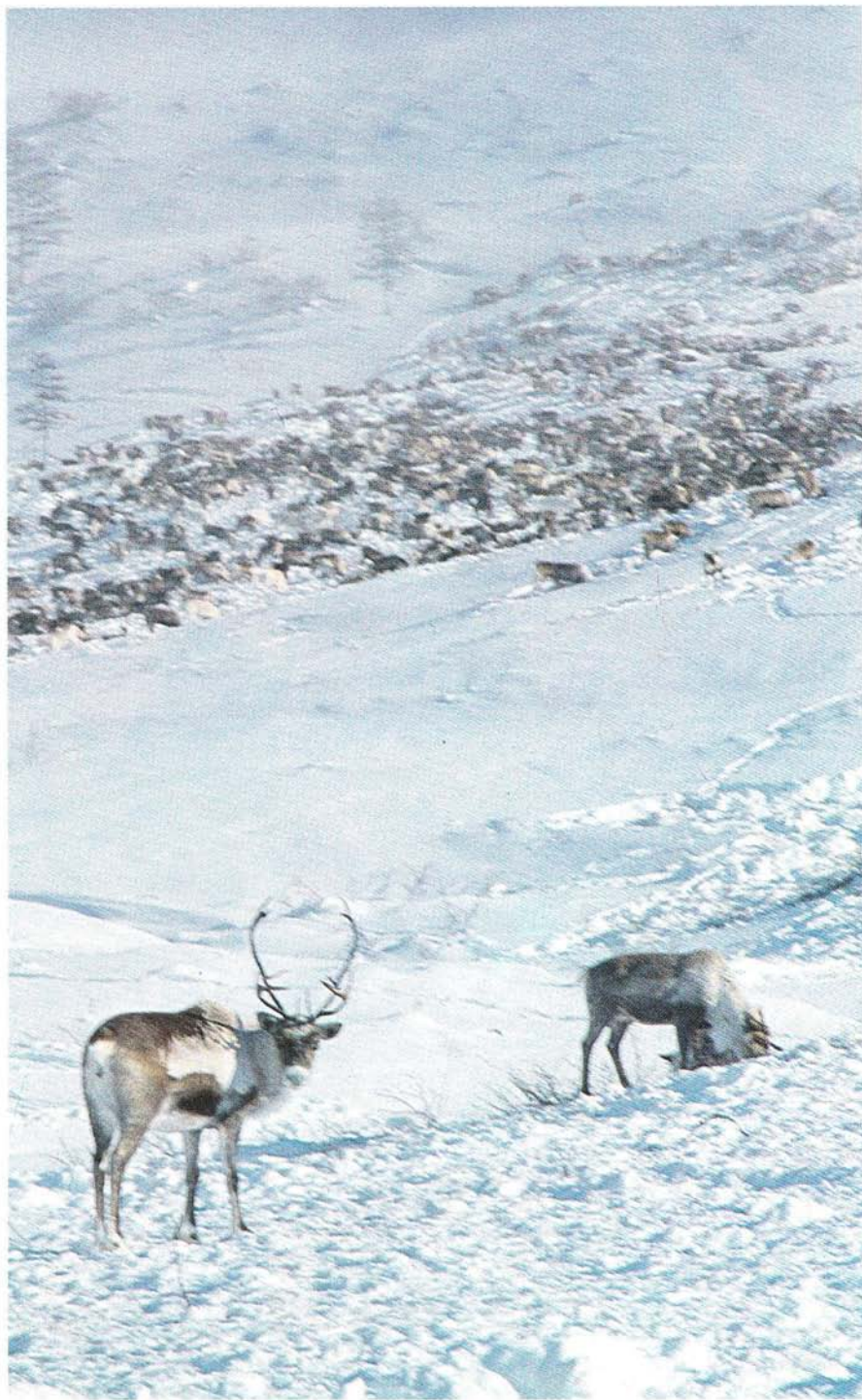
*Гизела
Реллер*

Пасут оленей на Чукотке коренные жители этой земли. Тундру знают, как свой собственный карман, но... на всякий случай для связи с центральной усадьбой имеют в распоряжении коротковолновую радиостанцию.

*Анджей
Байорек*

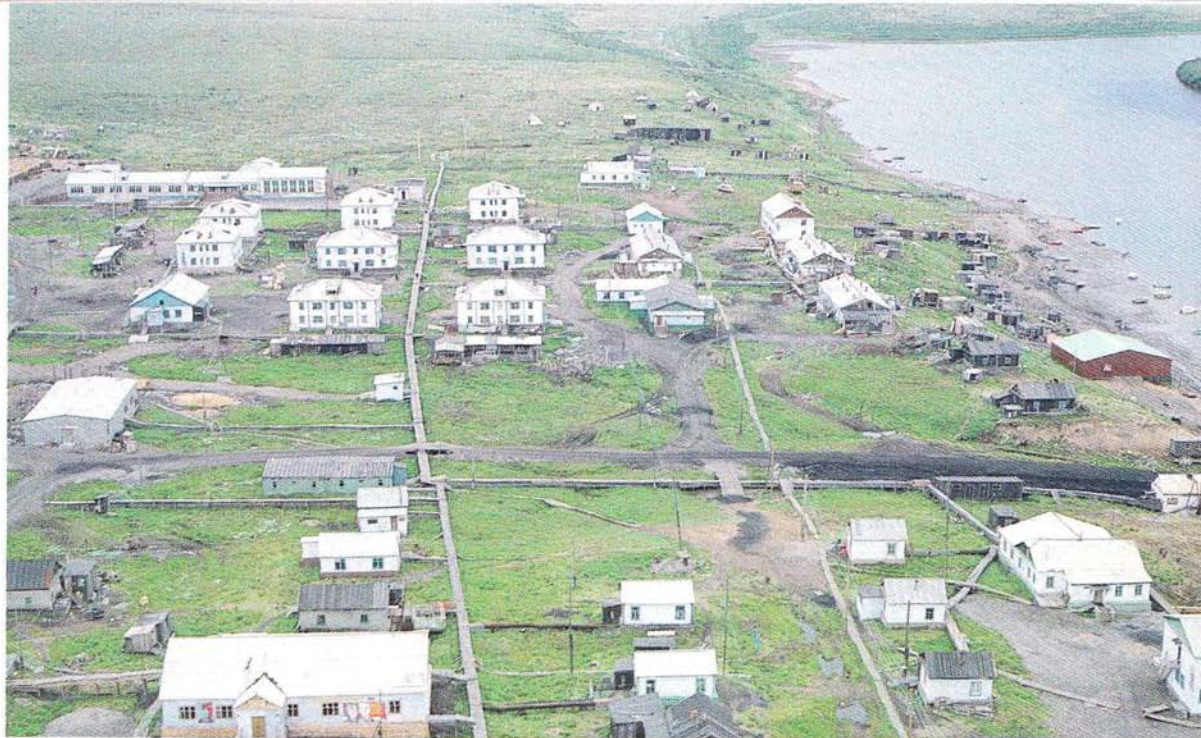
Есть олени,
следовательно,
должен быть и
пастух...
Микропроцессоры
пока еще скот
не пасут.

*Анджей
Байорек*

— А что вы будете
делать?
— Помогать
пастухам.
— Но вы еще
маленькие!
— Кто, мы —
маленькие?!
Дайте нам
поручение.

*Борис
Крумов*

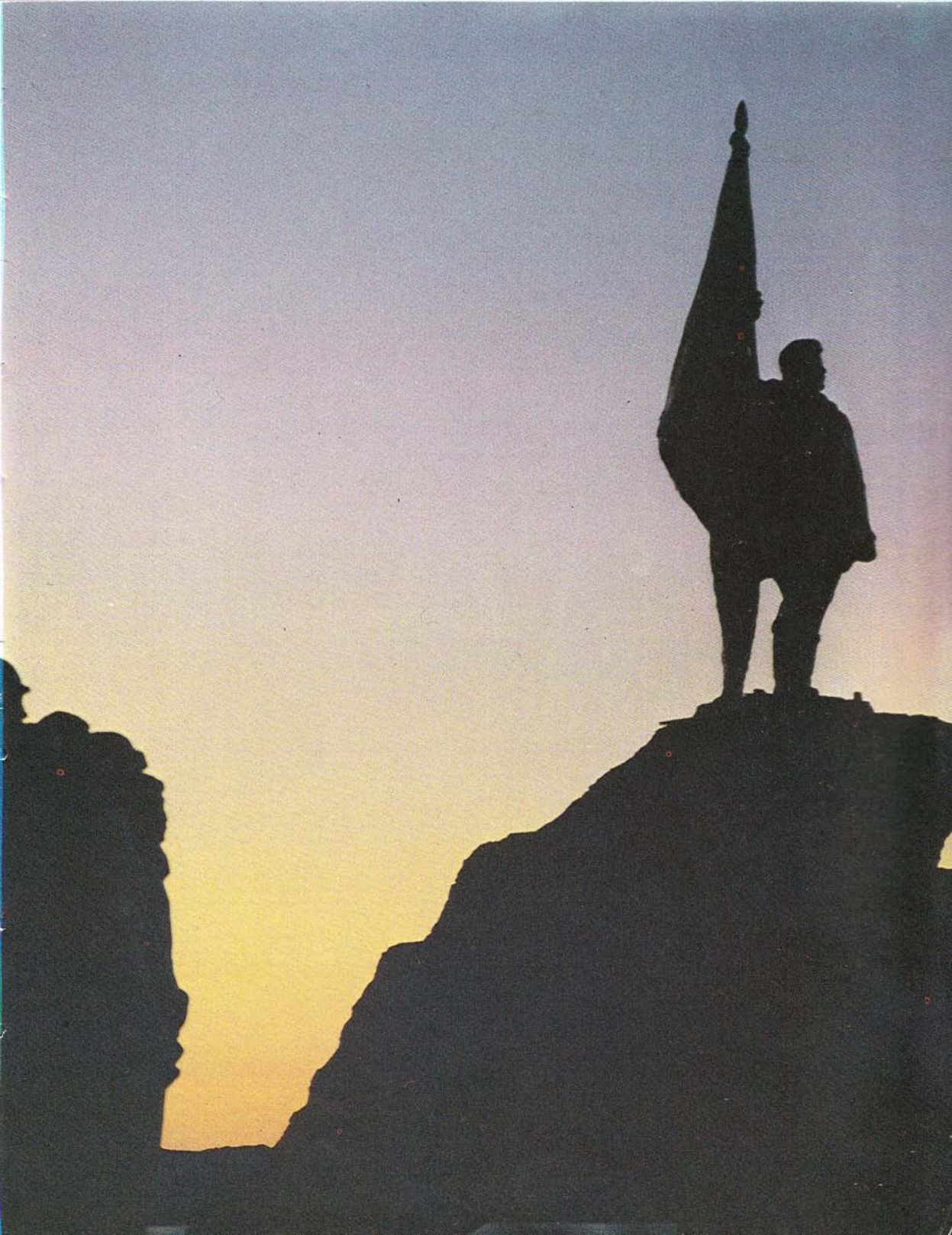

Я без оглядки верю
северянам, когда
они говорят: «Да,
мы патриоты».

*Гельмут
Ариашюс*

В Уэлене действует мастерская, где сто человек изготавливают сказочно красивые вещи из моржовых клыков и оленьих рогов.

*Вейкко
Кеттели*

Для того чтобы создать скульптуру из моржовой кости, требуются глаз, рука и сердце художника. ...Сейчас здесь работают десять членов Союза художников, семеро из которых удостоены высоких правительственных наград за свое мастерство.

*Борис
Крумов*

КОГДА ЗАМЕРЗАЕТ ЦЕМЕНТ

— Если бы вы видели, с каким интересом мои ребята читали в «Магаданской правде» выступление Михаила Сергеевича Горбачева на Пленуме ЦК КПСС, всем понятные, ясные и убедительные слова о дисциплине, о необходимости укреплять порядок и организованность на каждом рабочем месте. — Рука Виктора достает из ватника памятный лист газеты с множеством абзацев, подчеркнутых красным карандашом. — Резкие слова. Мобилизующие строки. Особо для нас. И мы в последние годы ослабили наши усилия в борьбе за дисциплину и ответственность. А следствие? Ведь колымская тайга ни с кем шутить не будет. Забудешь, например, закрыть утепленные склады песка или цемента, и уже десятки бетонщиков из-за одного разгильдяя целый день простаивают, — оживленно жестикулирует Фадеев. — Некоторых из них привело сюда желание быстро заработать гору денег, а потом наслаждаться, — толстой рукавицей указывает он на кучку своих ребят, спешащих погреться в вагончике. (Кстати, они имеют на это полное право. Каждый час здесь делится на сорок пять рабочих минут, а остаток — на «размораживание».) — Как моего сына Эдуарда, — смеется Виктор в ответ на мой удивленный взгляд. — Вот уже два года он работает у меня в бригаде. Пришел сюда, окончив авиационное училище. На здешнем маленьком аэродромике не было вакансий, а в другое место он не хотел. Решил он месяца два-три подождать, а пока попробовать поработать с отбойным молотком.

На первый взгляд профессия авиамеханика куда интересней, однако кто раз попробует настоящую мужскую работу на строительстве плотины, кто полюбит окружающую девственную природу, загорится страстью к охоте и рыбалке в необозримой колымской тайге, вряд ли будет искать другое место. И Эдуард уже не стремится в

тепло авиационного ангара. Хочет он сначала построить Колымскую гидроэлектростанцию, раскрутить ее турбины.

Уже сидя в «Икарусе», я все еще слышу лаконичные слова, приправленные глубокой жизненной мудростью проходчика, рабочего, укротителя полярных рек, пятидесятилетнего человека, который смог полюбить такой неприветливый край, подарить тридцать лет своей жизни расцвету северных районов Советской земли:

— Стоит лишь приглядеться. Кто подставляет лицо ветру, остается. Кто к нему обращается спиной, скоро уезжает.

ТРИ ЛЕТА И ТРИДЦАТЬ ЗИМ

ВЫСТРЕЛЫ НА ПЕРЕВАЛЕ МЯКИТ

Среди скал прогремел гром. По окну кабины забарабанило приглушенное эхо серии взрывов, отраженных крутыми склонами.

— На перевале Мякит опять воюют, — с озорством комментирует сидящий за рулем Анатолий. Но договорить не успевает. Гулкую канонаду сменяет зловеющий рокот, такой, какой может вызвать лишь весенний снег, спешащий в пропасть. Скорее всего, это лавина. Подсознательно хватаюсь за ручку. Анатолий скользит взглядом по моему лицу, на котором написано волнение.

Однако его улыбка успокаивает. Он тихо мурлычет популярный мотивчик, его мускулистые руки легкими, но точными движениями управляют широким рулевым колесом. Многотонный автомобиль-рефрижератор «Шкода-708» из далекой Чехословакии охотно подчиняется его воле. Охлаждающую аппаратуру на автомобиле уже давно заменили на отопительную. Она здесь нужнее. Это сделали для того, чтобы перевозимые в стеклянной таре продукты не опалил своим жестким дыханием трескучий колымский мороз.

Стремительный спуск переходит в кру-

той поворот. Еще несколько часов назад я перестал их считать. Бугристые участки гравийной дороги, местами припорошенные «белым асфальтом» накатанного снега, быстро сменяют искрящиеся участки льда — природных катков, образованных пятидесятиградусными морозами из водостремительных летом придорожных рек и речушек, — знаменитые колымские наледи. Колымская трасса — главная дорога Магаданской области.

Машина подсакаивает на ощутимых неровностях дороги. Иногда ей грозят удары о высокие снежные борта по обеим сторонам трассы, но водитель всегда вовремя успевает удержать машину от этих ударов. И это неудивительно. Оба они служат в этом краю давно и верно. Человек и машина. Наперекор жестким капризам арктической погоды, в постоянной борьбе с метелями, туманами, вечной мерзлотой, ненасытно поглощающей во время короткого северного лета десятки километров трассы — артерии, сотканной из раздробленных камней. Люди буквально вырвали дорогу из утробы здешних сопок-великанов — полутора- и двухтысячников, по ложбинам которых и идет Колымская трасса. Дорога за золотом, магистраль из золота. Самая дорогая в Советском Союзе трасса жизни.

ТЕПЕРЬ ЭТО ЕГО РОДНЫЕ МЕСТА

И тем не менее трасса жизни может быть бесчувственной, безжалостно наказывать человеческие ошибки, слабость и легкомыслие. Она уважает только самых сильных, самых лучших.

Анатолий Щербаков, сорокапятилетний водитель Берелехского автокомбината, бесспорно относится именно к таким людям. Так же, как и его старший брат Василий, отдавший жизнь трассе.

К истокам многоводной азиатской реки Колымы они вместе с родителями и четырьмя сестрами переселились давно — в

1953 году, оставив родную Иркутскую область в центре Сибири, обжитые берега в верховьях Ангары. Приехали, как приезжают все, завербовавшись на три года.

Уже в те времена по трассе, по руслам замерзших рек и речушек водили колымские шоферы легендарные чехословацкие грузовики «Татра-111». За рулем «стоодиннадцатой» стали работать отец и старший брат Анатолия. Спустя три года к ним присоединился и младший Щербаков — восемнадцатилетний Анатолий.

Через десять лет отец вышел на пенсию и вернулся в родные места. А вот сыновья остались, тем более что руководство автокомбината предложило братьям одним из первых на предприятии новую «Татру-138».

Уехал отец. Погиб в аварии на ставшей уже родной дороге брат. Повыходили замуж и разлетелись сестры. Анатолий остался. И вот уже тридцать два года водит чехословацкие грузовики по дорогам Колымы.

— Да мы с женой уже, наверное, и не вернемся на материк, — его задумчивый голос прерывает молчание. — Не знаю теперь, как можно жить без этой дороги и этих машин. — Мозолистая рука Анатолия поглаживает дерматиновый чехол двигателя.

Этот старый грузовик наездил по трудным дорогам более семисот тысяч километров, продолжая надежно служить людям, так же, как и другие чехословацкие машины — «Татра-148» и новые «восемьстоипятнадцатые», которых здесь работает более двухсот пятидесяти.

Начиная с 1948 года из чешского города Копршивнице в Магаданскую область было направлено свыше тысячи грузовых автомобилей. Чехословацкие грузовики, как и их советские собратья, эксплуатируются здесь в самых тяжелых, какие себе можно представить, условиях.

Труд чехословацких рабочих, инженеров, конструкторов на Берелехском автокомбинате чрезвычайно ценят и уважают. К сожалению, до сих пор колымские автопред-

приятия получают в эксплуатацию чехословацкие автомобили обычной модификации. «Татры» в исполнении «Арктика» сюда не поставляются.

КАК «ЗАКАЛИТЬ» «ТАТРУ»

Завод-изготовитель гарантирует надежность работы автомобиля в условиях до минус сорока градусов. Но суровое поднебесье центральной части Магаданской области и ее северо-восточного выступа — Чукотки заставляет выезжать водителей на трассу в шестидесятиградусные морозы.

— Мы очень ждем первую партию «Татр» серии «Арктика», — вспоминает свою недавнюю поездку в Чехословакию главный инженер автокомбината Анатолий Миньков. Он влюблен в нашу страну, в первую очередь благодаря чехословацким грузовикам. — Сейчас нам приходится «закалять» «Татры» и тягачи «Шкода-706», приспособляя их к местным условиям во время первого же технического осмотра. До наступления холодов меняется резина на колесах. Прекрасная для другого климата чехословацкая резина при минус пятидесяти становится хрупкой как стекло, — говорит главный инженер. — Кроме того, эксплуатационники здесь же на комбинате штампуют из морозостойкой резины все самые ответственные резинотехнические детали.

Однако и это не самая большая проблема. Отапливаемые гаражи не могут принять все машины. Большинство из них «ночуют» на открытых площадках. Когда мороз за пятьдесят, то по утрам при запусках сильно охлажденный двигатель изнашивается за несколько минут как за пять тысяч километров пробега.

На автопредприятиях Колымы нашли сравнительно простое решение этой проблемы: воду из системы охлаждения «Шкод», «БелАЗов» и других автомобилей после работы уже не сливают. Вместо этого в гор-

ловину радиатора вставляют обыкновенный электронагреватель с терморегулятором. Вода нагревается электричеством и не замерзает.

Разумеется, при этом немалый расход электроэнергии. Но тем не менее это намного экономичнее, чем держать двигатели автомобилей постоянно работающими. Ведь жидкое топливо сюда доставляют за многие тысячи километров.

ПАМЯТНИК ТРУЖЕНИЦЕ СЕВЕРА

В этих малообжитых местах, как нигде, умеют ценить хорошие машины. Автоколонны работают подчас в местах на пятьсот и более километров удаленных от ремонтных баз, а то и вообще от человеческого жилья. В таких условиях помощи со стороны не всегда дождешься.

«Татра-111», номерной знак МАЕ 15—39. Вот уже тринадцать лет не крутятся колеса автомобиля. Но ровно четверть века безотказно служила «Татра» на горных дорогах Колымы и Якутии. Машина была рассчитана на перевозку двенадцати тонн груза. Но именно в этих краях «стоодиннадцатые» «Татры» «впрягли» в грузовые поезда из двух прицепов, и таскающие автомобили по тридцать три тонны груза, верно и надежно служат людям.

Кто проедет за рулем грузовика пару сотен километров по Колымской трассе, тот не удивится, почему берелехские автотранспортники возвели на гранитный постамент старушку «Татру-111». Это памятник покорителям Севера — тем, кто водил эти машины по суровым дорогам, и тем, кто эти машины создавал.

— Когда еще служила эта старушка-ударница, все было совсем по-другому, сложнее, а мы — моложе, — одобрительно похлопывает по колесу автомобиля-памятника Анатолий Мецераков. — В пятидесятых, да и в начале шестидесятых мы ходили по зимникам. От причалов Нагаевского порта (так тогда назывался Магаданский

морской торговый порт) — в самые отдаленные уголки Колымы и Якутии и даже за Полярный круг к Северному Ледовитому океану.

В тех местах тогда только разворачивалась промышленная добыча олова и золота.

— А если в пути случалась авария или серьезная поломка?

— Почти все запасные части возили с собой. От полуоси. И даже двигатели запасные, — с неожиданным для меня ностальгией вспоминает Анатолий.

— Но как в пустынной тайге или тундре у груженого автомобиля поменять ось? — мне трудно в это поверить.

— И я тоже понемногу перестаю в это верить. Но это правда, — говорит Анатолий. — Мы возили с собой огромный кусок брезента. Накрывали им сломавшийся грузовик, а вместе с ним другой, работающий двигатель которого давал тепло в этом импровизированном гараже. Тогда руки меньше приставали к раскаленному от мороза металлу. Иного выхода не было. Или бросать машину с ценным грузом, или с помощью верных товарищей-шоферов «оживить» автомобиль.

ЧТО ИХ ЗДЕСЬ ДЕРЖИТ

В Магаданской области, которая, кстати, занимает площадь в десять раз большую, чем вся Чехословакия, за сорок послевоенных лет многое изменилось. На горные предприятия пришла новая современная техника, преобразились старые горняцкие поселки, возникли новые. Большинство людей живет в современных комфортабельных городских квартирах.

Но и сейчас в этих районах главным транспортом остается грузовик. Здесь нет железной дороги. Все грузы на Колыму завозятся по Транссибирской железнодорожной магистрали до Находки. Оттуда морем в Магадан, затем по Колымской трассе и по зимникам в поселки — к геологам, энергетикам, строителям и оленеводам.

Край, непригодным для человека, называли эти места царские чиновники в своих отчетах в столицу. «Здесьние места все время скованы льдом и снегом, обработка земли просто немислима. По-моему разумению, необходимо местное население переселить во внутренние области России», — писал на рубеже минувшего и нынешнего веков царский наместник генерал Зиновьев.

Сегодня эти слова вызывают у северян лишь улыбку.

Действительно, Север разительно изменился. Но и сейчас, на склоне двадцатого века, его природа и климат остались прежними.

И все же суровость этих мест не страшит советских людей. Новички слетаются на Северо-Восток со всех концов Союза. Число желающих работать в Магаданской области, например, превышает ее потребности в рабочих руках, поэтому здесь существует строгий отбор. Но люди стремятся сюда хотя бы на три года. Здесь ведь платят больше, чем в любом другом месте страны. Анатолий Иванович Мещеряков каждый месяц приносит домой не менее семисот рублей. Золотодобытчики, шахтеры на угольных шахтах часто зарабатывают по тысяче и более рублей в месяц.

Удивительно, что большинство из полумиллиона, живущих в области, приехав сюда на три года, остаются на гораздо больший срок, мало задумываясь о скорейшем возвращении на материк.

Что же их здесь держит, кроме высокой зарплаты?

— Разумеется, приезжают и так называемые любители длинного рубля. Но их меньшинство. Кто прожил на этой земле три — пять лет, остаются надолго. С Севером тяжело расставаться. Его суровость, критические условия быстро раскрывают и добрые и дурные стороны человеческой природы. На Севере быстрее, чем где-либо, формируется человек, способный к борьбе и самопожертвованию. Таких людей с золотыми сердцами

ми больше нигде не встретишь, — убеждает Анатолий...

Неожиданно резко он нажимает на тормоз. За тысяча первым поворотом трассы путь преграждает красная балка шлагбаума. Неподалеку дорожные рабочие цепляют к тягачу обыкновенное артиллерийское орудие, из которого только что обстреливали нависшие над шоссе снежные карнизы. Не прошло и десяти минут, как бульдозер убрал с дороги последний сугроб рыхлого снега — все, что осталось от белой опасности, коварной лавины.

Можно двигаться дальше.

ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕХ ГРЕЕТ

«Праздник первого огурца», «Плоды атомного тепла», «Чудо Арктики — свежие овощи в марте» — такими заголовками изобиловали магаданские газеты, которые я просматривал в самолете, направляясь из Магадана в поселок Билибино, разместившийся почти в самом центре огромного Чукотского автономного округа...

В 1974 году на первой заполярной атомной электростанции, что в семи километрах от Билибино, начал действовать первый атомный реактор. С тех пор прошло более десяти лет.

— В эти места я попал одним из первых среди атомных энергетиков. Было это более двадцати лет назад, — рассказывает Валерий Дмитриев, тихо перелистывая альбом с пожелтевшими фотографиями.

По специальности он электрик, мастер бригады монтажников. Родом Валерий из Москвы, но уже здешний, билибинский старожил. Человек, который вместе со своими товарищами «поселил» в тундре атом.

— Моя жизнь слишком долго связана с нашей атомной станцией, чтобы я мог даже подумать о своем возвращении на материк. А сначала было желание только заработать денег на покунку дома под Москвой, ну и, возможно, на машину, — задумчиво говорит сорокапятилетний Валерий Влади-

мирович, скользя взглядом по стенам своей гостиной. — За двадцать лет жизни в Билибино уже четыре раза переезжал. Вначале была палатка. Затем комната в деревянном общежитии. Много лет прожили мы с женой и сыном Сергеем в одной комнате в коммунальной квартире. Дождались и вот этой трехкомнатной...

— Сергея я привезла в Билибино четырехмесячным. Сейчас ему уже двадцатый. Служит в армии, а перед призывом поступил на строительный факультет Хабаровского политехнического института, — справедливо гордится сыном жена Валерия Людмила.

Именно она недавно в местном магазине предлагала покупателям те самые поллярные огурцы, о которых писала газета. Огурцы выращивают в тепличном комплексе, обогреваемом теплом, которое производит атомная теплоэлектроцентраль.

За темными окнами квартиры Дмитриевых мороз за минус пятьдесят. Однако форточки в доме — настеек. И я давно снял свой свитер, хотя просторную квартиру обогревает всего пять секций радиатора центрального отопления.

— Мы теперь на зиму даже не вставляем третьи рамы в окна, — быстро реагирует внимательный хозяин. — Самый надежный способ сохранения атомного тепла в новых домах — качественный труд каждого строителя, надежная изоляция, образцовое выполнение всех строительных работ. На Севере не существует иного пути. Здесь жесткая альтернатива: или — или. Ну а при строительстве «атомки» требования высочайшего качества сами собой разумеются.

ПОД НОГАМИ РЕАКТОР

Испытываешь странное ощущение, стоя на крышке реактора, в которой ни много ни мало сто нятдесят тонн. А под твоими ногами рождается свет и тепло освещенных окон близкого городка.

Мастерски сделали свою работу электро-монтажники из бригады Валерия Дмитриева, как, впрочем, и из многих других бригад, создававших Билибинскую атомную, которая вот уже второй десяток лет снабжает огромную территорию района дешевым электричеством и теплом. На совесть поработали строители и монтажники.

Профессионально, слаженно трудятся и энергетики-эксплуатационники, поэтому хозяева станции и не видят причин не пустить группу зарубежных журналистов прямо в реакторный зал. Молоденький инженер в белом комбинезоне Георгий Коршунов рядом с нами замеряет уровень радиации. Каждый может увидеть своими глазами — дозиметр показывает: радиационный фон не превышает естественного.

Атомная энергетика на Чукотке положительно зарекомендовала себя, но уже сейчас ясно, что в скором времени Билибинская АЭС не сможет в полной мере удовлетворять потребности развивающегося народного хозяйства района. Поэтому принято решение начать реконструкцию и расширение станции, что позволит в три раза увеличить ее мощность. А это значит, что строителям предстоит большая работа.

СЕВЕР ПРИТЯГИВАЕТ

И наверное через несколько лет, после окончания института, молодой инженер-строитель Сергей Дмитриев продолжит здесь дело своего отца, ведь он считает заполярный Билибино, эти сопки и тундру вокруг своими родными местами.

По подсчетам специалистов, из пяти человек, приезжающих работать на Чукотку, приживается лишь один. На первый взгляд, весьма необнадеживающая статистика. Однако из детей тех, кто трудится здесь, каждый второй уже не покидает Север.

«Десять лет я провела на Севере, следующие шесть — работала в экспедициях на Кавказе, в Средней Азии, на побережье Черного моря. И чем дальше, тем больше

хочется вернуться назад. Просто не нахожу себе места на материке».

Такое письмо, пришедшее в Магаданский обком партии от женщины-геолога из Москвы, совсем не исключение.

Брат Людмилы Дмитриевой тоже проработал одиннадцать лет в Билибино. Уехал два года назад, а вскоре сестра получила от него письмо с настоятельной просьбой: найди любую работу в Билибино. Но выполнить просьбу брата не удалось: сейчас желающих приехать на Чукотку гораздо больше потребности в рабочей силе.

За обильным столом у Дмитриевых наш разговор быстро перешел к ключевому вопросу: почему люди едут на Север и почему остаются надолго?

Здесь человек быстро привыкает к тому, что на Севере никого не надо упрашивать присоединиться к вашему столу.

Здесь люди лишены ложной стеснительности. Большинство живет как одна большая семья на уединенном острове — называется оторванностью.

В маленьком поселке или селе люди постоянно вместе — и на работе, и вне ее. Пара тысяч глаз буквально смотрит вам и в тарелку, и в душу. В таких условиях свой эгоизм не спрячешь, а добротой не удивишь. Она здесь относится к категориям жизненно необходимым.

...Каждый раз грустно расставаться с хорошим человеком. С грустью покидал я этот затерянный в снегах мир. Не один день ходил я по его золоту, скрытому под вечной мерзлотой. Но и к этому привыкает человек, начиная относиться к золоту под ногами как к повседневности. Однако никто и никогда не сможет забыть самое большое и настоящее богатство магаданской земли — золото сердец людей этого края.

*Перевод с чешского
Ю. БИРЮКОВА*

Вейкко
КЕТЕЛИ

Начальная точка Азии

Вейкко КЕТЕЛИ работал московским корреспондентом шведской коммунистической газеты «Норшенсфламман». Репортаж опубликован в этой газете в 1986 году.

Впереди лежит Ледовитый океан. Направо — пролив Беринга. Когда вертолет начинает опускаться у поселка Уэлен, я могу видеть Аляску. Она находится на расстоянии около семи миль на другой стороне пролива. Уэлен располагается на самой крайней точке восточной части огромного Советского Союза. Одновременно это крайняя точка Азии. Здесь встречаются Восток и Запад. Но только в географическом смысле. Это место отнюдь не является каким-либо очагом напряженности и не имеет какого-либо особого военно-стратегического значения.

Уэлен находится на полуострове Чукотка, который по своим размерам равен территории Швеции и Норвегии, вместе взятым.

Я летел на вертолете из поселка Лаврентия, который лежит километрах в ста от Уэлена, и когда мы сели в Уэлене, нас уже встречала стайка ребятишек. Вертолет из Лаврентия! — каждый раз это большое событие для местных жителей.

А сегодня на борту вертолета — иностранец, это вызывало, естественно, особый интерес.

Поселок (шириной метров двести) распростерт вдоль песчаной косы, выдвигающейся в залив. Маленькие низкие домики теснятся друг к другу вдоль улицы в один

километр длиной. Коса поднимается всего лишь на четыре-пять метров над уровнем воды, и дома едва ли не заливаются волнами Ледовитого океана, которые при штормовой погоде с ужасающей силой бьются о песчаную косу.

Но всего лишь в течение двух коротких летних месяцев вода свободна ото льда, а остальную часть года поверхность океана скована льдом. И только сейчас, в летнее время, сюда можно доставлять такие солидные грузы, как стройматериалы и уголь.

ПРОМЫСЕЛ И ОЛЕНЕВОДСТВО

Вдоль поселковой улицы валяются кучи огромных китовых костей. Это остатки китов, подошедших слишком близко к суше и ставших жертвой промысловиков поселка.

Морской промысел является традиционным промыслом жителей поселка; но в отношении китового промысла существуют строгие правила. И поэтому основой добычей служат моржи и тюлени. По лицензии в год разрешается добывать триста пятьдесят моржей и около восьмисот тюленей.

В поселке имеется оленеводческий совхоз, где содержится около полутора тысяч оленей, которые пасутся в тундре, а также ферма по разведению пушных зверей.

Почти половина жителей поселка — это чукчи и эскимосы, потомки тех коренных жителей, которые жили здесь сотни лет. Остальные — русские и представители других советских национальностей, которые по разным причинам приехали в эти широты.

СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ

До революции здесь жили две ветви чукотской национальности. Представители первой населяли прибрежные районы и занимались рыболовством и морским промыслом, представители второй — жили в тундре и разводили оленей. Между ними происходил регулярный и жизненно необходимый торговый обмен. Оленеводы вымени-

вали у рыбаков вяленую рыбу для нартовых собак, тюлений или китовый жир для освещения и обогрева своих жилищ, брали что-то для себя.

Прибрежные чукчи в свою очередь нуждались в оленьем мясе для пополнения своих пищевых запасов во времена затяжных неудач, которые часто сопутствовали их охоте на морского зверя.

Сегодня эти два древних занятия объединены в поселке Уэлен. Олени в тундре пасутся под охраной бригад оленеводов, которые меняются каждую неделю, а попасть в число тех, кто входит в эти бригады, не так-то просто. До сих пор молодой человек не считается мужчиной, если у него нет ружья и он время от времени не живет в тундре или не занимается морским промыслом. Традиции очень крепки, и несмотря на то, что представители коренного населения имеют особые привилегии, позволяющие им без особых трудностей получать высшее образование, большинство все же предпочитает после окончания школы возвратиться в поселок.

В тот день, когда я посетил Уэлен, погода не благоприятствовала охотникам на моржей, и поэтому они занимались ремонтом своих лодок и снастей на морском берегу.

В поселке пятьдесят шесть человек, занимающихся морским промыслом, они распределены по лодкам (по семь человек на каждую лодку). Один промысловик рассказал, что в среднем за месяц они зарабатывают четыреста двадцать — четыреста пятьдесят рублей. Это хороший заработок, превышающий вдвое среднюю зарплату в стране.

Экипажи лодок формируются так, чтобы можно было сочетать юных охотников с опытными, уже более зрелыми промысловиками. Большое внимание уделяется тому, чтобы обучать новые поколения этому трудному ремеслу, которым там чрезвычайно гордятся.

И ПОМИДОРЫ, И ПУГАЧЕВА

Секретарь партийной организации поселка, женщина сорока лет, знакомит меня с самим поселком. Здесь есть все необходимое: магазин, где можно купить все — от свежих помидоров до только что вышедшей пластинки Аллы Пугачевой, библиотека, кафе и Дом быта, где можно отремонтировать и привести в порядок все — от платья до снегохода.

В поселке также есть и школа, где обучаются двести пятьдесят ребят. Многие из детей, чьи дома находятся далеко в тундре, учатся в интернатах. В школе есть спортзал, а немного в стороне от нее находится Дом культуры. Оба здания — двухэтажные и самые высокие в поселке. Люди живут в маленьких низких домах, которые тщательно покрыты по всей длине толем, предохраняющим зимой от морозов и сильных ветров.

СКАЗОЧНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕМЕСЛО

Хотя оленеводство и морской промысел являются фундаментом экономики поселка, там есть кое-что другое, дающее наибольшие средства и принесшее поселку известность во всем Советском Союзе и далеко за его пределами — это местный художественный промысел. В Уэлене действует мастерская, где сто человек изготавливают сказочно красивые вещи из моржовых клыков и оленьих рогов. Методы работы — традиционные, хотя в настоящее время мастера и используют небольшой электрический наждачный станок для первичной обработки материала, из которого будут вырезать фигурки.

В одном из помещений мастерской располагается выставка. Ты словно переносишься в другой мир, глядя на все эти экспонаты: шаманы, исполняющие неопишуемые танцы; волки, нападающие на оле-

ней, в позах которых ужас приближающейся смерти; чукчи, охотящиеся с копьями на моржей или белых медведей; оленя упряжка, которую по пятам преследуют волки; человек с одним лишь ножом в руке, отбивающийся от дикой стаи волков. Все фигурки вырезаны с искусством, которое свидетельствует о вековом опыте и труде.

Среди экспонатов есть и целые моржовые клыки с гравюрами, рассказывающими о жизни народа в будни и в праздники, о работе, быте и охоте.

ИСКУССТВО, СВЯЗАННОЕ С ЖИЗНЬЮ

Все гравюры вырезаются маленькой отверткой, а контуры заполняются обычным цветным карандашом, и затем поверхность протирается пальцем, смоченным слюной.

Станислав Ильев (19 лет) рассказывает, что цвета могут сохраняться сколько угодно времени. Он работает в мастерской уже два года и время от времени присматривает в тундре за оленями.

Он берет клык и начинает шлифовать его до тех пор, пока не исчезают на поверхности трещинки. Затем полирует его до зеркального блеска при помощи бритвенного лезвия. После этого начинает выгравировывать рисунок по своему усмотрению.

— Мы никогда не делаем эскизов: сначала представляем будущую гравюру в уме, а потом просто ее воспроизводим на кости, — говорит Станислав.

Это художественное ремесло основывается на прямом контакте с местной жизнью и народными традициями. Небольшая часть продукции мастерской экспортируется за рубеж, а остальное продается внутри Советского Союза. Цены на эти изделия очень высоки, например, от десяти рублей за самые маленькие фигурки до пятисот и более рублей за наиболее крупные композиции. Однако, несмотря на цены, спрос на эти изделия во много раз превышает то количество продукции, которое производится в мас-

терской. Здесь, на краю земли, создаются художественные изделия высочайшего класса. Где еще можно найти такой населенный пункт, десять процентов жителей которого занимались бы созданием художественных произведений на таком уровне?..

Я выхожу из мастерской и вижу, что погода улучшилась. Солнце опять ясно светит, температура воздуха около десяти градусов. Однако погода здесь очень изменчива, и пилот вертолета торопит к вылету, иначе мы рискуем застрять в поселке на ночь.

Все детишки Уэлена провожают нас к вертолету, и, когда мы поднимаемся на небольшую высоту, я вижу их внизу, все еще машущих нам вслед. Понемногу весь поселок превращается в маленькое пятнышко на побережье Ледовитого океана у края нескончаемой тундры.

ЗОЛОТАЯ ЧУКОТКА

Вся Чукотка располагается севернее лесной зоны и разделяется пополам Полярным кругом. Здесь царит вечная мерзлота, а почва промерзла на глубину сорок — пятьдесят метров. Только лишь в летние месяцы оттаивают верхние ее двадцать — тридцать сантиметров.

Так же, как и на Аляске, находящейся по другую сторону Берингова пролива, здесь, имеются богатые золотоносные месторождения. В небольших количествах золото промывалось здесь еще в начале нынешнего столетия.

Сегодня именно золото является основной причиной того, почему государство делает все необходимое, чтобы люди могли нормально жить в этом крае. Помимо этого здесь добывается уголь, а также открыты месторождения нефти и газа, добыча которых в настоящее время анализируется с точки зрения рентабельности.

Чукотская тундра является также своеобразным «эльдорадо» для геологов, кото-

рые открыли в ее горных массивах месторождения олова, вольфрама и полудрагоценных камней.

Чтобы добывать чукотское золото, необходимо прежде всего создать инфраструктуру для небольших поселений по всей Чукотке. Оленеводство, рыболовство, морской и охотничий промысел и малая промышленность различного вида представляют собой необходимое дополнение для осуществления добычи стратегически важного золота.

КРАЙ БЕЗ ДОРОГ

В сущности, на Чукотке нет никаких наземных дорог. Все перевозки осуществляются по воздуху самолетами и вертолетами. Поселки, находящиеся на побережье, в летнее время получают необходимые запасы благодаря приходящим туда в этот период судам. Строительные материалы, уголь и другие товары затем по зимникам переправляются в поселки, располагающиеся во внутренних районах.

Магадан связан с Чукоткой регулярными авиационными маршрутами. На этих маршрутах используются в основном двухмоторные турбовинтовые самолеты. К тому же каждый крупный поселок имеет некоторое количество вертолетов, которые обслуживают близлежащие поселения. Они перевозят газеты, почту и прочие необходимые товары. Такого рода система функционирует отлично. Вертолеты используются вместо автобусов или машин.

ТРУДНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА

На Чукотке невозможно что-либо построить, если предварительно бетонные сваи не загнать на приличную глубину в вечную мерзлоту. Дом, построенный прямо на мерзлоте, рискует получить существенную осадку или совсем разрушиться. То же касается и дорог, и тротуаров. В большинстве поселков эта проблема решена за счет бетонных

блоков, укладываемых между домами и служащих тротуарами.

ПО ОПРЕДЕЛЕННЫМ ЗАСЛУГАМ

Но как же тогда можно заставить людей приехать на работу в край с такими экстремальными климатическими условиями?

Во-первых, здесь фантастически красиво. Огромнейшее пространство нетронутой природы, чистой окружающей среды. Вода, например, в Ледовитом океане такая чистая, что огромные ледяные торосы, которые даже летом можно видеть в воде, просвечивают на глубину нескольких метров.

Притягивает сюда фантастическая природа, не говоря о высокой заработной плате. Работник подписывает договор на три года и может легко заработать просто сказочную для Советского Союза зарплату. Двухмесячный отпуск ежегодно и ряд других привилегий приводят к тому, что человеку здесь живется хорошо. А если будет желание, то потом можно переехать куда-нибудь в другое место. Но все больше людей предпочитают в настоящее время оставаться здесь и по истечении срока договора.

В последние годы производственное строительство в области шло такими высокими темпами, что социальная сфера стала отставать, и это является одной из причин, заставляющей людей уезжать. Это общая проблема для всего Дальнего Востока, о чем также говорил и Михаил Сергеевич Горбачев во время своего посещения Приморского и Хабаровского краев.

ЦЕНТР КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Сегодня Магадан — это город с населением в сто пятьдесят тысяч человек, с современным глубоководным портом, являющимся воротами ко всей северо-восточной территории. Это — современный большой город, имеющий стратегическое значение для развития народного хозяйства Колымы и

Чукотки — и в первую очередь золотодобывающей промышленности.

Строительство города и развитие промышленности идут быстрыми темпами, но город все еще носит на себе некий отпечаток поселка новоселов на «диком Востоке».

Все еще тысяч десять жителей живут в примитивных домах, расположенных на окраинах города и не имеющих большинства современных удобств. В то же время в городе, особенно в последние годы, постоянно вырастают новые кварталы современных жилых домов.

КРИТИКА НЕДОСТАТКОВ

— Мы живем в этом доме в течение пяти лет с момента его постройки. Посмотрите, на что он стал похож! Трогуаров нет, улицы разбиты, а когда идет дождь, то по улицам ходишь как по болоту. — Это слова Валерия Панкратова, сорокасемилетнего рабочего-строителя, который сокрушается о внешнем виде жилого района. И когда ходишь по другим кварталам, понимаешь, что его район проживания является не единственным местом, где после заселения домов кучи строительного мусора оставлялись прямо у новостроек.

Валерий и его жена Вера живут в современной двухкомнатной квартире в нескольких кварталах от главной улицы города. Я приглашен к ним на ужин, и, пока мы не торопясь и с наслаждением вкушаем местные деликатесы: копченую и соленую кету, олений язык, брусничное варенье и многие другие яства, от которых ломится стол, — беседуем о жизни в Магадане и в других северных районах Дальнего Востока. Днем раньше Михаил Горбачев во время своего визита на Дальний Восток выступил с важной речью в Хабаровске, в которой, среди прочего, он очень резко критиковал недостатки этого региона страны в социальной области.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА— ПОВЫСИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

— Это касается также и нас, — говорит Валерий. — Ты сам видишь, как много у нас еще старых домов. Слишком мало школ и других учреждений социального назначения. Сорок процентов учащихся занимают во вторую смену из-за нехватки школьных помещений. В последние годы мы улучшили темпы строительства, но работаем все еще неэффективно из-за недостатков в снабжении, организации труда, планирования. Сейчас, однако, начали понемногу браться за дело. Большие перемены грядут, и я думаю, что выступление Горбачева в Хабаровске придаст еще большее ускорение процессу развития и у нас в области, — говорил Валерий с очевидным удовлетворением.

Условия жизни в Магадане по-своему очень противоречивы. Наряду с недостатками в социальной сфере местные жители получают здесь самую высокую заработную плату в стране, потребляют наибольшее количество мяса на душу населения, имеют наибольший торговый оборот, а также самый широкий выбор товаров. Здесь можно приобрести книги и другие потребительские товары, которые в течение многих лет невозможно было встретить в Москве.

ПЯТИМЕСЯЧНЫЙ ОТПУСК

— Мы обычно раз в три года берем пятимесячный отпуск, — рассказывает Валерий, — и едем отдыхать на несколько месяцев к Черному морю, а остальное время проводим в поездках по стране и навещаем родственников и друзей. Семья зарабатывает от полутора до двух тысяч рублей в месяц — в зависимости от объема работы.

Валерий и его жена работают в строительной организации и получают хорошую зарплату. Направляясь в отпуск, они обычно берут с собой на расходы около десяти тысяч рублей.

Когда я спрашиваю их о расходах на квартплату, Валерий и Вера глубоко задумываются прежде чем вспомнить, что квартплата обходится им примерно рублей двадцать в месяц.

— Ты знаешь, мы не придаем особого значения таким небольшим суммам,— говорит Валерий, широко улыбаясь. Их квартира служит красноречивым подтверждением сказанного. Вокруг книги, ковры, художественные изделия на тысячи рублей.

— То же самое ты увидишь и в большинстве других домов нашего города,— утверждает Вера.— У людей здесь действительно есть деньги.

Ну а сейчас самое серьезное внимание будет обращено на улучшение социального сектора, чтобы люди хотели остаться здесь не только на три года.

РАССКАЗЫ

О ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦАХ

— Во время поездки по нашему краю ты сам мог заметить, что советские люди, проживающие здесь, на Севере, значительно отличаются от тех, которые живут в других районах нашей страны,— говорит Валерий. Он сам родился во Владивостоке, а Вера — истинная северянка, выросшая в среде золотоискателей и шахтеров.

Пока мы сидели и разговаривали, в квар-

тиру вошли еще и другие люди. Это — соседи, которые тоже хотят увидеть того самого иностранца, о котором сообщалось по местному радио.

И вновь продолжаются рассказы о первых поселенцах, живших здесь, когда город еще только строился, о рыбалке, об охоте в тундре.

Входят новые соседи, стол раздвигается, ковры сгребаются в сторону.

После того как мои танцевальные способности испытаны, меня просят рассказать о Швеции и шведских коммунистах. Наибольшее впечатление производит тот факт, что в Швеции тоже есть сопки и олени.

Когда мы прощаемся, солнце уже взошло после своего короткого пребывания за сопками, и я еду в гостиницу с копченой и соленой кетой, банкой брусничного варенья и с другими подарками в руках. Это небольшие сувениры, которые я просто-напросто был вынужден принять как память о приятном вечере.

Вера, Валерий и их соседи не являются каким-либо исключением. Везде во время поездки по Дальнему Востоку я встречал точно таких же людей, открытых и добрых, прямых и откровенных, гостеприимство которых не знает границ.

*Перевод со шведского
И. ФИЛИПОВА*

Гельмут
АРНАШЮС

Земля будущего

Гельмут АРНАШЮС. Корреспондент газеты западноберлинских коммунистов «Ди Вархайт». Работал ее московским корреспондентом. Материал опубликован в газете «Ди Вархайт» в 1985 году.

ГОРОД В ТУНДРЕ

...Мороз чувствительно щиплет нас за щеки уже на полпути от автобуса к гостинице, щекочет холодом ноздри, превращая выдыхаемый воздух в клубы пара. В Билибино — минус тридцать.

Чудная картина открывается взору: с темно-синего, кристально чистого неба льются яркие лучи солнца, освещая долину реки Большой Кепервеем. Белыми пирамидами возвышаются вдали сопки. А к самому поселку подступила настоящая роща тонких сибирских лиственниц.

Районный центр — точно такой же городок, как и в любом другом уголке Советского Союза. Плотная архитектурная застройка многоэтажными зданиями, защищенные от ветра внутренние дворы и площадки создают впечатление уюта, невольно хочется прогуляться по заснеженным пешеходным дорожкам...

Но уже за двадцать километров от поселка в сторону побережья заметно чувствуется холодное дыхание Северного Ледовитого океана. Там всегда дуют пронизывающие ветры и — ни деревца, ни кустика.

...Уже сравнительно давно, более четверти века назад, геологи открыли в этих краях россыпное золото. Позже начались систематические поисковые работы, а затем и добыча драгоценного металла.

Горняки-первопроходцы жили в труднейших условиях — в палатках, рубленых домиках, бараках. Время шло. Интенсивными темпами развивается главная отрасль региона — золотодобывающая. И чем шире разворачивали свои изыскания разведчики недр, тем в большей степени им сопутствовал успех.

То было лишь начало большой созидательной деятельности северян.

За последние годы, как рассказывали нам в Анюйской геологоразведочной экспедиции, существенно окрепла материально-техническая база геологоразведки, улучшились условия труда и быта. Сейчас, например, коллектив экспедиции насчитывает около одной тысячи человек — ученых, специалистов, буровиков. Уже давно геологоразведчики трудятся в поле вахтовым методом, через каждые две недели возвращаются в районный центр к своим семьям. Прошлому, когда они месяцами оставались на вахте в тундре, возврата нет.

Это стало возможным не в последнюю очередь благодаря осуществлению широкой жилищной программы. Для работников Анюйской экспедиции строится немало жилья. Многие имеют благоустроенные квартиры со всеми коммунальными удобствами. Еще большие перспективы открывает перед ними реализация постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1981—1985 годах и на период до 1990 года производительных сил Магаданской области».

Проблемы освоения золотоносных площадей района затронул в беседе с нами директор Билибинского горно-обогатительного комбината Болеслав Иосифович Василяускас.

— Дороги действуют у нас только зимой, — рассказывает он. — И большая часть грузов — материалы, бульдозеры, оборудование, короче, каждый болт — доставляется по зимним трассам. Но многое завозится и авиацией. С помощью Аэрофлота на Чукотку транспортируют также овощи, фрук-

ты. Давняя дружба, например, связывает золотодобытчиков Билибинского района с городом Самаркандом Узбекской ССР. Оттуда к нам отправляют помидоры, виноград, гранаты, вишню, черешню. Фрукты поступают в первую очередь в детские сады, а также на предприятия, где продаются по государственной цене. Крупную дотацию на эти цели выделяет и наш горный комбинат. Горняки активно участвуют и в осуществлении Продовольственной программы. Так, на приисках ГОКа имеются свои подсобные хозяйства, где содержится в общей сложности до ста голов крупного рогатого скота. А на прииске имени Билибина выращивается еще и более ста голов свиней...

Болезлав Иосифович оптимистически оценивает перспективы развития Билибино. Намечено дальнейшее освоение богатых недр Чукотки. Если до сих пор добыча металла осуществляется в районе только в летний период из золотоносных россыпей, то в недалеком будущем горняки приступят к круглогодичной добыче рудного золота. Неподалеку от районного центра геологи обнаружили в сонке у реки Каральвеем золотоносные проявления. Здесь и начали строить будущей рудник. А рядом — еще несколько таких же кладовых, запрятанных в глубинах сопок...

О необходимости дальнейшего развития экономически выгодного и перспективного края рассказала нам и первый секретарь Билибинского районного комитета партии Татьяна Михайловна Малиновская — скромный и умный руководитель, вызывающий искреннюю симпатию. Она сообщила, например, что предусмотрено расширение аэропорта Кепервеем (уже начаты работы по отсыпке новой взлетно-посадочной полосы), будет строиться жилье.

Проблема энергообеспечения — одна из важнейших на Чукотке, осваиваемой мужественными северянами. Большинство горняцких поселков и национальных сел

района снабжаются электроэнергией, которая вырабатывается местными электростанциями, работающими на жидком топливе или угле. Билибинцы же решили эту проблему, построив атомную электростанцию.

В двух километрах от райцентра сооружен настоящий «огород» под стеклянной крышей. Тепличный комбинат, ввода в эксплуатацию которого с нетерпением ожидали здешние жители, обогревается и освещается также «атомкой». Как рассказала нам агроном Нелли Францевна Петкевич, в начале марта в здании профилактория энергетиков состоялся «праздник первого огурца». Свежие «доморощенные» овощи сняты с грядки первой очереди теплицы... зимой! За Полярным кругом! Разве это заурядный факт для северян?! Но, как уверяют, здесь люди привыкли преимущественно к мясным блюдам. Таким обильным, какими был сервирован, например, стол моего гостеприимного хозяина — слесаря Федора Ковалева с Билибинской АЭС.

В тот вечер, проведенный в его семье допоздна, нам было о чем поговорить. Я узнал, например, что Коваль сразу после войны по комсомольскому призыву отправился на Крайний Север. В Магадане познакомился со Степанидой — своей будущей женой и вместе с ней поехал в необжитые края строить Колымскую трассу.

Его сын Александр — коренной житель Заполярья. Недавно он женился. Его молодая супруга Елена — она приехала с Северного Кавказа — находит, что здесь не так уж и плохо: все люди главным образом отзывчивы, готовы помочь в трудную минуту.

ХОЗЯЕВА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Центральная усадьба совхоза «Омолон» связана с Билибино четырехсотпятидесятикилометровой воздушной трассой. По тундре же до села можно добраться только в зимнее время. Такая поездка может длить-

ся два-три дня, а то и больше — в зависимости от того, какое «настроение» у бога погоды.

Вертолет же — наилучшее средство передвижения по безбрежным пространствам Чукотки. Им и воспользовались журналисты нашей группы. Откровенно говоря, все мы немного волновались. Рядом же у края взлетно-посадочной полосы совершенно спокойно ожидала рейса эвенка с детской коляской, в которой лежал аккуратно запеленатый младенец. Как оказалось, она проходила курс лечения со своим ребенком в билибинской больнице, а предстоящий полет был для нее, по-видимому, уже привычным.

С утренними лучами солнца трескучий мороз ослаб. Вскоре точно в назначенное время в голубой дымке появился вертолет...

Монотонный шум вращающихся лопастей Ми-8 действует успокаивающе, и мы за два часа полета никак не можем насмотреться на необозримый чукотский ландшафт.

СЕЛО, КАК И ВСЮДУ

В Омолоне замечаем несколько десятков капитальных деревянных домов, наверняка тешлых внутри. Здесь — постоянное место проживания полутора тысяч омонцев, триста семьдесят пять из которых — семьи работников совхоза. Они — хозяева пастбищных угодий в шестьдесят миллионов гектаров. На этой площади выпасается тридцатипяти тысячное стадо оленей, вместе с ним по тундровым маршрутам кочуют бригады пастухов.

Дети оленеводов живут и учатся в Омолонской школе-интернате. Пастухи же навещаются в село в случае незначительных заболеваний или для профилактического медицинского осмотра в местной амбулатории, а также чтобы сделать кое-какие покупки, взять в библиотеке книги; или же

прилетают сюда на совещание, конференцию, отчетно-выборное собрание. Во время ежегодных экономических конференций по доброй старой традиции после анализа работы и дискуссий о задачах коллектива на предстоящий период организуют затем праздник пастухов. Его программа включает в себя соревнования на оленьих упряжках, национальные виды спорта — борьбу, бег с палкой, а также современное состязание на мотонартах. Такие «моторизованные» ралли на снегоходах «Буря» пользуются у оленеводов особой популярностью.

А вечером все становятся и зрителями, и участниками праздничной программы в сельском Доме культуры. В кафе, как правило, можно попить чаю, поужинать, потанцевать.

Короче, живут омонцы точно так же, как и в любом другом совхозе Советского Союза. И все же трудно забыть вот что... Ведь не так уж и давно, всего одно-два поколения назад, коренные жители Чукотского автономного округа — чукчи, эвены, юкагиры, эскимосы и другие, те, потомки которых составляют сегодня основу равноправного, в большинстве своем образованного трудового коллектива, — были обречены на вымирание. Массовым бедствием здесь стали постоянный голод, недоедание, извечная борьба с суровой природой за выживание. Иной раз вспыхивали кровавые схватки и со своими соплеменниками за право владеть пастбищами и охотничьими угодьями.

А о том, чтобы кто-нибудь мог писать или читать, — речи не было. Самые богатые владельцы оленьих стад и их ближайшие приспешники — шаманы не питали особого интереса к тому, чтобы принести в жизнь бедняков-пастухов и охотников своих же стойбищ — хоть частицу цивилизации, спасти массы от голода, болезней и безграмотности.

ОЗАРЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Когда в начале двадцатых годов на Чукотку пришли первые ревкомовцы, чтобы помочь национальным меньшинствам улучшить их жизнь, они натолкнулись на упорное сопротивление шаманов и богачей, а также — представителей американских и японских фирм, которые «обменивали» всякую мишуру, безделушки и водку на ценный мех пушного зверя, моржовую кость, рыбий жир. Попадались на Чукотке в то время и золотоискатели-одиночки.

Борьба была жестокой. Коренное население, особенно его бедные слои, вскоре убедилось в том, что новые идеи большевиков — воплощение их вековой мечты об уверенности в завтрашнем дне, безопасности, лучшей доле. Ведь революционеры сразу же дали хлеб. Уже с 1924 года в тундре были созданы склады с запасами хлеба, который спасал бедноту от голода. Были организованы государственные и кооперативные торговые точки, где шел честный обмен товарами за реальные цены. На берегу бухты Лаврентия в 1928 году создается первая культбаза Чукотки, а в 1930 году — еще такая же на реке Пенжине. К 1934 году культбаз уже насчитывалось тринадцать. На эти цели Советское государство ассигновало четырнадцать миллионов рублей, да плюс еще шесть с лишним миллионов на их ежегодное содержание.

Культурная база состояла из помещения для агитационной работы, участковой больницы, школы-интерната, зооветеринарного центра и научно-краеведческого учреждения. Имелись также учебно-производственная мастерская, дома для служащих, обязательно — баня, складские постройки.

Уже скоро эти поселения стали подлинными центрами культуры на Крайнем Северо-Востоке, центрами замечательных преобразований.

Молодые люди разных национальностей, главным образом русские, прибывшие на

Чукотку из центральных районов страны, сумели за короткий срок обучить местное население русскому языку, сами выучить чукотский и эскимосский, агитировали здешнюю молодежь ехать на учебу в Ленинград, где был создан Институт народов Севера. Это высшее учебное заведение сыграло неопценимую роль в жизни малых народностей. В тридцатых годах в некогда отсталых окраинах России произошла своя культурная революция. Если в начале десятилетия в общеобразовательных школах обучалось пятьсот чукотских детей, то к концу их насчитывалось уже тысяча шестьсот. Прогресс был достигнут и в ходе кампании по ликвидации безграмотности среди взрослого населения.

Для более эффективного использования пастбищных и охотничьих земель вся территория была поделена между колхозами, создавались ремесленные мастерские.

СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Великий Октябрь дал малым народностям Чукотки материальную гарантию, обеспечил прогресс во всех областях народного хозяйства, но ни в коем случае не искоренил и не уничтожил их культурное наследие. И ни в коей мере невозможно сравнить жизнь населения Чукотки с жизнью таких же народов Аляски, Канады, Гренландии.

Напротив, молодое поколение остается верным пастушьей традиции отцов, после окончания техникумов или институтов находит для себя любимое занятие в родных краях. А такая работа для молодежи при современных темпах индустриализации здесь есть всюду.

— Не раз мне доводилось ездить по нашей стране, — говорит знатный оленевод совхоза «Омолон» орденоносец Дмитрий Константинович Ходьяло, с которым мы встретились на маршруте зимнего выпаса животных близ реки Молонгда. — Даже на

Черном море проводил отпуск. Но истинный отдых нахожу здесь, в тиши белого безмолвия. Здесь я родился и вырос, как говорится, сросся с этой землей. И нет для меня иного места, где я смог бы жить, как и нет другой профессии лучше, чем моя — пастушья...

В бригаде — главным образом представители эвенского рода, откочевавшего когда-то давно со своими стадами в здешние края с запада. Стойбище пастухов состоит из сборных домиков, которые можно легко и быстро перевезти в другое место, что и делают оленеводы, кочуя с одной стоянки на другую.

— К сожалению, дома эти не очень-то годятся для нас, — ответил на мой вопрос «удобно ли жилье?» молодой тундровик. При этом он привычно вырубил в речке кристально голубую льдинку и уложил ее в мешок для питьевой воды.

— Сама по себе идея, конечно, хорошая — улучшить быт оленеводов, — продолжил он. — Но конструкция не удалась: у печей плохая тяга, и в домике всегда полно дыма; к тому же снег на крыше тает, и вода капает вовнутрь. И еще — домики чересчур малы. Все-таки наши палатки были лучше...

Позже, в Магадане, мне сообщили, что это — лишь экспериментальные сооружения, которые предстоит дорабатывать и совершенствовать.

Недавно в одном из таких домиков в бригаде Ходьяло поселилась молодая семья. Она — из династии Ходьяло, а муж — русский парень, решивший пойти работать в тундру, освоить нелегкое пастушье ремесло.

— По тому, как меня приняли родственники жены, — улыбаясь, говорит он, — я думаю, что останемся с ними навсегда. С их жизненным опытом, накопленным тысячами летиями, в тундре ничуть не страшно...

...Такой тишины и такого покоя, которые окружали меня во время прогулки в лесоч-

ке близ стоянки бригады, такого первозданного великолепия я еще не ощущал никогда. И думалось: хозяева Чукотки уверенно смотрят в завтрашний день, у них — счастливое будущее.

ТАМ, ЗА СИНИМИ ГОРАМИ

Первые поселения на Крайнем Северо-Востоке России были образованы экспедициями русских казаков еще в XVII веке. Позже здесь было место ссылок, сюда же устремлялись разного рода авантюристы, искатели золота и приключений.

В первые годы Советской власти большевики боролись против торговцев-предпринимателей из Америки и Японии, обосновавших свои фирмы на этой «бесхозной» земле.

Пионерами систематического и планомерного освоения региона стали прибывшие сюда геологи. Они и положили начало «золотому кольцу», именно здесь была построена знаменитая Колымская трасса, по которой можно ездить не только зимой, но и летом.

Первопроходцы не искали в здешних местах комфорта, жить им приходилось в палатках, а то и просто в землянках. По пути сооружали небольшие, даже крохотные временные домики для жилья, и по мере того, как вместе с трассой уходили все дальше и дальше в глубь ледяного континента, это жилье занимали после них золотодобытчики.

И по сей день вдоль обочин трассы можно видеть остатки таких поселений — немых свидетелей прошлого.

Иная картина теперь. В области выросли настоящие городки, такие, как Билибино, Синегорье... Они органически вписались в суровый северный ландшафт. И когда ходишь, например, по улицам того же Синегорья и смотришь на окружающие горные массивы, кажется, что находишься где-то в курортном городке Швейцарии.

Однако здесь — совсем не курорт. Здесь люди упорно трудятся над претворением в жизнь больших созидательных планов. В первую очередь заботятся о том, чтобы опережающими темпами вести строительство жилья для специалистов, рабочих.

Если в 1970 году в новые дома поселились первые сто сорок тружеников завода строительных материалов, то сейчас в Синегорье уже двенадцать тысяч жителей. Неподалеку заканчивается строительство важнейшего энергетического объекта — Колымской гидроэлектростанции. Река, бегущая по узкому каньону, таит в себе колоссальные запасы энергии. Их нужно только суметь поставить себе на службу. А сделать это как раз не так-то просто. И все же гранитные скалы в зоне вечной мерзлоты покоряются мужественным парням — грамотным специалистам, инженерам, рабочим.

Стройка чрезвычайно сложна. Даже там, внизу, в каньоне, где уже отсыпана большая дамба и взрывниками пробит в скале тоннель, постоянно дуют почти ураганные ветры. И никак не защитит себя от холода, когда мороз тридцать или сорок градусов. Даже самые бывалые электромонтеры, взобравшись на высоченные опоры линий электропередач, не выдерживают более пятнадцати минут, быстренько спускаются отогреться...

Ветер в мгновение безжалостно остужает тело, если даже ты и в самой теплой одежде. Но синегорцы не сдаются, продолжают в жесточайшие морозы свое трудное дело.

И не потому, что цель у них — высокие заработки. Да, на Севере эти заработки в три раза превышают материковские. Истинный же смысл жизни на Колыме — не рубли, а забота о том, чтобы побыстрее обжить край, сделать его полезным и нужным для государства.

И это — не просто красивые слова, а вполне очевидная действительность. Я без оглядки верю северянам, когда они говорят мне: «Да, мы патриоты!»

...Юрий Фриштер, руководитель строительства ГЭС на Колыме, рассказывает:

— Проектировщики предложили ряд уникальных решений, которые помогли заставить реку вырабатывать ток задолго до завершения всего комплекса строительных работ.

Колыме — огромному горнодобывающему краю — нужна электроэнергия. Но стройка одно время чуть было не застыла. В огромном машинном зале, вырубленном в скале, обнаружился трещины в гранитном монолите кровли. Сооружение удалось спасти, закрепив с помощью сотен железобетонных анкеров. Это — тоже небезынтересное инженерное решение. Ведь ситуация сложилась критическая, когда в образовавшееся скальное пространство хлынули потоки теплого летнего воздуха. Они и разогрели мерзлоту каменных глыб, чего не могли предусмотреть ни проектировщики, ни строители...

Долго беседовал я с молодым председателем исполкома поссовета Синегорья Евгением Сыровым и секретарем районного комитета партии Владимиром Лахтиным. Говорили о жизни, о людях. Прежде Сыров был монтажником, секретарем комитета комсомола на этой же стройке. Рабочие и выбрали его «мэром», откровенно сказав: «Ты сумеешь, потому и голосуем за твою кандидатуру...»

Хлопот теперь у Сырова — масса. Надо вот поскорее закончить строительство комбината бытового обслуживания, нового Дома культуры, завершить отделку спортивного комплекса...

С большими и малыми проблемами обращается он теперь к Лахтину. И тот — из такой же категории энергичных людей — всегда внимательно выслушает, постарается понять и помочь.

Прямота и деловитость во всех вопросах характерны для людей Крайнего Севера. Недавно, например, один бригадир золотодобывающего предприятия Колымы, высту-

пая по советскому телевидению в информационной программе «Время», рассказывал о том, как его коллектив выполняет свой производственный план. В конце горняк добавил, что за двадцать лет работы дражником он не помнит, чтобы на Колыму новая техника поступала в достаточном количестве. Вынуждены использовать старую, неэффективную драгу. Кроме того, крайне недостаточно жилищное строительство в его поселке...

На эти замечания рабочего предложили ответить министру, и тот, сидя перед телекамерой в свете мощных ламп, довольно смущенно отвечал, обещая все же скорую помощь...

И правда, те самые огромные драги — многоэтажные стальные колоссы на понтонах, которые я видел, — выглядят не очень то современными. Рабочие готовили эти плавучие фабрики золота к летней «навигации» — ремонтировали, наверное, уже в который раз «латали» электросваркой местами поржавевшую металлическую обшивку «корабля».

— Действительно, проблемы с поставкой новой техники, со строительством жилья еще имеются, — сказал нам первый секретарь Магаданского обкома КПСС Николай Иванович Мальков. — И центр тяжести всех наших забот мы теперь переносим на устранение этих трудностей.

Да и было бы удивительным, если бы в этой далекой области все шло гладко, без сложностей.

Однако важнейшим, несомненным достижением социалистического строительства на Крайнем Северо-Востоке является формирование людей совершенно нового типа.

— Недобрые у нас не остаются, — считает Владимир Лахтин. — Они здесь попросту не выдерживают. У нас крепка взаимовыручка, каждый может положиться на товарища.

Можно сказать, что социализм создал совершенно новые общественные формы

взаимоотношений между людьми, их отношения к вещам. В этом смысле человек советского Севера сделал еще один шаг вперед на пути к новому обществу.

ЗЕЛЕННЫЕ ЛУГА «ЛЕДЯНОГО КОНТИНЕНТА»

Здание Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института в Магадане выглядит довольно скромно. Но сколь величественны и дерзновенны планы, которые ставят перед собой работники этого НИИ! Они намерены, например, превратить вечномерзлую тундру в сельскохозяйственный регион, где искусственным путем будут созданы настоящие зеленые высокопродуктивные луга.

Как рассказал нам доктор географических наук Савелий Владимирович Томирдиаро, за последние десять—пятнадцать лет исследователи отдела мерзлотоведения основательно перевернули все представления о ледниковом периоде. Благодаря многолетним наблюдениям за тундровым ландшафтом они установили, что на дне термокарстовых озер, из которых вытекла вода, появляются великоленные заполярные луга. Точно такие же, на которых десять тысяч лет назад паслись бесчисленные стада мамонтов, бизонов! Ученые установили, что здешние травы, поднявшиеся на плодородном слое прежних озер и болот, весьма питательны и могут с успехом скармливаться крупному рогатому скоту. А буренок в Магаданской области немало — молочным животноводством на Колыме и Чукотке занимаются не только труженники села, свои фермы крупного рогатого скота имеют также и промышленные предприятия. И если учесть, что корма для животных завозятся издалека и обходятся в копейчку, то понятна та заинтересованность, с которой северяне восприняли идею исследователей — создавать такие луга своими руками.

Пионером в таком эксперименте стал совхоз «Северный», что расположен неподалеку от Анадыря. В 1969 году там осушили одно из термокарстовых озер. Велики ли были затраты? Отнюдь. Сооружение водосточного канала — чрезвычайно простое и дешевое дело. С помощью бульдозера на всем протяжении будущего канала от озера к реке снимают верхний тонкий слой почвы, а остальную работу довершает солнце. Его теплые лучи оттаивают вечную мерзлоту, образуется канава. Затем она под действием того же солнца углубляется — и канал готов. По нему-то и вытекает из озера вода.

Вот таким образом была осушена озерная площадь почти в тысячу гектаров. И зазеленели на них сочные травы. Среднегодовой урожай их здесь составляет до трехсот шестидесяти центнеров зеленой массы с одного гектара! То есть он оказался выше среднеевропейских норм.

Естественно, Анадырский район стал получать больше питательного молока, да и свежего мяса.

Но проблемы все-таки имеются. Так, эти луга через десять — двенадцать лет могут снова оказаться под водой. Дело в том, что на осушенных днищах со временем появляются ледовые блоки, они теснят травы, занимая все большую и большую площадь.

И вскоре луг исчезает, а на его месте образуется болото, озеро. Где выход? И ученые его нашли. Надо дать озеру возможность восстановиться, принять первоначальный вид. Для этого нужно перекрыть канал, чтобы вода не уходила из рождающегося озера. Через год-другой мох и лишайник — самые главные враги лугов — погибнут на дне. И тогда канал можно открывать. Если в природе такой цикл длится сотни лет, то теперь человек сам может регулировать его ход сообразно своим целям.

И когда будут осушены миллионы озерных гектаров, древняя тундра примет свой первоначальный экологический облик. Тот, который был характерен для нее около семи тысячелетий тому назад.

Уже сейчас на возрожденных «мамонтовых» лугах, отмечает Савелий Томирдиаро, можно видеть множество птиц, которые находят здесь подкормку и строят гнезда; забредают сюда даже олени.

...Совершив настоящую революцию в северном естествознании, советские ученые продолжают мирное освоение все новых пространств Заполярья, так необходимых для северян.

*Перевод с немецкого
В. ДЗИРКАЛА*

Збигнев
БОЖЕК

На стыке двух океанов

Збигнев БОЖЕК. Польский журналист. Работает в газете ЦК ПОРП «Трибуна работника». Несколько лет представлял ее в Москве. Материал опубликован в этой газете в 1985 году.

1. ЛЮДИ ТУНДРЫ

Этот рассказ — о достойных восхищения людях, с которыми познакомился на краю света, за тринадцать часовых поясами на восток от Польши, в крае вечной мерзлоты и белого безмолвия, на стыке двух океанов — на граничащей с Аляской Чукотке.

В «Бараньем ручье», как можно перевести с чукотского название небольшого поселения Кебервеем, находится центральная усадьба оленеводческого совхоза «Вперед». Отсюда почти полдня добирался к пастухам шестой бригады ближайшего из кочующих в тундре стад. Только вездеходом можно было прорваться через каменистую, покрытую глубокими снегами местность. В наступившей полярной ночи возникло ощущение, будто находишься где-то между ночью и днем, еще более усиливающееся дающей о себе знать разницей во времени. Однако сорокаградусный мороз успешно помогал бороться с наваливающейся сонливостью...

Все с облегчением вздохнули, когда на горизонте обозначилось темное пятно оленьего стада, насчитывающего несколько тысяч голов. Только потом заметили жилище пастухов — небольшой шатер (ярангу), покрытый шкурами этих добросовестно служащих людям и, как я смог убедиться, универсальных животных. С приветственным лаем выбежали навстречу собаки — не-

большие, с белой всклокоченной шерстью. Хозяин в расстегнутой на груди меховой куртке занят был починкой саней (нарт). Встретил нас дружелюбно, без слов, жестом пригласил в шатер. Изнутри жилище утеплено выложенными по полу шкурами, обогревается раскаленной печкой, металлическая труба которой выведена наружу. Вокруг печки на свернутых кукулях (меховых спальных мешках) расселись члены бригады, состоящей из чукчей: бригадир Николай Наргин, старшие пастухи Владимир Кергитагин и Степан Мачен, пастух Анатолий Елак, а также представитель совхоза эвен Семен Карамзин и сопровождающий меня заведующий районной ветлечебницей Алексей Третьяков, который двадцать лет тому назад приехал в эти края из Башкирии.

Самое почетное место, против входа, занимает апай, по-чукотски «старик». Николай Иванович, как его все почтительно называют, русский язык понимает, но говорит исключительно по-чукотски. Он уже на пенсии, но до такой степени сжился с тундрой и оленьим стадом, что не представляет себя вне ее. Из меховой одежды выступает только его небольшая голова с изборожденным морщинами лицом. Блестят глаза, пылливо изучающие пришельцев. Непрерывно одну за другой курит очень крепкие папиросы «Беломорканал».

Вскоре глаза привыкают к полумраку яранги. Чашка горячего ароматного чая согревает и взбадривает. На печке в большом котле варится оленье мясо. Рядом — кухонная посуда, хлеб, соль, сахар... Запасы мяса и другие пищевые продукты хранятся в естественном «холодильнике» — ящике снаружи жилища.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ ЗАБОТЫ

У выхода замечаю два висящих карабина — защита от волков и медведей, довольно часто наносящих неожиданные, часто ночные, визиты. Хищники нападают главным образом на молодых оленей.

Среди собравшихся зашел как раз разговор о появлении большой стаи волков. Обратились уже к пилотам, которые теперь с борта вертолета будут выслеживать и отстреливать хищников. Не меньшую опасность для стада представляют и россомахи.

На случай особых обстоятельств люди тундры располагают ракетницами. А с помощью радиостанции, используя позывные «Буря», три раза в сутки связываются с дирекцией совхоза в Кепервееме, где зимой живут их семьи, а кочующие летом вместе со взрослыми дети ходят в школу.

Кто-то из пастухов подкладывает в чайник очередную порцию снега. Выпьем еще по чашке чая.... Разговор тем временем переходит на важную тему: необходимость смены пастбища, если о таковом в условиях покрытой мощным слоем снега тундры вообще можно говорить. Олени питаются выкапываемыми из-под снега лишайниками.

Ягель подрастает за год на миллиметр-два. Поэтому на то же место можно будет вернуться со стадом лет через пятнадцать. Маршруты кочевков стад определяет администрация совхоза, чьи уголья раскинуты на территории, имеющей в поперечнике до трехсот километров. Соседний совхоз «Омолон» выпасает свои стада на еще большем пространстве, почти равном по площади Франции.

МУДРОСТЬ АПАЯ

В условиях тундры, как и прежде, незаменимыми остаются советы апая. Старик пользуется наивысшим авторитетом. Благодаря своему огромному опыту, апай лучше всех знает, когда и где кочевать, в каком месте поставить ярангу, разместить стадо. Безошибочно прогнозирует погоду.

Что должен уметь пастух? Николай Наргин перечисляет: приучать оленей и собак к упряжке, выслеживать зверя, делать сани (нарты), пользоваться рацией, водить вездеход, разбираться в ветеринарии, управлять стадом. Более того, каждый пастух

должен знать всех оленей своего стада «в лицо». И это в буквальном смысле слова.

Особенной заботы стадо требует в грибную пору. Грибы — любимое лакомство оленя, в поисках которого животное может отдалиться от стада. Требуется бдительности и пора весеннего гона, когда самцы из диких стад уводят молодых самок.

В зимний период главная забота — обеспечение оленей кормом. Животным приходится особенно трудно, когда выпадает много снега. Еще хуже — когда снег скован ледяной коркой, которую олень не в состоянии пробить копытами. Тогда проламывать лед помогает гусеничный вездеход. Спешит с помощью и авиация. Однако сбрасываемыми с воздуха лакомствами интересуются также и другие обитатели тундры. Как свидетельство сообразительности и гурманства медведей показывали мне проколотые клыками и опустошенные банки из-под сгущенного молока.

Любимая пора чукотских пастухов — конечно лето. Полное солнца, но очень короткое. Начинается оно в конце июня и кончается с первыми снегопадами в августе. Как раз в августе отмечают в тундре традиционный праздник молодого оленя. В этот период производится забой телят, шкуры которых наиболее пригодны для изготовления одежды.

Даже первое поверхностное знакомство с жизнью оленеводов дает отчетливое подтверждение универсальности оленя, который служит тягловой силой, обеспечивает человека шкурами, мясом. Таким образом, олень работает на жителей тундры, одевает, кормит и украшает их быт.

...В котле доварилось мясо. Степан Мачен охотничьим ножом режет его на длинные полосы и делит между присутствующими, начиная с гостей. Вкусно и полезно. Ведь мясо оленя содержит все витамины тундры и составляет основу меню чукотских пастухов. Сидя на корточках, едим его и запиваем горячим бульоном.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Полный желудок и уже несколько более близкое знакомство делают наших чукотских хозяев более разговорчивыми. Узнаю, что летом кочуют они вместе с семьями. Живущие в поселке жены заняты сейчас вспомогательными работами на зимнем забое оленей. За эту зиму совхоз сдаст более пяти тысяч центнеров мяса. Шкуры отправляют самолетом на Магаданский кожзавод.

Во время полярной ночи чукчи меньше читают книг и газет. Зато целыми сутками могут слушать транзисторный приемник. Самая любимая программа — «Тихий океан», передаваемая для моряков дальних рейсов, а также передачи из Анадыря на чукотском языке. Время от времени доставляют вертолетом кино. Тогда вечерами за чаем, под теплой крышей шатра смотрят кинопрограммы.

По-прежнему наименее разговорчив апай. Улыбается, отвечает короткими фразами и в основном слушает.

Пора, однако, прощаться с людьми суровой тундры и возвращаться в Кеппервеем. Не очень хочется покидать гостеприимных хозяев и теплую ярангу. Самая теплая одежда не заменит универсального одеяния чукчей. Одеваются они в то, что дарит им природа. — олени шкуры. Носки, брюки и длинная рубаха — все мехом внутрь. На это надевается второй меховой слой: сапоги и куртка с капюшоном — мехом наружу. В таком наряде смело можно отправляться в тундру.

«ЗОЛОТАЯ ЧУКОТКА»

В этот чукотский поселок можно сегодня добраться не только оленьей упряжкой, намеченным гусеницами вездехода зимником или проложенным через бездорожье трактом. Кеппервеем расположен в самом сердце западной тундры Чукотского автономного округа. Здесь ее «воздушные ворота» — аэропорт, благодаря которому район имеет

непосредственную связь с Анадырем, Певком и Магаданом. После реконструкции аэропорт Кеппервеем будет принимать современные турбореактивные самолеты.

Чукотская тундра — это не только суровый климат, каменистые пустыни, чукчи, эвены и эскимосы, занимающиеся разведением оленей, а на побережье океана — ловлей рыбы и охотой на китов и моржей. Чукотская тундра — это в равной степени также разведанные или еще не разведанные огромные богатства недр этой земли, среди которых главную роль играет золото. Не без оснований говорится о ней все чаще как о «золотой тундре», «золотой Чукотке», на которой, как и оленеводы, успешно трудятся геологи, горняки, энергетики, специалисты спутниковой связи. Люди, таким образом, имеющие самую высокую квалификацию; я встречал их здесь, почти по соседству с оленьим стадом шестой бригады совхоза «Вперед». Это именно они, по моему мнению, истинные герои этой суровой, расположенной между Северным Ледовитым и Тихим океанами, земли, которой в планах КПСС и Советского правительства предназначено великое завтра.

2. САМОРОДОК СНЕЖНОЙ ПУСТЫНИ

Заполярный поселок Билибино смело можно назвать фата-морганой тундры, самородком среди безбрежности снежной пустыни. Чукотка прежде ассоциировалась в моем представлении с суровостью северного климата и пейзажа, со стадами оленей и медведями, скалистым побережьем, омываемым водами двух океанов: Северного Ледовитого и Тихого. Между тем на трассе своего журналистского путешествия я открыл совершенно другую Чукотку — золотую сокровищницу, край атомной энергетики, спутниковой связи, великолепных людей.

От областного центра Магадана до Билибинского аэропорта в Кеппервееме тысяча триста километров бездорожья. Одна техническая посадка в аэропорту Чайбуха в не-

посредственной близости от скованного льдами Охотского моря — и после трех с половиной часов полета наш Ан-24, пилотируемый опытным командиром экипажа Сергеем Щербаковым, приземляется в полярную ночь в сердце Западной Чукотки. Стюардесса информирует: «Температура минус сорок градусов».

Билибинский район, или в понятной для нас номенклатуре — повят (уезд), простирается на площади почти сто семьдесят пять тысяч квадратных километров, то есть равной половине территории Польши. В районе двадцать шесть тысяч жителей и свыше ста тысяч оленей. Общая протяженность дорог — сто двадцать километров. Первую информацию получаю уже по дороге от аэропорта Кепервеем в отдаленное от него (на тридцать втором километре) Билибино. Мои гиды — спутник по путешествию и коллега по перу Виктор Тимakov, а также секретарь районного комитета КПСС Сергей Мельников.

В свете лунной ночи минуем засыпанный снегом чукотский поселок, принадлежащий оленеводческому совхозу «Вперед». Внезапно машина сворачивает с дороги, объезжает деревянный мост и форсирует замерзшую реку.

— При таком морозе, — замечает Сергей, — хрупкие деревянные мосты «отдыхают».

Вскоре на горизонте в широкой котловине засверкал сотнями огней поселок, которого менее тридцати лет назад еще не было ни на одной из карт. На высоком холме в лунном свете вырисовались чаши антенн станции «Орбита». Четкий дорожный указатель приглашает вправо — на Билибинскую атомную электростанцию.

Наша гостиница «Северная» расположена в центре поселка около сквера, вокруг которого разместились Дом культуры, крытый плавательный бассейн, школа, универсальные магазины, почта. Входные двери, как и во всех домах в тундре, двойные,

открывающиеся внутрь помещения — на случай сильных снежных заносов. Тепло и уютно...

ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ

Перед трехэтажным зданием Анюйской геологической экспедиции — присыпанный снегом бюст Юрия Билибина — выдающегося ученого, геолога, открывателя «золотой Колымы». В рождении поселка Билибино принимали участие представители двух профессий: геологи и обеспечивающие их крылатым транспортом авиаторы. Это их поиск в бассейнах рек Большой и Малый Анюй — притоках Колымы — увенчался открытием богатых залежей золота, положил начало разработке месторождений этого драгоценного металла, позволил Чукотке именоваться «валютным цехом». Стала явью чукотская легенда о гигантском золотом олене. Сраженный охотником, пал он так, что голова его оказалась в Клондайке, а туловище на Чукотке.

Только в кремлевской сокровищнице приходилось видеть мне такую же интересную коллекцию самородного золота, какую показали в Анюйской геологоразведочной экспедиции. Это уникальная коллекция кусков, пластин и зерен благородного металла, выступающего в природе в различных формах. Узнаю, что золото высокой пробы добывают здесь промывкой песков в речных долинах (только в период короткого северного лета).

Геологи между тем ведут поиск новых месторождений, оценивают экономическую эффективность их эксплуатации и передают горнякам. Разведку ведут непрерывно на протяжении всего года. Благодаря полярной авиации смены поисковиков можно еженедельно забрасывать по воздуху с базы в Билибино.

ОТ КОСТРА ДО АТОМНОГО РЕАКТОРА

Когда в январе 1974-го состоялся пуск первого из четырех блоков агрегатов первой

в то время за Полярным кругом атомной электростанции, родилась ставшая крылатой фраза: «Чукотка менее чем за шестьдесят лет прошла гигантский путь от пастушьего костра до атомного реактора».

Этот объект я посещаю в сопровождении главного инженера электростанции Сергея Мефодьева. В далеком Билибино убеждаюсь, что социалистическая интеграция перешагнула Полярный круг. Электростанция оборудована ленинградскими реакторами, чехословацкими турбинами, венгерскими радиаторами, арматурой из ГДР...

Повсюду встречаю здесь людей молодых. Многие из них участвовали в этой комсомольской стройке, а потом «заякорились» на «постоянно». Средний возраст членов коллектива не превышает тридцати лет. Средний заработок, включая полярные надбавки, составляет восемьсот—девятьсот рублей.

Билибинская до недавнего времени, а точнее до пуска Кольской атомной электростанции, была первым такого рода объектом за Полярным кругом. Сегодня можно сказать, что она полностью сдала свой экзамен. Прошел проверку уникальный реактор, гарантирующий максимальную надежность и безопасность в работе. Сохранена, наконец, природа тундры. Впрочем, атомная электростанция в тундре, ее стерильность, экономичность уранового топлива, охрана окружающей среды — темы нескольких диссертационных работ молодых практиков-ученых.

РАЗГОВОР ЧЕРЕЗ СПУТНИК ЗА ПЯТНАДЦАТЬ КОПЕЕК

Энтузиастов, подобных атомщикам, я встретил и на билибинской станции спутниковой связи «Орбита». С 1970 года она позволяет принимать жителям Чукотки телевизионные программы. Два раза в сутки ее направляющие антенны переориентируются попеременно на два спутника связи, о чем каждый раз сигнализирует

десятиминутный технический перерыв в телевизионной передаче. С высоты тридцать восемь — сорок тысяч километров станция «Орбита» принимает спутниковые сигналы московской телевизионной программы, передавая их в свою очередь на экраны телеприемников.

С тайнами станции знакомит меня ее руководитель Анатолий Кунин. Девять лет тому назад прибыл он сюда с радиостанции в высокогорном Тянь-Шане в Киргизии. О своем решении не жалеет. Сегодня «его» станция обеспечивает жителям далекого Севера прием двух центральных телевизионных программ, а также радиопередач. Здесь находится узел телеграфной и телефонной связи. Это благодаря ему я смог из билибинской гостиницы связаться через спутник с Москвой. На местной почте достаточно опустить в автомат пятнадцать копеек, чтобы, набрав соответствующий номер, провести «транскосмический» разговор с Европейским континентом.

Работники станции сами производят необходимые ремонтно-профилактические работы. Сейчас с большим увлечением монтируют недавно доставленную воздушным транспортом новейшую аппаратуру «Москва». На меня как человека в вопросах техники совершенно некомпетентного наибольшее впечатление произвели габариты нового устройства: используемое до настоящего времени занимает внушительных размеров зал, новое — величиной в два телевизора. Предыдущее стоило три с половиной миллиона рублей, новейшее — всего лишь сто пятьдесят тысяч.

В Билибино я смог воочию убедиться в том, какое внимание уделяется жителям далекого Севера. Заработки не могут быть, да и не являются единственным его критерием. Не менее важны ведь и просторные, теплые квартиры. При скурых лучах солнца большей заботой должны быть окружены дети, а кухня северян должна быть более богата. И вот на окраине Билибино вырос-

ло целое подсобное хозяйство под стеклом, обогреваемое атомной энергией. На Севере человек подвержен заболеваниям органов движения. Поэтому спортивные занятия включены в обязательные программы школьников и взрослых.

НАДВИСЛЕНСКИЙ СЛЕД

Мерой большой любви, с которой жители Билибино относятся к своему молодому заполярному поселку, можно считать... красведческий музей. Его создатель и директор — человек полностью и бескорыстно преданный тундре и ее богатствам, гидрогеолог на пенсии, семидесятипятилетний Григорий Глазырин. Богатые собрания представляют историю этой земли, первые экспедиции, пришедшие сюда через Якутию. Есть здесь, между прочим, документы об экспедиции Д. Черского по Колыме до Нижнеколымска. Имя исследователя увековечено в названии населенного пункта Черский, горного хребта Черского. Представлены в музее богатства флоры и фауны тундры и, наконец, достижения геологов, открывших новую страницу в истории Билибино.

В далекой тундре натолкнулся я и на польский след. Оставил его умерший в 1981 году в Билибино бывший танкист Советской Армии старший сержант Илья Сагин. На его боевом пути находились Варшава, Лодзь, Кутно, Гнезно... 2 мая 1945 года он встретил в Берлине. Романтика Севера привела Сагина в заполярное Билибино. В музейной витрине среди личных вещей старшего сержанта находится и удостоверение № 242706 врученной ему медали «За освобождение Варшавы». Оставляю в музее красочный альбом с цветными фотографиями нашей современной столицы.

...Хозяйку тундры, первого секретаря Билибинского районного комитета партии Татьяну Малиновскую, встретил уже перед своим отлетом в аэропорту Кеппеве. Прилетела из Магадана. В нескольких словах

рассказала мне о ближайших планах развития поселка и всего района, обсуждение которых и задержало ее на несколько дней в областном центре. А планы, можно сказать, грандиозные: строительство второй очереди атомной электростанции, пуск золотодобывающего рудника «Каральвеем», модернизация станции «Орбита», наконец, реконструкция аэропорта.

Об этом говорит и начальник порта Марат Кузнечик. Вскоре начнут удлинять стартовую полосу. Все ближе день, когда благодаря трансконтинентальным рейсам расстояние от Чукотки до Москвы и других центров континента станет короче.

3. ХОЗЯЙКА ЗАПОЛЯРНОГО ДОМА

Чукотка — это автономный округ, равный по площади территории Франции и Великобритании вместе взятым (более семисот тридцати семи тысяч квадратных километров). Населяют ее представители нескольких десятков народов Страны Советов, в том числе малых народностей Севера: чукчи, эскимосы и эвены. Отличают их исключительные закаленность и трудолюбие и вместе с этим — чистосердечность, гостеприимность и доброта. Познавая законы природы, они относятся к ней с глубочайшим уважением и, оставаясь в симбиозе с природой, приспосабливают ее для своего блага.

Находясь в гостях на Чукотке, расположенной в девяти часовых поясах на восток от Москвы, я убедился, что это не клочок земли на пресловутом «краю света». Начавшаяся несколько лет тому назад реализация постановлений партии и Советского правительства о дальнейшем экономическом и социальном развитии районов, населенных народами Севера, все теснее связывает сегодня хозяйство и культуру этого автономного округа со всей Страной Советов, открывая одновременно перспективы его всестороннего развития.

Чукотка, подобно другим автономным республикам и округам, имеет свое пред-

ставительство на всех уровнях власти. Депутат Верховного Совета СССР председатель исполкома Чукотского окружного Совета народных депутатов Надежда Павлова Отке входит в состав высшего органа власти — Президиума Верховного Совета СССР. Трудно найти более убедительный довод значимости Чукотского автономного округа. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что начиная с 1937 года он постоянно представлен в Верховном Совете. И что характерно, на протяжении трех последних созывов представители Чукотки в советском парламенте — женщины. Это не случайно. Именно женщины, как я смог убедиться, занимают здесь многие из ответственных постов. Ибо кто лучше, чем они, способен на этой суровой северной земле создать условия для жизни и труда человека. И этот аргумент звучал убедительно, когда я посещал чукотскую школу, библиотеку или Дом культуры, был в гостях в удобных, просторных, теплых и хорошо освещенных квартирах. Ведь жители далекого Севера проводят в них большую часть своего времени. Заполярное лето здесь короткое, а зима длится десять месяцев.

Интересной была моя встреча с Надеждой Отке. Фамилия эта прочно вошла в историю Чукотской земли. Сорок лет тому назад отец моей собеседницы внес весомый вклад в хозяйственное и культурное развитие округа и его малых народностей. Имя Отке, потомка чукотских охотников, носит сегодня одна из центральных улиц Анадыря. Одна из его дочерей руководит окружным краеведческим музеем.

Надежду Павловну смело можно назвать хозяйкой заполярного дома. Издревле традиционным занятием его обитателей было разведение оленей и охота на морского зверя. Сегодня, благодаря открытиям геологов и современной технике, на первый план выдвинулась золотодобыча, а перспективы определяют атомная энергетика, воздушный транспорт и спутниковая связь.

НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

В чем проявляется забота об общественно-культурном развитии малых народностей Севера?

— По последним данным, — рассказывает Надежда Отке, — Чукотский автономный округ населяют почти тринадцать тысяч представителей малых народностей Крайнего Севера, в том числе более десяти тысяч чукчей, тысяча сто — эскимосов и около тысячи эвенов. Значительное улучшение жилищных (строительство стационарных поселений для ранее кочующих семей) и коммунальных (электрическое освещение и отопление, водопровод) условий полностью преобразило быт коренных жителей. В результате увеличилась рождаемость (в среднем на чукотскую семью приходится теперь трое детей), значительно возросла продолжительность жизни. Строительство торговых центров, организация детских яслей и садов, развитие образования и культуры изменяют условие и стиль жизни, формируют новую роль женщины.

Вместе с экономическими преобразованиями наступили разительные перемены и в области просвещения. Если вспомнить, что чукотский язык, так же, как и эскимосский, обрел свою собственную письменность лишь в тридцатых годах, лучше и полнее можно оценить достижения народного образования.

Занятия на чукотском языке проводятся сегодня в тридцати семи школах, главным образом в Анадырском, Чукотском, Провиденском и Билибинском районах. Однако пока лишь до четвертого класса включительно. Школьные занятия в старших классах из-за отсутствия программ и учебников, которые только сейчас составляются, а также учителей, продолжаются на русском языке.

Учительские кадры для школ, в которых преподавание ведется на чукотском и эскимосском языках, готовят педагогические институты в Ленинграде и Магадане. Осо-

бенные заслуги в этой области принадлежат Ленинградскому педагогическому институту имени Герцена.

В соответствии с проводимой в жизнь школьной реформой педагогическое училище в Анадыре начало подготовку воспитательниц детских садов и яслей для поселков с чукотским, эскимосским и эвенским населением.

Осязаемая забота и о подготовке национальных кадров с высшим образованием, особенно врачей, педагогов, работников культуры, ветеринаров. Для студентов с Чукотки ежегодно резервируется двести мест в высших учебных заведениях не только Дальнего Востока и Сибири, но также Москвы и Ленинграда. Другое дело, что не все молодые люди выдерживают европейский климат, привыкают к тесноте многомиллионных городов. Коренные чукчи, эскимосы или эвены, как правило, редко выбирают профессии инженера-горняка или энергетика, предпочитая более близкие чукотским традициям специальности.

ЧУКОТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Задаю своей собеседнице вопрос: «Какие она видит перспективы для своего «северного дома»? Какие наказы как депутат Верховного Совета получила от избирателей Чукотки?»

— То, чего уже достигла моя родная Чукотка, — ответила Надежда Павловна, — лучше всего иллюстрируют исторические перемены, происшедшие здесь даже на протяжении последних лет. Пройден путь от яранг кочевников и жирника до современных жилищ и энергии Билибинской атомной электростанции, от оленьих и собачьих упряжек до атомных ледоколов, проводящих караваны судов по Северному морскому пути, и трансконтинентальных реактивных лайнеров, приземляющихся в нескольких аэропортах округа, от полной негра-

мотности до собственного народного образования и литературы малых народностей Севера.

Наиболее насущные нужды видит Надежда Отке в области жилищного строительства и коммунального хозяйства, имеющих решающее значение в улучшении жизненных условий. Важнейшие наказы, полученные от избирателей, касаются строительства новой больницы в восточном поселке Провидения, Дома культуры в портовом Певеке и средней школы в чукотском поселке Кебервеем. Это лучшая иллюстрация современных проблем жителей так называемого «Края света».

АРКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЮНЕСКО

Суровость и романтику далекой Чукотки, труд обитателей этого полярного края славит сегодня на весь мир молодая чукотская литература. На съезде советских писателей в Москве я встретил Юрия Рытхэу, первого в истории Чукотки профессионального писателя. Живет он, правда, теперь в Ленинграде, ближе к научным организациям, занимающимся историей, культурой, языком и литературой народов Севера. Тем не менее душой и своим творчеством навсегда связан со своей родной Чукоткой. Я убедился, что его хорошо знают и ценят жители Чукотки. Прав был также и сам Юрий Рытхэу, когда во время московской встречи с журналистами шуточно заметил, что он единственный, пожалуй, писатель в мире, который знает, что думает и чувствует весь его народ.

— Чукотская литература является, без сомнения, еще одним свидетельством развития культуры народов Севера в Стране Советов, — утверждает писатель. — Не численность данной народности, а создаваемые ей условия рождают культурные ценности. Нельзя поэтому говорить об отсталости народов Севера, как это было недавно на

конгрессе в Копенгагене, где приводился пример гренландских эскимосов, которых... в три раза больше, чем чукчей.

Юрий Рытхэу активно участвует в «Арктической программе ЮНЕСКО», цель которой — изучение культуры и языков народов Севера, сбор фольклорного материала, охрана северной природы. Программа была разработана в 1981 году в Париже на встрече представителей коренных народностей Севера из Советского Союза, Аляски, Канады, Гренландии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Чукотский писатель — координатор этой программы от советской стороны.

Юрий Рытхэу работает над историческим произведением — двухтомной книгой «Люди Севера о себе». Войдут в нее очерки,

посвященные истории и современности северных народов, их хозяйства и культуры, а также прозаические произведения и поэзия. В соответствии с решением ЮНЕСКО книга выйдет на русском, английском, французском и немецком языках, а также на трех языках народов Севера: чукотском, эскимосском и саамском. Параллельно заканчивает работу над сценарием многосерийного документального фильма, посвященного жителям дальнего Севера нашей планеты. Достойное место занимают в их семье малые народности советского Севера, в том числе коренные жители граничащей с Аляской Чукотки.

*Перевод с польского
С. КИТОВСКОГО*

Мирослав
ТУЛЕЯ

Конец лета на «краю света»

Мирослав ТУЛЕЯ. Словацкий журналист. Заместитель главного редактора журнала «Свет социализма», издающегося в Братиславе. Материал опубликован в этом журнале в 1986 году.

Край света — что это, конец или начало? Как посмотреть. Но в любом случае Уэлен — самый восточный населенный пункт Евразии. А Евразия — самая обширная, самая богатая и самая сложная часть суши на нашей планете. Та часть суши, которую считают колыбелью мировой цивилизации. Часть суши, где в минувшие тысячелетия возникли мировые открытия, мировые эпосы и романы, мировые произведения искусства и, наряду с тысячами малых, две мировые войны... На этой части суши говорят на всех языках мира и проживает большая часть человечества.

Я стою на берегу Чукотского моря и наблюдаю за мальчиком, который кидает в море камешки. Он и не подозревает, что тем самым уменьшает Евразию — самую обширную, самую богатую и самую сложную часть суши на нашей планете...

Над лагуной летит стая диких гусей. С земли их тоскливо провожают глазами эскимосские собаки. Кажется, что если бы не цепи, жизнью они вполне довольны. Собачьи глаза горят откровенным любопытством. Двадцать незнакомых людей — это для них, должно быть, необычное представление. Мы проходим мимо них с Келулькутом, и это гарантирует нашу безопасность. Но как быть с комарами?! Тем нет дела до нашей безопасности. Налетают

справа, палетают слева. Нападают сверху, снизу, спереди, сзади. «Чертово племя! Подлые паразиты, негодяи, кровопийцы! — ругался я и хлопал руками куда попало. — Черт бы вас побрал!» Но на самом деле я проклинал комаров молча. Среди чукчей и эскимосов мои слова прозвучали бы слишком резко и чуждо. Они настолько вежливы, что в их языках ругательств попросту нет. Самое оскорбительное, что они могут сказать: «Ты плохой человек». По-чукотски это звучит как «меркичкыргын», а по-эскимосски «сьюхлюрал». Комары — эти подлые кровопийцы — превратили прекрасный день в настоящий ад.

К счастью, через минуту подул ветер, и тучи комаров как будто чуть-чуть утихомирились. А потом им и вовсе пришлось от меня отступить. Потому что заведующая местной библиотекой пожертвовала мне накомарник. Я надел его на голову, и комары потеряли последний шанс... Правда, мои коллеги уверяли, что в таком виде я очень напоминаю бандита, собирающегося ограбить банк.

В Уэлене никакого банка нет. Уэлен — это узкая полоска земли, втиснутая между лагуной и морем. Уэлен — это одна-единственная улица, совхоз, занимающийся промыслом морских животных, школа, склады, библиотека, клуб, магазин, почта, пограничный пост, метеорологическая станция, маяк и мастерская художественной резьбы по кости.

ОХОТНИК И РЕЗЧИК

Это в Уэлене самые престижные профессии. Охотник должен быть ловким и сильным, а резчик обладать фантазией и вкусом. В Уэлене, как правило, охотники являются и резчиками, а резчики — охотниками. И точно так же охотники — музыкантами, а музыканты — охотниками. Ритм эскимосских песен напоминает биение сердца. Потому что охота на моржей и тюленей нередко превращается в битву не на жизнь, а на смерть...

Даже у самого искусного резчика в груди бьется сердце охотника. С началом лета многие ходят на работу с ружьями. Увидят в окно стаю уток, хватают ружья и несутся к лагуне. Звучат выстрелы, и вечером многие резчики возвращаются домой с добычей. Там, за окном, их мир — их суровый край с неистовыми холодными ветрами, коротким летом, бурным свинцовым морем, крутыми скалами. Все это находит отражение в работах местных художников.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

Уэленская мастерская резьбы возникла в 1931 году, постепенно в ней стали работать самые лучшие мастера не только из близлежащих поселков, но и со всей Чукотки. Так Уэлен стал своеобразным центром чукотско-эскимосского искусства. При мастерской был создан художественный фонд, где за последние четыре десятилетия собрали более чем две тысячи уникальных работ самых лучших мастеров.

— Сейчас происходит смена поколений, — говорит директор предприятия Станислав Денисенко. — На предприятии работает сто тридцать четыре человека, еще пятьдесят резчиков и швей работают на дому. Во многих поселках района у нас есть свои филиалы.

Я остановился возле симпатичной чукчанки Лили Гемауге. Она как раз работала над собственной свободной композицией на моржовом клыке. Особым инструментом, который по-чукотски называется «вагильхин», а мне напоминает стамеску, она носит контуры будущего произведения.

Я слежу за ее чуткими пальцами.

— Что типично для вашего национального народного искусства? — спрашиваю у девушки.

— Посмотрите, у фигурок нет индивидуального выражения лица. Настроение людей выражено их позами и движениями. И всегда это коллектив людей. Потому что

только все вместе они могут победить суровую природу.

— Кто научил вас вашему искусству?

— Дедушка и мама. Мой дедушка — народный художник, он резчик. И мама — замечательная художница. Их работы находятся в нашем художественном фонде.

— Чем отличаются ваши рисунки от рисунков ваших предков?

— Вероятно, тем, что предки всё, что рисовали, видели и испытывали сами, — размышляла Лиля. — Меня же не брали ни на охоту на моржей, ни в тундру к оленям. Жизнь изменилась, я уже ходила в детский сад. Когда-то Уэлен состоял из сплошных яранг, сегодня такого жилища вы здесь не найдете.

Яранга... А в самом деле, где же стояла яранга дядюшки Кмоля?

Пять лет назад я встретил в Анадыре уроженца Уэлена — сегодня знаменитого писателя Юрия Рытхэу. В Уэлен мы тогда не попали из-за плохой погоды, которая стоит на Чукотском море большую часть года. Помню, Юрий Рытхэу вытащил из картонной папки пожелтевшую фотографию и показал мне.

— Так выглядел Уэлен за пять лет до того, как родился я. Вот это яранга моего дяди, у которого я, сирота, воспитывался. Дядюшка Кмоль в те годы был самым удачливым охотником в поселке, — рассказывал Юрий Рытхэу. — Его жена, тетя Рытлырчин, всякий раз встречала его с баночкой воды. Она поливала морды убитых животных, а остатки воды подавала дяде. Тот увлажнял пересохшие губы, а то, что не выпил, выплескивал в сторону моря. Часто случалось, что только дядя приносил добычу, а другие мужчины в поселок возвращались с пустыми руками. Но всегда он делил свою добычу со всеми. Ему никогда и в голову не пришло бы спрятать мясо. Однажды он сказал мне: «Самый большой грех нажираться тайком, когда другие голодают».

На фотографии 1926 года, которую мне показывал Юрий Рытхэу, в Уэлене — сплошные яранги. И только одно деревянное здание — школа... Напрасно я пытался потом найти хотя бы столб, напоминавший мне поселок на фотографии. Сегодняшний Уэлен и тот, что был шестьдесят лет назад, имеют только одно общее — название...

ЧТО НУЖНО УСКОРИТЬ В УЭЛЕНЕ?

На первый взгляд, казалось бы, в самом дальнем от Москвы населенном пункте должны быть иные проблемы, чем перестройка и интенсификация... Но когда я беседовал с секретарем местной партийной организации и председателем местного Совета, понял, что перестройка — это дело не только Москвы, Ленинграда или Хабаровска. Меня, например, удивила социальная программа. В этой пятилетке предстоит построить в Уэлене водолечебницу. В экономической области сосредоточить усилия на развитии оленеводства, клеточном разведении ценных пушных животных — песцов. И на художественной обработке кости. Жители Уэлена хотят послать в вузы Москвы и Ленинграда своих студентов, представителей малых народностей Севера, которые большой интерес проявляют к педагогике.

ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ

Чукчи и эскимосы живут в тесной гармонии с природой. Здесь, например, никогда не добывают моржей и тюленей больше, чем нужно. У морских животных используется буквально все: остатки мяса, которые люди не съедят сами, идут на корм песцам на фермах. Местные жители с давних времен отличались удивительной предприимчивостью. Это было частью их своеобразной полярной культуры. Из костей китов, например, делали каркас яранги, из толстых костей челюсти кита строили боковые и центральные опоры яранги. Кости черепа и позвонки годились для пола. Моржовая шкура шла на обтяжку

байдары — легкой рыбацкой лодки, а также на мешки, в которых переправляли мясо. Из моржовых кишок шили непромокаемую одежду с капюшоном (такая одежда предохраняла сидящего в лодке охотника от холодных морских волн); желудок и мочевого пузыря использовали для хранения жира, а кроме того делали из них бубны. Из надутой тюленей шкуры до сего дня делают полавки (пыхпыхи), при помощи которых добычу удерживают на плаву.

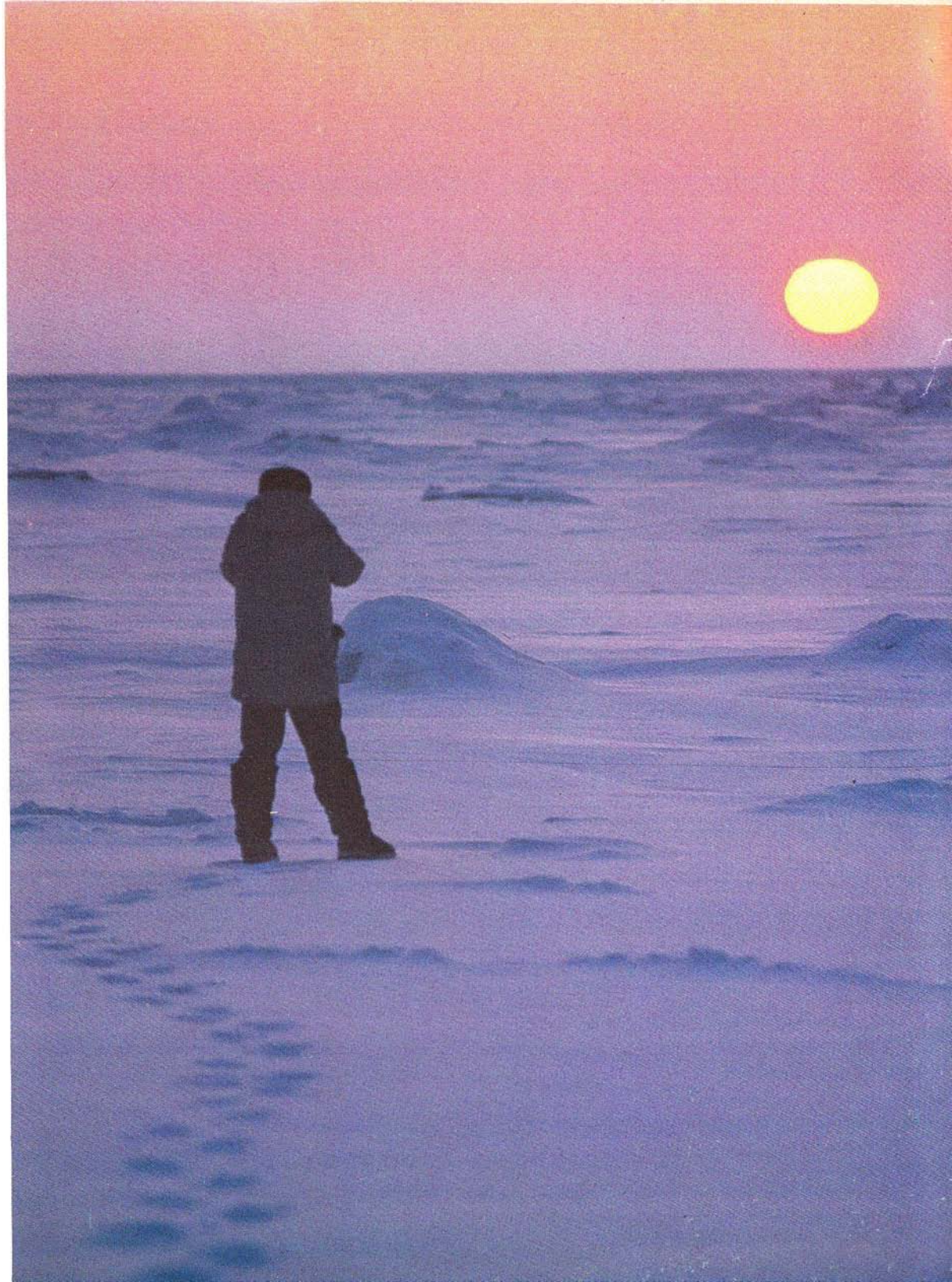
Во время одной из недавних зим чукотские охотники по-рыцарски — в жестокий мороз — помогли двухтысячному стаду дельфинов, издавна живущих в северных морях.

Белым дельфинам необходимо открытое водное пространство. Без него они выдерживают три, максимум пятнадцать минут — им нужно вдохнуть воздуха. Дельфины собрались в Сенявинском проливе а тем временем началась буря, и оба конца мелководного пролива оказались заблокированы льдами. Пока на помощь дельфинам не пришел ледокол «Москва», охотники долбили проруби в льдах и подкармливали дельфинов. В результате огромных усилий дельфинов удалось вывести в открытое море.

Я стою на берегу Чукотского моря и наблюдаю за мальчиком, который кидает в море камешки. Он, наверное, и не предполагает, что в эти минуты уменьшает Евразию, самую обширную, самую богатую и самую сложную часть суши на планете...

В тридцати пяти километрах на восток от Уэлена посередине Берингова пролива находится международный часовой пояс. Если кто-нибудь захочет на нем станцевать вприсядку, будет оказываться всякий раз то в «завтра», то во «вчера». В нескольких милях от берега Уэлена бросил якорь теплоход. Он привез в поселок новые запасы. На завтрашний день.

Перевод со словацкого Н. ВАСИЛЬЕВОЙ

На этой земле с бездорожьем, голыми сопками и редколесной тайгой, когда температура достигает 60° мороза и дуют ветры со скоростью 40 метров в секунду, несмотря на все сложности природы, живут и трудятся люди. Зачем же они сюда стремятся?

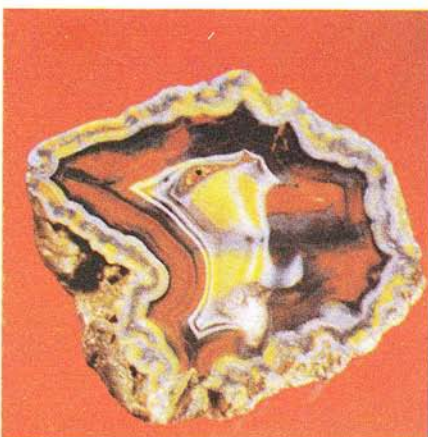
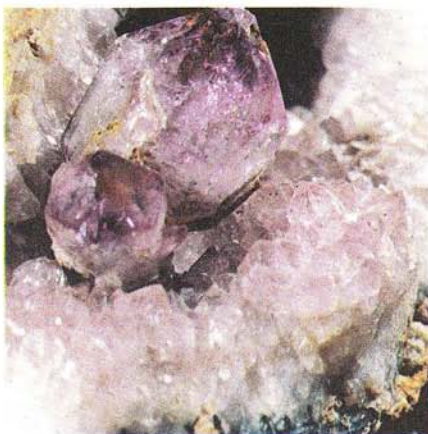
*Харальд
Хамрин*

Земля чудесной
красоты...

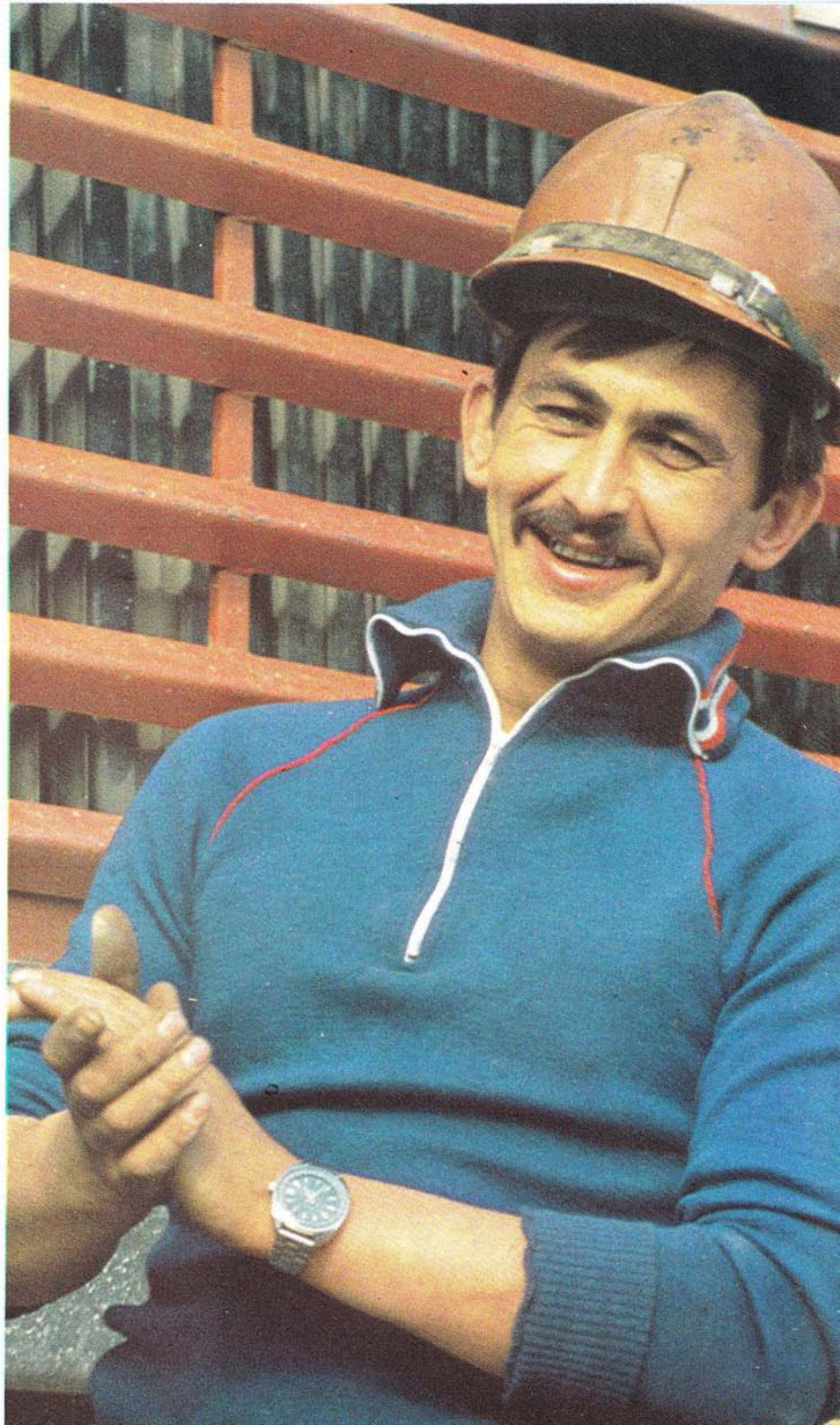
Харальд
Хамрин

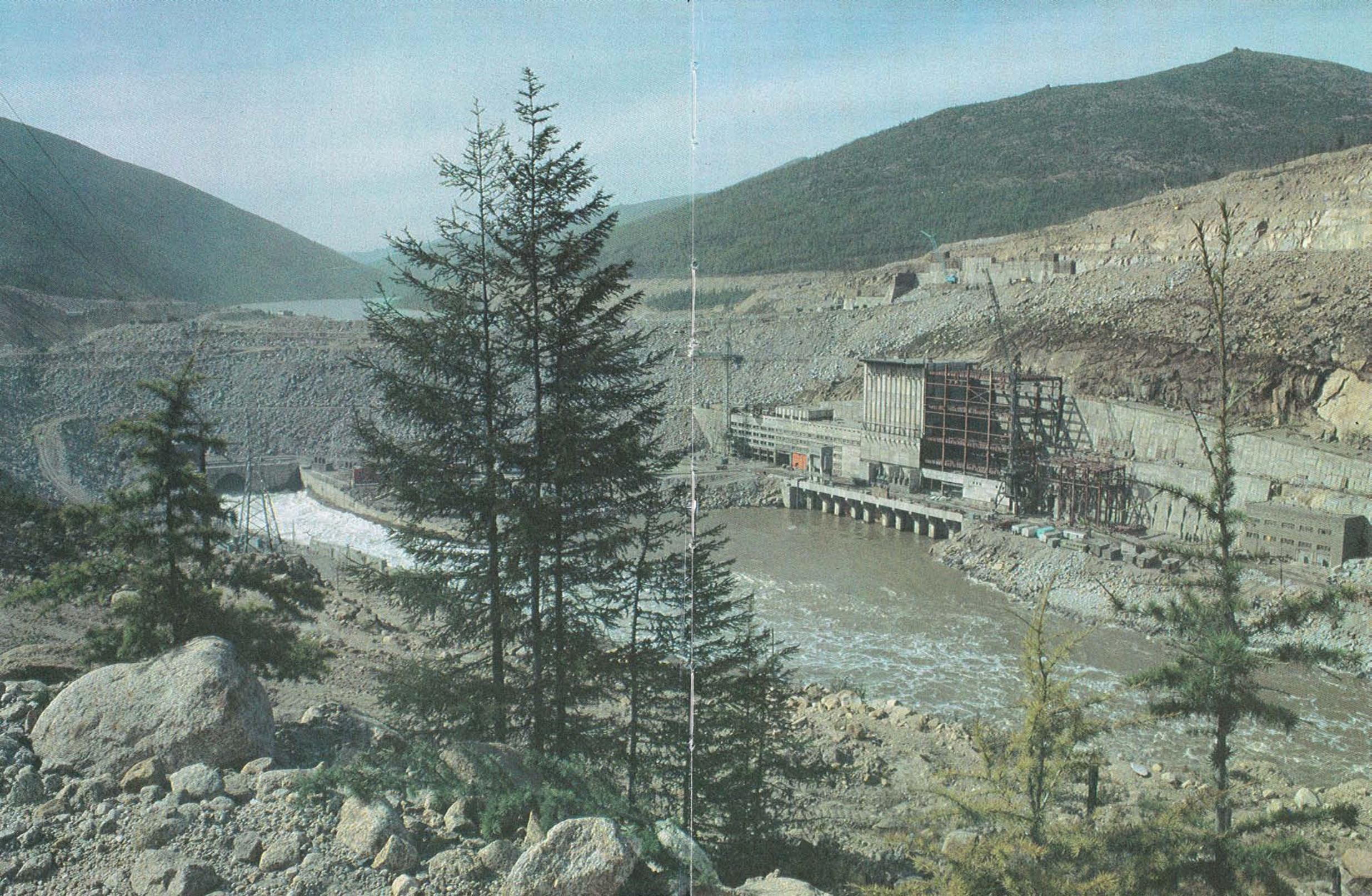

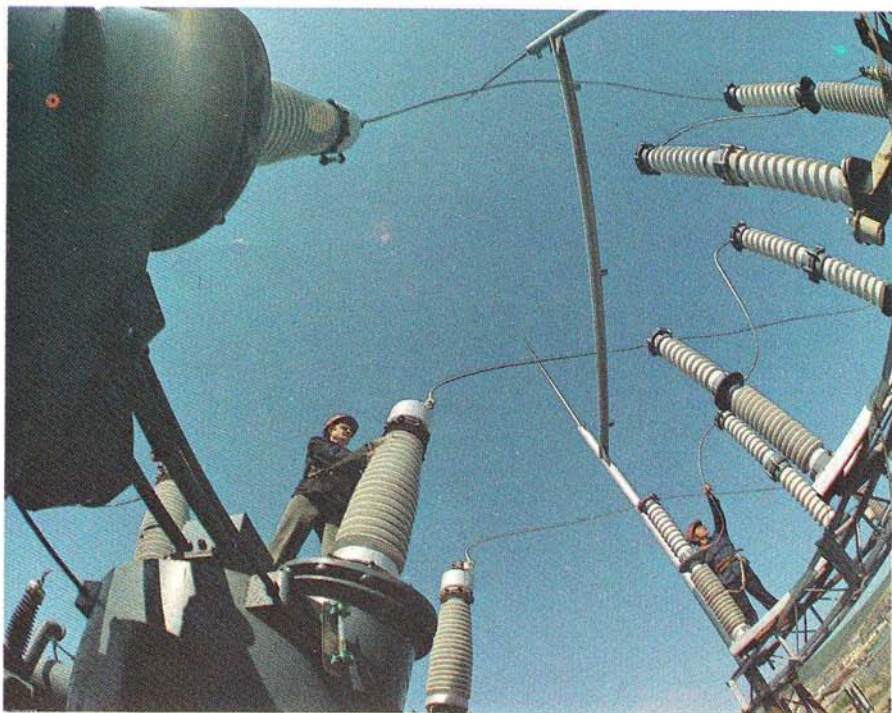

Много, много
золота... Добывают
его десятки
присков,
разбросанных по
всей Чукотке.

*Вальдемар
Мицкевич*

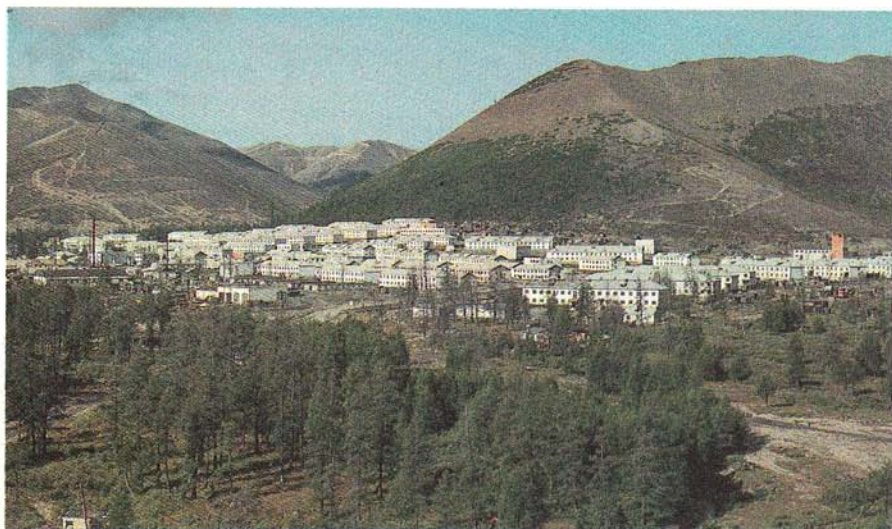

После того как мы облачились во все белое — халаты, колпаки, тапочки, — я спросил, где мне следует оставить фотоаппарат. К моему удивлению, мне сказали, что можно фотографировать. Здесь не делают особого секрета от экскурсантов.

*Эрих
Файхтингер*

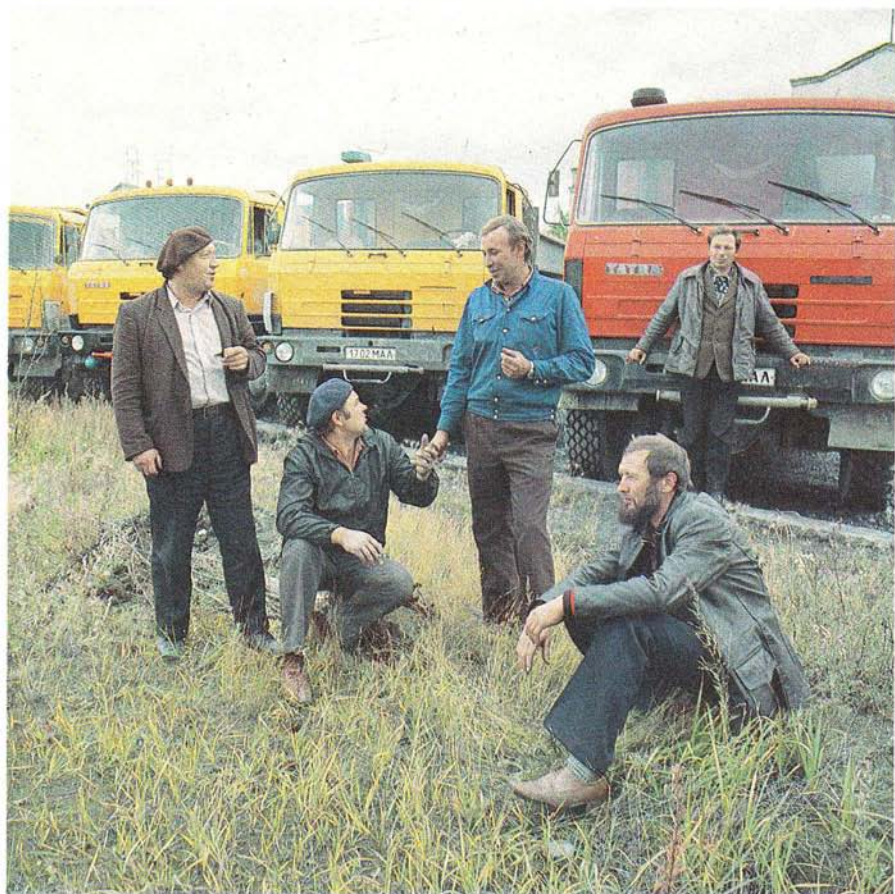

...Здесь фантастически красиво. Огромнейшее пространство нетронутой природы.

Вейкко Кетели

Краем, непригодным для человека, называли эти места... Сегодня эти слова вызывают у северян лишь улыбку. Действительно, Север разительно изменился.

Владимир Дивиш

Как закалить «Татру»?.. В этих малообжитых местах умеют ценить хорошие машины. Начиная с 1948 года из чешского города Конршинице в Магаданскую область направлено свыше тысячи грузовых автомобилей.

Владимир Дивиш

Никогда бы раньше не поверил, что водителя грузовика где-нибудь в Магаданской области можно назвать героем. После поездки — поверил.

Софоклис Янни Софокли

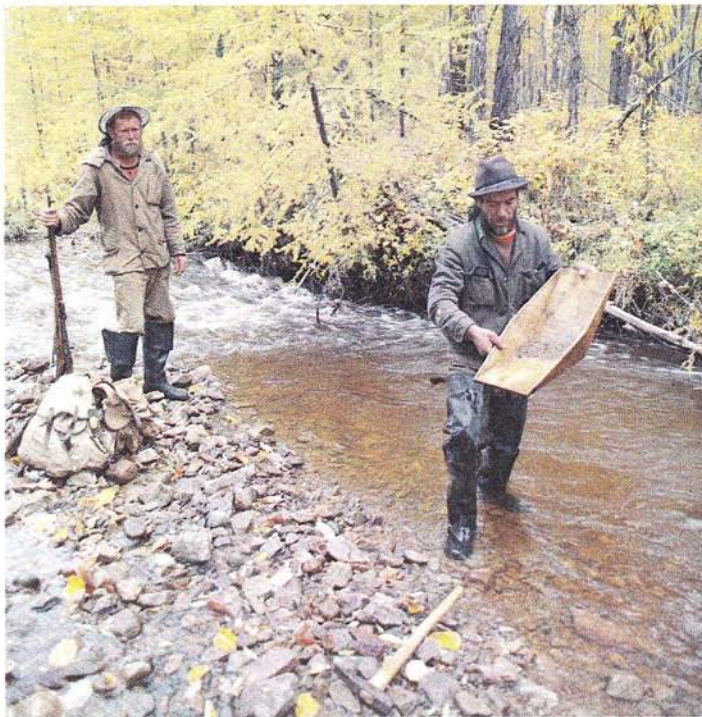

Очень трудно описать, что я почувствовал, оказавшись на просторе замерзшего океана на современном ледоколе... Слышу хруст льда, отступающего перед силой советского человека, подчиняющего океан, и думаю: «Сколько еще чудес мог бы совершить человек, если бы не тратились миллиарды на производство оружия...»

*Софоклис Янни
Софокли*

Эрих
ФАЙХТИНГЕР

Дорогами Северо-Востока

Эрих ФАЙХТИНГЕР. Работал московским корреспондентом австрийской газеты «Фольксштимме». Материал опубликован в газете в 1985 году.

ВО ЛЬДАХ ОХОТСКОГО МОРЯ

...Комфортабельный и высокоскоростной авиалайнер Ил-62 стрелой взмывает в голубое столичное небо, набирает нужную высоту и ложится курсом Москва — Магадан.

За семь часов полета по-настоящему начинаешь ощущать, сколь велико расстояние, отделяющее оба города друг от друга. Восьмичасовая разница поясного времени слегка утомляет пассажиров, но в аэропорту Магадана всех нас сразу освежает милый голос стюардессы: «Температура воздуха за бортом самолета — минус двадцать пять градусов».

И, едва ступив на трап, мы моментально чувствуем это. Север есть Север.

Поскольку наше путешествие по Магаданской области предполагало быть довольно продолжительным, я еще в Москве предусмотрительно запасся различными таблетками — аспирином, карболеном. Так, на всякий случай. Вдруг заболит голова или простудишься (не мудрено для Заполярья).

Но все эти мои мелкие тревоги — сущий пустяк по сравнению с тем, что пришлось испытать в январе 1985 года пятнадцатилетнему магаданцу Андрею Лысенко. Нам рассказали эту удивительную историю, едва не окончившуюся трагически.

...Во время одного дорожно-транспортного происшествия случилось так, что Андрей потерял ногу. Пострадавшего срочно доставили в городскую больницу, где ангажированный врач препарировал конечность и подготовил Лысенко к хирургической операции. О несчастье тотчас же сообщили по телефону в одну из специальных московских больниц.

Было это в глубокую полночь, и, к сожалению, в аэропорту Магадана не оказалось ни одного самолета, готового совершить беспосадочный перелет в столицу. И все же через двадцать часов окружными путями, с промежуточными посадками Андрея удалось доставить в Москву. И там профессор Степанов продемонстрировал небольшое медицинское «чудо» — пришел конечность на прежнее место.

Да, это чудо стало возможным благодаря тому, что магаданские медики сумели высококвалифицированно провести подготовительную работу. Неоценимую роль, конечно, сыграл холод, который сразу же, с момента аварии, заморозил конечность. Вот он, тот редкий случай, когда магаданцы морозу были искренне рады.

Во всех же других случаях он, как правило, доставляет лишь одни хлопоты.

* * *

Наше знакомство с делами и людьми области началось с плавания по Охотскому морю. Огромный интерес вызвало у нас посещение линейного ледокола «Капитан Хлебников».

Надо сказать, что Магаданский морской торговый порт («морские ворота» Крайнего Северо-Востока) имеет чрезвычайно важное значение в жизни северян. Сюда идут многочисленные караваны транспортных судов с различными народнохозяйственными грузами на борту.

Но сами они не могут пробиться сквозь ледовые преграды, блокирующие подход к берегам, и встречать суда выходит мощная ледокольная флотилия. В Магадане эту

сложную работу выполнял экипаж ледокола «Капитан Хлебников».

За двести сорок миль от Магаданского порта встречал он грузовые суда. Нелегко пробить свободный выход в открытое море. Иной раз и самый сильный ледовый «таран» не в состоянии покорить нагромождения айсбергов и пакового льда. Экономичнее всего, конечно, выбирать в этой ледовой пустыне места, где толщина ледяного покрова минимальная. Поиск и разведкой таких проходов заняты авиаторы, в распоряжении которых на «Капитане Хлебникове» юркий вертолет-малютка Ми-2. С воздуха на нем осуществляют сбор необходимых данных, которые затем передаются морякам. А те в свою очередь наносят их на ледовую карту и таким образом прокладывают свой оптимальный маршрут. Когда ледовая обстановка полностью проясняется, можно двигаться в путь.

К сожалению, плавание на ледоколе меня в некоторой степени даже разочаровало. Ведь я, будучи полным дилетантом в морском деле, ожидал «прочувствовать» на море головокружительную качку, грохочущую тряску. Но ничего этого не было. Впереди простиралось сплошное ледяное белоснежное поле, и «Капитан Хлебников» преспокойно проламывал броню льда, крушил преграды и ровно шел в открытое море. Ни тряски, ни качки. Лишь слегка вибрировал пол на капитанском мостике. Как пояснили мне моряки, это собственная вибрация судна, вызванная работой моторов.

А жизнь между тем здесь шла своим чередом. Моряки парились в сауне, играли в настольный теннис... Но особенно меня поразило то, что на «Капитане Хлебникове» были и представители слабого пола. В кают-компании я неожиданно увидел молодую девушку!

Звали ее Викторией. Ей двадцать один год, приехала с Украины. Море, по ее словам, это прежде всего романтика.

— Знаете, так интересно, когда зимой вокруг ледокола бегают маленькие белые медвежата,— весело рассказывает Виктория.— Нас на борту корабля восемь девушек. Нравится ли мужское общество? Вполне. Восьмого марта, например, моряки сами стирали, готовили обед, сервировали стол...

Возможно, когда-нибудь курс во льдах северных морей «Капитану Хлебникову» будет прокладывать морской офицер-женщина, которая не уступит в бесстрашии и храбрости мужчине...

Прошло несколько дней, и мне вновь довелось побывать на море. Только теперь уже не на ледоколе, а на автомобиле. Сначала мы проехали по замерзшему водному полю на автобусе, а потом продолжили путь на милицейском «уазике». Вдали от берега встретили рыбаков-любителей. Подледный лов — это зимнее увлечение многих магаданцев — и юных, и старых.

Большими бурами они просверливают в толще льда лунки и забрасывают потом туда на леске крючки с приманкой. Рыбалка в воскресный день — отличный отдых для северян.

НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

Многоместный автобус «Турист» мягко катит по заснеженной дороге, ведущей из аэропорта Кепервеем в Билибино. В окно вижу, как по зимнику, проходящему вдоль главной автомагистрали, мчит с огромной скоростью гусеничный вездеход. За ним клубится вихрем снежная пыль. Такой технике никакая преграда не помеха...

Впереди показывается мост через речку. Водитель крутит руль, мы сворачиваем с дороги и едем по замерзшему руслу реки. Как пояснили нам, автомобилисты попросту берегут в зимнее время это сооружение, вот и сделали объезд. В этом тоже видится хозяйская рука северян.

Разные дороги ведут в Билибино. Вот

эта, по которой мы едем, — по суше. А из Магадана сюда можно добраться только на самолете. В Кемерове нас доставил надежный Ан-24. Когда вылетели из Магадана, прогноз погоды дали хороший, так что мне не пришлось поволноваться из-за воздушной качки. К тому же за штурвалом, как мы узнали, был один из самых опытных летчиков Заполярья, командир эскадрильи Геннадий Гильдеев.

На Севере он летает четырнадцать лет, а его трудовой стаж авиатора насчитывает уже тридцать четыре года. За это время Геннадий налетал в общей сложности пять миллионов километров!

За три часа полета удалось побеседовать со штурманом экипажа Ан-24 Нестором Тихоновым. Скромно, без похвалы и восторга, воздушный навигатор поведал любопытному гостю о своей трудной, но такой интересной и важной работе. Здесь, на Крайнем Северо-Востоке, часто свирепствуют снежные пурги и бури. Иной раз скорость ветра более пятидесяти метров в секунду. Нередко погода ухудшается настолько, что видимость составляет всего двести метров. Да, летать в этом небе непросто. Однако опытный штурман не стал вспоминать об опасных ситуациях, а решил рассказать нам об одном интересном полете, который совершил в 1972 году на Камчатке. Тогда он с группой геологов кружил на самолете над самым жерлом кратера действующего вулкана, извергавшего огненную лаву. В это время ученые-исследователи снимали извержение кинокамерами. Удивительное зрелище!

До работы на местных авиалиниях Нестор Тихонов занимался разведкой ледовой обстановки на морях. Летчики определяли плотность, структуру, толщину ледового покрова, его состояние на маршрутах морских судов и затем передавали полученные сведения морякам.

— Делалось это так, — рассказывает Тихонов. — Все данные мы наносили на карту,

потом помещали ее в герметическую капсулу и сбрасывали с самолета на палубу корабля. Правда, иногда эта капсула не попадала в цель и ее относило в сторону. А один раз, уж и не помню, на каком корабле, ее долго-предолго искали и уже разочаровались найти. Пока не обнаружилось, что мы забросили капсулу прямо... в дымовую трубу!

...Недолго путь из Магадана до Сеймчана. И посадка в здешнем аэропорту еще раз напоминает нам, в каком далеком крае мы находимся.

Впечатляет здание местного аэропорта — деревянное, с красивыми резными украшениями. Во дворике — памятник боевым летчикам Заполярья, выполнявшим здесь задания в годы второй мировой войны...

К аэровокзалу подкатил грузовик. Радиатор утеплен войлоком, а передние и задние стекла кабины водителя — двойные, закрепленные пластилиновыми жгутами-вульстами. Автомобили зачастую поступают сюда в обычном исполнении, не предусмотренном для Севера. Но, зная, заполярные автомобилисты горазды на выдумку, изобретают всевозможные способы увеличить надежность и безопасность эксплуатации техники в зимний период.

Автомобиль на Крайнем Северо-Востоке, в частности в Магаданской области — один из основных видов транспорта. На здешней территории, где вполне могли бы разместиться Франция, Испания и Греция, вместе взятые, пока нет железнодорожной магистрали. Но до конца нынешнего столетия намечено проложить такую дорогу от БАМа до Якутии, а оттуда в Магадан ведет автомобильная трасса. Ее протяженность — две тысячи километров, и в течение ближайших десяти — пятнадцати лет ее решено реконструировать. Многие говорят и о возможности строительства на рубеже XX и XXI веков железной дороги из Якутска до Магадана.

Сейчас же вынуждены пользоваться авто-

мобильными дорогами. Северяне бережно хранят историю строительства Колымской трассы, которая связывает областной центр со многими поселками области. Эта дорога очень сложна, и не всегда по ней можно проехать. Особенно когда метут пурги.

Да, суровый Север нередко преподносит свои коварные сюрпризы. Но, несмотря ни на что, днем и ночью, в любую непогоду движутся по трассе колонны автомашин, за рулем которых — мужественные и смелые советские парни.

АТОМНОЕ СОЛНЦЕ ЧУКОТКИ

...Молодая работница тепличного комбината срывает с куста огурец, отрезает дольку и подает: «Отведайте...»

Каков на вкус этот свежий овощ, я еще не успел позабыть после московской зимы, но все-таки с удовольствием попробовал. Ведь как-никак — это не просто обыкновенный хрустящий плод, а своего рода уникальный «атомный» экземпляр.

Билибинцы совсем недавно начали выращивать огурцы, помидоры и другую зелень на грядках этого комбината. Казалось бы, ничего особенного в этом нет. Разве только то, что сооружена теплица на вечной мерзлоте и обогревается, освещается энергией атомной электростанции.

В свое время Билибинская АЭС строилась, конечно же, не для того, чтобы разводить «огороды под стеклянной крышей». Ее главное предназначение — обеспечить электроэнергией промышленные предприятия, и в первую очередь прииски, которые заняты добычей драгоценного металла.

С тех пор, как в этом регионе были открыты богатые месторождения золота, в корне изменился облик тундры: на многие сотни километров протянулись линии электропередач, выросли горячие поселки, обновились центральные усадьбы оленеводческих совхозов.

Лет десять — пятнадцать назад потребление электроэнергии было здесь незначительным, и нужда в ней легко покрывалась сорока двумя дизельными генераторами, а двадцать восемь котельных обеспечивали тепло.

Но все эти энергетические источники сильно загрязняли воздух, над Билибино стояли облака копоти и чада. К тому же для их эксплуатации требовалось много топлива — более ста шестидесяти тысяч тонн в год!

Сколько трудностей доставил бы только один его завоз сюда! Дороги, ведущие к побережью Восточно-Сибирского моря, к морпортам Зеленый Мыс и Певек, действуют только зимой, когда тундра полностью замерзает. За этот период нужно успеть завезти не только горючее, но и продовольствие, другие грузы.

Решение о строительстве в Билибино атомной электростанции поэтому было не случайным. Она экономична в эксплуатации, не загрязняет окружающую среду.

Сложностей у строителей было немало. Грунт здесь промерзает на значительную глубину, а летом оттаивают только верхние слои почвы. К тому времени в стране был уже накоплен некоторый опыт промышленного строительства в зоне вечной мерзлоты. Для начала выбрали подходящее место для «атомки», как ее ласково называют северяне. В скальном основании, взорвав грунт, подготовили котлован под фундамент и затем приступили к монтажу. Для максимальной защиты предусмотрели надежную сейсмостойкость сооружения, которая определяется в восемь баллов.

И с тех пор АЭС прочно стоит там, где ее воздвигли. И никаких критических ситуаций!

Каждый из трех атомных реакторов мощностью по двенадцать мегаватт питает токком линии электропередач, идущие к селам и поселкам Чукотки, а четвертый блок обеспечивает районный центр горячей во-

дой. И билибинцам не страшен даже шестидесятиградусный мороз. В их домах всегда тепло.

Очень интересной оказалась экскурсия по «атомке». Обратили на себя внимание многочисленные инструкции по технике безопасности. И эти меры предосторожности здесь неукоснительно соблюдаются.

После того как мы облачились во все белое — халаты, колпаки, тапочки, — я спросил, где мне следует оставить фотоаппарат. К моему удивлению, на АЭС, мне сказали, можно фотографировать. Здесь не делают особого секрета от экскурсантов.

И все-таки те самые инструкции и предписания по безопасности главным образом больше обеспокоили меня, нежели успокоили. Поскольку в ядерной энергетике я пол-

ный профан, то по-настоящему обрадовался, когда на счетчике Гейгера загорелся зеленый свет. Вышел-таки необлученным!

Так я думал от великого страха перед этой невидимой формой энергии. Да, если ты рядовой человек, а не специалист в этой области, в твоей голове обязательно нет-нет да и зашевелится мысль об опасности. И не удивительно — все же это энергия атома!

Итак, Билибинская «атомка» — самый удачный вариант надежного энергетического обеспечения края. Она позволяет успешно развивать здешнюю экономику, повышать уровень комфортности повседневной жизни северян. «Атомное солнце» Заполярья — в опытных руках.

*Перевод с немецкого
В. ДЗИРКАЛА*

Гизела
РЕЛЛЕР

Репортаж с «краешка земли»

Гизела РЕЛЛЕР. Журналистка из ГДР. «Репортаж...» опубликован в журнале «Фрайе Вельт» в 1981 году.

ЧУКЧИ — КТО ОНИ?

Внешний вид и характер кочующих чукчей (имеются в виду оленные жители тундры в противоположность оседлым, прибрежным) так описаны в географическом справочнике издательства «Вельхаген и Клазинг» (1882 г.):

«Низкорослые, с узкими невыразительными глазами. По характеру угрюмы, мрачны и замкнуты. Создается впечатление, будто их духовное и физическое развитие было загорможено самой природой — суровым климатом, извечным недоеданием.

Далекие от каких-либо радостей и наслаждений жизни, они влачат жалкое существование в убийственном однообразии серых будней...

Кровообращение у чукчей — замедленное, сердцебиение — слабое, чувство обоняния почти совсем заглушено.

«Низкорослые»?

А вот Георг Кеннан был иного мнения. В 1867 году он писал: «Многие кочующие чукчи, которых мне доводилось видеть, — весьма крупные и сильные мужчины».

«Узкие невыразительные глаза»?

Густав А. Риттер в 1900 году характеризовал их так: «У местных жителей — довольно большие глаза. Взгляд — широкий, открытый...»

«Замкнуты»?

Вот какими представляются чукчи по описанию А. Э. Фрайхерра: «Они общительны, обладают ярко выраженным художественным вкусом, их поведение — гордое, внешний вид — приятен».

Добавим к этому еще несколько высказываний.

Бонифаций Платц. «Народы земли» (1910 г.): «Чукчи очень способны к обучению. Они настолько гостеприимны и радушны, что выставят гостю на стол последние запасы продуктов».

Из книги «О странах», издательства «Меркур» (1900 г.): «У чукчей есть все-таки веселые развлечения — борьба, состязания по бегу, езда на оленьих упряжках».

Все это как-то не очень согласуется с тем, что, дескать, представители этой малой народности «влачили жалкое существование в убийственном однообразии серых будней».

* * *

Нам, журналистам из ГДР, повезло побывать в современной яранге оленеводов.

— ...Етти! Етти! — приветливо встречают нас пастухи. («Етти» — дословно: ты пришел!).

— И-и! И-и! (Да, да!) — говорим и мы в ответ, выходя из вертолета. Незадолго до встречи мы успели усвоить такое непростое приветствие тундровиков.

Нас сразу же приглашают в ярангу. Она представляет собой куполообразную палатку, какими обычно пользуются пастухи, окарауливающие стада оленей вдали от центральных усадеб.

Внутри нее, как нам показалось на первый взгляд, царил полнейший хаос: в одном углу — гора еще не обработанных оленьих шкур, в другом — груды приготовленного для копчения мяса. Тут — сырые

оленьи легкие и множество сушеной рыбы (корм для оленегонных и ездовых собак), там — мясо на ужин.

У входа в ярангу — открытая печь. На ней — почерневший от сажи и копоти котелок с кипящей водой. Запах, конечно...

На веревках сушатся сухожилия. Ими тундровики шьют горбаса (зимние сапоги) и одежду. Видны шкуры, выделанные для этой цели.

На стенах висят мешки из оленьей кожи. В них хранятся продукты.

— Этот «натюрморт» непривычен только для глаз европейца, — улыбаясь, говорит нам хозяин яранги Николай Энук. — Нам же так удобнее...

По словам тундровика, все в «шатре» уложено, расставлено, развешено целесообразно. Здесь для пастухов, а их шестеро, отгорожена «спальня», в чоттагине — неоттапливаемой части яранги — отведено место для собак. Кстати, они похожи больше на волков, а послушны лишь своему хозяину.

Ну а что касается чувства обоняния, то у коренных жителей Чукотки оно не «заглушено» полностью, а скорее наоборот — «необычайно хорошо развито» (так, во всяком случае, пишет Николай Шундик в книге «Белый шаман»).

И мы скажем на этот счет так: «Другие страны, другие ароматы!»

...Бригадир Николай Энук вот уже добрых три десятка лет кочует со стадом оленшек. За его плечами — многие тысячи километров, пройденных по тундровым маршрутам.

А сколько таких бригад в области? Сотни. На пастбищных угодьях здесь выпасается общественное оленье стадо почти в три четверти миллиона голов. Эти животные неприхотливы, сами добывают себе корм и зимой и летом. Без них, наверное, не было бы и жизни на Крайнем Севере...

В распоряжении оленеводов имеются гусеничные вездеходы, радики, с помощью которых поддерживается постоянная связь

с совхозами. Широко применяется сменный выпас, благодаря чему пастухи имеют возможность отдыхать в своих семьях на центральных усадьбах.

Тем не менее профессия пастуха остается по-прежнему утомительной и непростой.

— Однажды летом, — вспоминает бригадир Энук, среднего роста, закаленный непогодой тундровик, — олени были так замучены насекомыми, что в один миг сорвались с места и помчались навстречу прохладному северному ветру, спасаясь от надоедливых комаров. Несколько дней кряду мы преследовали стадо. Наконец удалось отловить вожака. Только тогда остановились и другие животные. Если бы мы упустили оленшек, они разбежались бы по всему району. А их в стаде — без малого две тысячи...

Окарауливать нужно очень внимательно — и днем, и ночью, и в снежную пургу, и в трескучий мороз. Врагов у животных много. Знойным летом мучат комары, а зимой каждую ночь в стадо наведываются кровожадные волки...

Поэтому и не удивительно, что молодежь присматривается к другим профессиям, к тем, что поспокойнее. Благо, для этого у нее есть все возможности. А в арктической тундре все-таки нужен хоть минимальный комфорт. Без этого сегодня невозможно решить проблему кадров.

В СТИХАХ ВОСПЕТАЯ ЧУКОТКА

В течение многих веков путешественники и исследователи, иностранные предприниматели, а то и потерпевшие кораблекрушение моряки характеризовали чукчей людьми весьма отсталыми — «первобытными» и «дикими».

Во время нашей поездки по Чукотскому автономному округу мы повстречали одного из интереснейших представителей этого древнего, как писали раньше, «забытого богом» народа — поэтессу Антонину Кымыт-

валь. Она и прояснила нам некоторые вопросы, касающиеся вчерашнего дня ее родного края.

Мы узнали, например, что в давние времена чукчи убивали своих старых, немощных, больных родителей.

«Для того, — говорит Антонина, — чтобы они смогли отправиться в мир иной, не испытывая долгих мучений и страданий».

Правда и то, что чукчи нередко душили своих новорожденных дочерей... «если в стойбище поблизости не рождался мальчишко-одногодок, который предназначался девочке будущим супругом», — объясняет Кымытваль.

Верно и то, что чукчи почти никогда не мылись. «Это запрещалось религиозными нормами, — рассказывает поэтесса. — Возможно, по той причине, что в условиях арктических холодов это могло вызвать опасные простудные заболевания взрослых и детей...»

Неоспоримо и то, что чукчи, как и эскимосы, предпочитали питаться мясом и рыбой в сыром виде, «так как потребовалось бы слишком много часов, чтобы сварить эти продукты на слабом огоньке жирника», — говорит Антонина.

Но если чужестранец, преодолев отвращение, хоть однажды пробовал ту же сырую рыбу (строганину), он непременно находил ее безвкусной. Вот что писал американский публицист-исследователь Георг Кеннан, совершивший в 1865—1868 годах поездку по Северо-Востоку, выполняя задание Русско-Американского телеграфного общества (тогда планировалось осуществить телеграфную связь между Аляской и Сибирью):

«То, что я поначалу принял за обыкновенную древесную стружку, оказалось тонко нарезанной сырой мороженой рыбой — великолепнейший деликатес, какой мне отродясь не доводилось отведывать! Позже мне особенно было по вкусу это лакомство...»

Цивилизованный мир бросал и такой упрек в адрес чукчей, что те, дескать, могут совершенно равнодушно смотреть на то, как с голоду умирают их братья по роду. «...Но это, наверно, в тех случаях, когда их самих уже коснулась трагическая участь голодной смерти, — поясняет Кымытваль. — А таких особенно много бывало в начале весны, когда продовольственные запасы иссякали, а холодная зима все никак не уступала место спасительным теплым дням...»

Массовый голод царил в этих краях в середине XIX столетия, когда вымирали целые стойбища коренных жителей. Именно тогда нидерландцы, немцы, англичане, французы, американцы, стоявшие на несомненно более высокой ступени экономического и культурного развития, варварски истребляли китов — пищевую основу прибрежных чукчей и азиатских эскимосов.

Так кто же «первобытные дикари»? Иностранные грабители или чукчи? Точно известно лишь одно: последние никогда не убивали зверей и дичи на охоте больше того, чем им требовалось для пропитания своих семей.

Характерно, что в лексиконе чукчей есть четыре слова, синонимичных «дружбе», и нет ни одного слова, адекватного «войне».

О языке чукчей один профессор, а именно И. И. Эгли, в 1882 году писал презрительно: «Этот язык представляет собой нечто среднее между кряканьем утки, хрипом оленя и лаем собаки».

Таков уж ли на самом деле этот язык?

Мы попросили Антонину Кымытваль прочесть несколько ее стихотворений по-чукотски. И затем, лакомясь копченым оленьим мясом и попивая бодрящий черный чай (раньше чукчи готовы были отдать за него последнюю кухлянку), мы с удовольствием слушали поэтические строки, с интересом внимали гортанным звукам голоса поэтессы. Удивление вызвал тот факт, что некоторые слова фонетиче-

ски звучат у чукчей по-разному: в зависимости от того, кто их произносит — женщина или мужчина...

Ну а теперь о самой Кымытваль. Родилась она в 1938 году в семье оленевода в чаунской тундре, в яранге из оленьих шкур.

С приходом в тундру новой жизни — радостной и светлой — уже никто больше не убивал своих родителей, не душил своих новорожденных дочерей. Правда, традиция помолвок все-таки оставалась. И для Антонины предназначался будущий спутник жизни...

Когда она родилась, чукотскому письменному языку исполнилось всего... четыре года! Первые словари, разработанные русскими учеными-лингвистами, были доставлены на далекую Чукотку на борту легендарного ледокола «Федор Литке». Это судно преодолело весь Северный морской путь без зимовок, за одну навигацию! Таким образом, Европа значительно приблизилась к Азии.

И уж совсем «сблизились» эти континенты, когда в 1960 году Антонина Кымытваль вышла замуж... за русского — Виталия Игнатьевича Задорина. Их общей «ярангой» стал дом на улице Гагарина в областном центре Магадане. Это была, одним словом, любовь с первого европейско-азиатского взгляда...

Задорин впервые увидел Кымытваль, двадцатидвухлетнюю чукотскую девушку, когда был в командировке в одном из оленеводческих хозяйств в качестве корреспондента районной газеты. Отказавшись выйти замуж за того, кто должен был стать ее супругом (ныне он — Герой Социалистического Труда), Антонина рисковала разрывом с семьей, родственниками. Да, для тех времен это было ударом по древней традиции. Но теперь, спустя много лет, такой выбор девушек коренной национальности — обычное явление.

...В 1963 году в свет вышел первый том

лирических стихотворений Кымытваль под названием «Песни сердца» — на чукотском и русском языках.

Затем были изданы книги со стихами для детей и взрослых. Одна из ее книг «Слушая музыку» написана как «вариации на мелодичные темы «Болеро» Равеля».

Антонина Кымытваль в своих поэтических произведениях воспекает тундру, ее жителей, которые излучают тепло и свет, Чукотку, где каждая встреча — счастливый случай и где воздух дарит радость и чист как «пушкинская строка».

В семье Задориных-Кымытваль две дочери — Люба и Настя. Кто они — русские? Чукчанки? Конечно, чукчанки — в этом нет вопроса.

И глава семейства, Задорин, улыбаясь, говорит:

— Я тоже — настоящий чукча. Только по внешнему виду это не очень заметно...

И В ТУНДРЕ РАСТУТ МАРГАРИТКИ

По национальности он — русский, его родной город — Москва, а Родина — весь Советский Союз. Это Вячеслав Иванович Кобец, первый секретарь Чукотского окружного комитета КПСС. (В настоящее время В. И. Кобец — председатель Магаданского облисполкома.—В. Т.). Его вечномерзлое «царство» в семь раз больше, чем вся территория Германской Демократической Республики!

— Вячеслав Иванович, мы восхищены столицей Чукотки — Анадырем. Великолепны его каменные дома, прекрасен Дворец пионеров, у вас шикарный кинотеатр, со вкусом оформлен Дом культуры, в бетон одеты улицы, озеленены площади, где растут даже... белые маргаритки. И все это в зоне арктических холодов! Я, откровенно признаться, несколько иначе представляла себе этот «краешек земли».

— Да? И как же?

— Более временным, что ли... Не таким прочным и надежным...

— Десятки тысяч людей приезжают на Крайний Север из всех уголков страны исключительно на время, ненадолго. Так вот определенная часть этих «временных» действительно не очень-то интересуется тем, чтобы, например, благоустроить территорию, сохранить для себя и потомков природу. Но те, кто поселяются здесь надолго, заботятся о городе. И мы строим навечно...

— Да, мы встречали северян, которые обосновались здесь десятки лет назад...

— Да, в таких городах, как Магадан, Анадырь, Певек. В поселках же картина не столь благополучная.

— Почему?

— Главная проблема, характерная для всего Северо-Востока, — строительство жилья. У нас есть немало высококвалифицированных рабочих, которые живут на Чукотке десятилетиями. Естественно, все они хотят устроиться в поселках с комфортом — жить в благоустроенных квартирах, со всеми удобствами... И они имеют на это полное право. Хотя каждый дом, сооруженный в местных условиях, обходится государству в пять раз дороже, чем в той же средней полосе России.

— Значит, те, кто решил поработать за Полярным кругом, должны полностью отказать от удобств?

— От роскошеств — да, от комфорта — нет. Людям, приезжающим сюда семьями или создающим семьи здесь, нужен уют. У них подрастают дети... Разве можно их в чем-либо ущемлять?..

— А что вы считаете комфортом и что роскошью?

— Ну, комфорт — это электричество в доме, современное центральное отопление, добротная практичная мебель, холодильник, телевизор... Роскошь, например, личные легковые автомобили. Как доставить их сюда в большом количестве? По Северному морскому пути? Авиатранспортом? По

замерзшим речкам в морозы? Этими путями мы завозим в первую очередь самое необходимое для нормальной жизни — начиная с сухого молока. Хотя на Севере, конечно, мало таких, кто не смог бы приобрести тот же легковой автомобиль, — зарабатывают здесь в несколько раз больше, чем в центральных районах страны...

— Вячеслав Иванович, в чем вы видите другие проблемы?

— В отсутствии стабильных дорог. Это сдерживает дальнейшее социально-экономическое развитие региона. Кроме того, нам нужны автомашины в северном исполнении и в большем количестве, чем мы имеем сегодня: мотонарты, транспортные средства на воздушной подушке...

В оленеводстве необходимо позаботиться о создании комфортабельных передвижных домиков на маршрутах, предусмотреть самостоятельное энергоснабжение — вместо открытых печей в ярангах из оленьих шкур...

В горном производстве важно как можно быстрее внедрять все достижения науки и техники. Освобождение только одного рабочего путем применения новой техники даст народному хозяйству ежегодную экономию в девятнадцать тысяч рублей...

— В одном оленеводческом хозяйстве мы проезжали по болотистой тундре на вездеходе. Этому транспорту все нипочем — не боится он ни каменных сопок, ни мелких озер. Надежная машина, которая не требует особой стезжки-дорожки...

— Да, тяжелый гусеничный вездеход, который вам так понравился, действительно соответствует нашим заполярным условиям. Но в то же время он беспощадно ранит тундру, разрушает ее растительный покров. А ведь мох, лишайник — этот единственный корм оленей — за год вырастает лишь на один миллиметр. Так скудеют наши пастбища, а новых нет. Поэтому очень актуально беречь и сохранять природу, ухаживать за ней.

На Аляске лет тридцать назад насчитывалось около миллиона оленей. Но разбойничье строительство на пастбищных угодьях привело к тому, что сейчас там смогут найти себе корм только около пятидесяти тысяч животных.

— Но отказаться от техники — значит снова возвратиться к собачьим упряжкам?

— Собачьи упряжки — это испытанный столетиями, надежный вид транспорта. Выход, наверное, в том, чтобы найти разумное соединение технических новинок и традиционных форм жизни.

— Имеются ли проблемы с кадрами оленеводов? Кто придет на смену сегодняшним пастухам?

— Да, и этот вопрос сложный. Многие молодые чукчи, эскимосы, эвены проявляют интерес к другим отраслям народного хозяйства, подчас отказываются от древнего пастушеского ремесла. И это понятно: перед ними открыты все двери для образования, получения любой специальности. С другой стороны, большая часть коренного населения, имеющего тысячелетний опыт ведения оленеводства, трудится все-таки именно в этой отрасли — сложной и чрезвычайно важной с экономической точки зрения.

— Вячеслав Иванович, какие приятные события радуют вас на Чукотке?

— Наши геологи открывают одно месторождение за другим. Близ Анадыря, например, обнаружены нефть и газ. Мы учимся использовать энергию горячих источников, чтобы выращивать в Заполярье собственную витаминную зелень — огурцы, помидоры, редис. Есть у нас и птицефермы, а значит, и яйца, нежное мясо; выращиваем в области картофеля, капусту. За последние годы у нас акклиматизировались сотни голов крупного рогатого скота — в детских садах и больницах давно есть свежее молоко. Ученые Севера успешно занимаются выращиванием на вечной мерзлоте трав: чем больше сена, тем больше коров, следо-

вательно — и молока. Весомая отдача от оленеводства, которое дает вкусное мясо. Ко всему прочему мы производим различную продукцию непосредственно на местах. Наплаживается сменный выпас у пастухов. Новой отраслью хозяйства является пушное звероводство...

Ну и радуют, безусловно, те самые белые маргаритки, о которых вы упомянули в начале нашего разговора. Кстати, о них. Семена маргаритки я захватил с собой в Москве, когда летел на Чукотку несколько лет назад.

...Да, за годы Советской власти Чукотка проделала такой путь, который оставляет в тени все минувшие века. И мы не стоим на месте. Ведь сколько продуктивного времени у нас отнимают свирепые ураганы и ледяные ветры, неопишуемые холода. Так что ждать не приходится, нужно двигаться дальше, вперед!

РАССКАЗ НАЧАЛЬНИКА МОРСКОГО ПОРТА

— Певек — самый северный морской порт Советского Союза, — говорит начальник этого порта Борис Абакумов. — Сюда плывут корабли с восточного направления — из Владивостока в Тикси или с западного — из Мурманска во Владивосток. Суда здесь обрабатываются вот уже сорок лет.

Мы перегружаем полученные материалы, оборудование, продовольственные и промышленные товары на речные суда, которые транспортируют грузы дальше — в глубь континента, где их с нетерпением ждут жители сел и поселков.

Раньше порт состоял из одного единственного причала, потом были сооружены временные постройки из дерева. Так что собственно о порте можно говорить лишь с того момента, когда началось строительство капитального причала. Это было в 1968 году. Подобные работы на вечной

мерзлоте не имеют аналогов в мире. Сейчас погрузочно-разгрузочные операции осуществляются с помощью больших современных порталных кранов. Такие суда, как «десятитысячники», мы загружаем или разгружаем в течение одного дня. Мы не только получаем грузы, но и сами отправляем кое-что — например, оловянный концентрат...

Трудно переоценить значение каждого дня во время чрезвычайно напряженного навигационного периода. Дороги каждый час, каждая минута.

Случается так, что и в середине лета неожиданно похолодает. Привычная для августа температура — минус шесть-восемь, тогда-то и исчезают наши мучители-комары. Выпадают деньки, когда приборы уже ничего не регистрируют, — это бывает во время сильных ветров, называемых певекчанами «южаками». Тогда скорость южного ветра нередко достигает шестидесяти и более метров в секунду. Если кому-то нужно непременно выйти на улицу — без помощи веревки не обойтись.

Мне запомнились такие события прошлых лет. В 1973 году в один из прекрасных августовских дней северный ветер поднял в Чаунской губе огромные волны и обрушил их на береговые укрепления. К берегу прибились ледовые торосы, которые стали громоздиться на суда и порталные краны. И люди принялись спасать технику. Это была сложнейшая борьба человека с чудовищной стихией...

А в 1980 году декабрьским днем южак с такой силой налетел на город, что краны в порту были подняты в воздух, словно пушинки, и отброшены на многие метры.

...Трудно? Не без этого. И все же тогда я решил остаться здесь еще на десяток лет, продолжить освоение сурового Крайнего Севера. Ну а потом мы с женой — она работает старшим инженером отдела нормирования труда в порту — можем быть, и подадимся назад, на родину, где климат более

мягкий и умеренный. Северу требуются молодые, сильные люди, а не пенсионеры. (Не случайно мужчины-северяне получают пенсию уже в пятьдесят пять, а женщины — в пятьдесят лет.)

Плоды нашего труда, труда ветеранов Чукотки, видны хорошо. И наше дело продолжают дети, которые остаются жить и работать на Севере. Они здесь родились, здесь — их родина.

НОВЫЕ ОБЫЧАИ В ЛОРИНО

Давным-давно на Чукотке существовал такой обычай.

Когда мужчина уходил на морскую охоту зимой, жена часами ожидала его у входа в ярангу — даже в самый сильный мороз; а если он отправлялся на охоту летом, то она выходила на берег и замирала там, словно статуя, устремив долгий взгляд в морскую синюю даль.

Через несколько дней, когда муж возвращался домой, жена, увидев его, спешила навстречу с ковшом воды, в которой плавала льдинка. Окропив мордочку забитого животного водой, жена подносила затем ковш к губам мужа. И тот, прежде чем сделать первый глоток, разбрызгивал несколько капель в морскую волну — в знак благодарности богам, которые даровали ему богатую добычу, чаще всего тюленя.

Да, морская охота являлась уделом мужчин. А все, что касалось быта, было заботой женщины. Она обеспечивала надежное хранение мяса, готовила обеды, обрабатывала шкуры, шила меховую одежду, воспитывала детей, которых рожала одна-одинешенька в тундре, вдали от родственников...

Точно так же жили и оленные чукчи, которые кочевали. С той лишь разницей, что жена оленевода всегда следовала за своим мужем, проделывая утомительный путь по десять и более километров в день. А маршруты им подсказывали следы диких оленей.

Так было раньше. Теперь же жены оленеводов-пастухов в большинстве своем остаются на центральных усадьбах в селах, где выстроены современные жилые дома, имеются медицинские, культурные учреждения. Многие женщины заняты в новой для Чукотки сфере деятельности, таких отраслях народного хозяйства региона, как пушное звероводство и птицеводство. Их мужья, работая в тундре по методу сменного выпаса, приезжают в село, а отдохнув, снова возвращаются в свои бригады.

Это характерно и для села Лорино, где проживают около полутора тысяч человек. Здесь имеются птицеферма, молочнотоварная ферма, где содержится несколько десятков голов крупного рогатого скота, раз-

вивается пушное звероводство, кожевенно- меховая мастерская. У лоринцев есть также свой краеведческий музей, пионерский лагерь, в домах селян светятся экраны телевизоров.

...Обновилась жизнь в национальном селе, изменяются и обычаи.

— Когда мой муж возвращается из тундры домой, — говорит работница птицефермы Нутевги Иттегина, — я встречаю его яичницей-болтуней с русским черным хлебом. Мне, кажется, было уже за тридцать лет, когда я впервые попробовала на вкус хлеб...

*Перевод с немецкого
В. ДЗИРКАЛА*

Эгон
ТРАКСЛЕР

Где когда-то шаманы заменяли учителей

Эгон ТРАКСЛЕР. Западногерманский журналист. Материал опубликован в 1986 году в газете западногерманских коммунистов «Унзере цайт».

С ПОБЕДОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НАЧАЛОСЬ ОСВОЕНИЕ РАЙОНОВ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ И ИЗУЧЕНИЕ ЭСКИМОССКОЙ И ЧУКОТСКОЙ КУЛЬТУР

Далеко, очень далеко на западе Москва. От Певека, самого северного морского порта СССР, ближе до Нью-Йорка, чем до Москвы. Край долгих зим и вечной мерзлоты, край огромных, бесконечных просторов, безлюдный край. С воздуха Чукотка, район, по территории равный половине Западной Европы и с числом жителей как в Касселе, кажется неприветливой и угрюмой. Голые горные хребты высотой до двух тысяч метров сменяются серо-коричневой болотистой тундрой. Бесчисленное множество безымянных речек и ручьев, причудливо извиваясь, тянется к Северному Ледовитому океану.

В древнем предании чукчей, которые вместе с эскимосами, эвенами, юкагирами, якутами населяют Чукотку, рассказывается о подстреленном охотником огромном золотом северном олене, который упал так, что голова его легла в Клондайке на Аляске, а туловище и ноги — на Чукотке.

С тех пор и «потрошат» люди этого «золотого оленя». Значительную часть советской добычи золота дают тайга Колымы и тундра Чукотки. Советские геологи, ко-

торые в тридцатые годы рискнули пробиться в эти глухие места, нашли богатые месторождения серебра, олова, вольфрама, угля и ртути. Уже в наше время были разведаны перспективные месторождения нефти.

Но как все это осваивать? Край без шоссе и железных дорог. Два месяца длится полярная ночь, когда температура опускается ниже шестидесяти градусов. И всего два месяца лето. Лето — это когда нет снега и не заходит солнце. В июне — ненадолго — до сентября — в многолетних льдах Ледовитого океана появляются узкие и опасные проходы.

С победой Советской власти на Чукотку пришла новая жизнь. Один пример: до Великой Октябрьской социалистической революции (о которой здесь узнали месяцы спустя, а Советскую власть в этих местах установили только в 1922 году) в крае было всего пять школ, в них работало лишь пять учителей, но на одиннадцати церквях, в которых население обслуживали семнадцать попов, регулярно звонили колокола. О «духовном благе», кроме того, «пеклись» семьдесят два шамана — местных колдуна.

Начиная с 1922 года все это должно было уступить место новому. В 1927 году русские учителя организовали первую школу для эскимосов. В 1932 году вышел первый эскимосский букварь. Впервые за свою пятидесятилетнюю историю и эскимосы, и чукчи получили собственную письменность. Сегодня изданные в СССР эскимосские буквари и другие учебники используются и по другую сторону Берингова пролива — у эскимосов Аляски своих книг нет.

В двухстах сорока четырех школах Магаданской области сегодня обучается девяносто тысяч детей. В Магадане три вуза — педагогический, политехнический и юридический. В научно-исследовательских институтах в региональном аспекте исследуются проблемы геологии, океанографии, сельского хозяйства и т. д. Два года назад в поселке Лаврентия вступила в действие телевизионная станция «Орбита». Теперь и на

берегу Берингова пролива принимают две телепрограммы.

Из Лаврентия отправляется в поездки с гастролями по всему миру фольклорный чукотско-эскимосский ансамбль. «Етти» — «Добро пожаловать» — ансамбль называется так же, как и самодеятельный клуб, расположившийся в комфортабельном Доме культуры в этом восточном маленьком портовом поселке.

МНОГО РАБОТЫ ДЛЯ АТОМНЫХ ЛЕДОКОЛОВ

Но одними знаниями взять у льдом и снегом покрытой пустыни ее богатства было нельзя. Поэтому из Магадана проложили более чем пятисоткилометровую трассу до поселка Сеймчан, расположенного на берегу реки Колымы. По этой дороге, протянувшейся теперь до границы с Якутией, продовольствие, техническое оборудование, товары народного потребления доставляются в населенные пункты бассейна Колымы. Зимой реки становятся дорогами, по которым перевозят даже самые тяжелые грузы.

На севере превращен в важную перевалочную базу порт Певек. Летом караваны судов по узким проходам во льдах курсируют от Мурманска и Владивостока до Певека и обратно. На всем протяжении этого морского пути, составляющего примерно расстояние от Гамбурга до Гаваны, суда сопровождаются мощными атомными ледоколами, которые в случае необходимости освобождают их из ледового плена. Затем грузы в складах дожидаются дальнейшей транспортировки по льду рек. Летом часть грузов доставляется из речного порта Черский на тысячи километров вверх по полноводной Колыме. Все это предпринимается для того, чтобы сделать жизнь людей здесь как можно более обустроенной и комфортабельной.

ОХОТА НА КИТОВ

Лопастя вертолета молотят по низко висящим облакам. Затем серое месиво облаков рассеивается, и при свете полярного солнца уже можно различить на востоке контуры островов Ратманова (СССР) и Крузенштерна (США). С оглушительным свистом Ми-8 садится на маленькой вертолетной площадке поселка Уэлен. Конец Азии, самый восточный пункт материковой территории Советского Союза. Легкая зыбь двух океанов — Тихого и Северного Ледовитого, которые соединяются здесь — в Беринговом проливе. Поселок на краю света насчитывает тысячу жителей. Триста чукчей и эскимосов, коренных жителей Чукотского полуострова, живут охотой на морских зверей и древним искусством резьбы по кости.

Уэлен расположен на узкой косе, которая между двумя скалистыми отмелями тянется в море и образует небольшую лагуну. На берегу Северного Ледовитого океана сейчас лето, погода спокойная. Но уже через несколько недель, говорит нам председатель поселкового Совета Нина Рыжикова, начнутся осенние штормы. Бывает, что волны в это время заливают всю косу. Вдоль улицы, вымощенной щебенкой, стоят невысокие деревянные дома, из-за которых ездовые собаки облаивают прохожих. С гордостью показывает нам председатель два самых больших здания поселка. Оба они двухэтажные — и новая школа, и новый интернат, и оба, естественно, возведены на сваях, вбитых на несколько метров в вечную мерзлоту. В противном случае под воздействием собственного тепла дома могли бы просесть в подтаявшей мерзлоте и разрушиться. Интернат в течение учебного года служит вторым домом для детей морзверобоев из Инчоуна и Энурмино. В этих маленьких селах средних школ нет. Зато в уэленской школе, где работают двадцать девять учителей, двести тридцать учащихся

имеют возможность заканчивать десять классов. Обучение ведется на русском языке, чукотский преподается в качестве обязательного предмета до седьмого класса.

Какой-то американский торговец, который изрядно обирал при сделках чукчей и эскимосов, писал в конце прошлого века о своих «партнерах»: «Внешность коренных жителей ужасна. Задавленные нуждой и тяжелыми условиями жизни, они не умеют ни смеяться, ни обманывать».

От души смеются над этим мужчины в желтых промасленных куртках, которые как раз готовят к выходу в море свой вельбот. Радостный смех доносится и со спортивной площадки около школы, где мальчишки-эскимосы играют в футбол. Возможно, что упомянутый торговец составил эту не очень лестную характеристику во время переваривания традиционного чукотского блюда, которое и сегодня остается любимым лакомством на побережье Северного Ледовитого океана, — «копальхен» — моржового мяса, вложенного во внутренности моржа и на некоторое время закопанного в мерзлый грунт. Происходящий при этом процесс брожения придает мясу качества, благодаря которым у коренных жителей не было зарегистрировано ни одного случая цинги.

Морские охотники Уэлена, как и много лет назад, выходят в открытое море. На их вельботах сегодня не только весла, но и мощные моторы. Между тем гарпуны выглядят все так же, как и сто — и более лет назад, когда в 1867 году русский царь Александр II за бесценок продал Аляску и тем самым обеспечил эскимосам на Аляске несравненно более печальное будущее, чем их братьям на этой стороне Берингова пролива.

ГОЛОД БЫЛ ЧАСТЫМ ГОСТЕМ...

У морских охотников нет гарпунных пушек: их труд — это ручной труд. В те годы,

когда царь заключал свою сделку с американцами, на Чукотке зимой часто свирепствовал голод. Охваченные голодом, вымирали целые стойбища. Причина: иностранными китобоями были хищнически разграблены традиционные места лова коренных жителей.

Каждому, кто сегодня выходит в море от берегов Уэлена, понятно решение Советского правительства, по которому надлежит строго соблюдать квоты добычи моржей, тюленей и китов. Например, ежегодная квота добычи моржей для морских охотников Уэлена — двести пятьдесят штук. Как убеждает нас председатель поссовета Н. Рыжикова, этого вполне достаточно — и для питания, и для нужд косторезной мастерской. Добытые животные используются при этом почти полностью.

Валерий Единов, молодой председатель исполкома Чукотского районного Совета, к которому относится и Уэлен, уточняет кое-что из того, что у нас, к примеру, утверждает «Гринпис»*.

— Прежде всего следует учитывать, что охота на моржей, тюленей и китов на протяжении тысячелетий была основным средством добывания пищи и источником жизни для коренного населения. Просто так отнять у людей этот основной для них вид пищи нельзя. У вас также утверждают, что мы скармливаем китовое мясо на ферме норкам. Это грубое извращение фактов. Здесь нет норковой фермы. У нас есть ферма, где разводят песцов. Прокормить их одним китовым мясом вообще нельзя. Отходы же, которые никаким другим способом уже больше использовать нельзя, передаются на ферму и скармливаются животным. Разве это предосудительно? Как и в других областях жизни, — продолжает Валерий Единов, — задача состоит в том, чтобы найти разумное сочетание между удовлетворением потребностей коренных жителей и

* «Гринпис» — организация, занимающаяся вопросами охраны окружающей среды.

необходимыми мероприятиями по охране окружающей среды и сохранению животного мира. Сочетание, которое удовлетворило бы всех.

ЧТО ГОВОРЯТ УЧЕНЫЕ

Вот что говорит заведующий лабораторией морских млекопитающих Магаданского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии Геннадий Федосеев:

— В нашем регионе охота на китов больше не ведется, за исключением небольших квот для коренного населения. Нет больше и крупных китобойных судов. Мы строго придерживаемся квот добычи китов, уста-

новленных Международной китобойной комиссией.

Как отмечает Г. Федосеев, это привело к тому, что численность полярных китов, серых китов, полосатиков, моржей и тюленей заметно увеличилась, а у отдельных видов уже зарегистрировано превышение обычной численности популяций.

Эта успешная работа получила в кругах ученых широкий резонанс, интерес к ней проявляют во всем мире. Магаданские специалисты по охране морской среды ведут по этим вопросам переписку, в частности и с Мюнстерским университетом.

*Перевод с немецкого
Р. ЧАЙКОВСКОГО*

Софоклис Янни
СОФОКЛИ

Страна вечной мерзлоты

Софоклис Янни СОФОКЛИ. Журналист из Кипра. Корреспондент газеты «Харавги». Материал опубликован в газете в 1985 году.

Когда сверхсовременный Ил-62 со ста шестьюдесятью восьмью пассажирами на борту оторвался от взлетной полосы московского аэропорта Домодедово, было довольно холодно: около десяти градусов ниже нуля, ветер, низкая облачность. Лайнер Аэрофлота взял курс прямо на север, и когда стемнело, мы находились уже над Северным Ледовитым океаном.

Непрерывный полет занял около восьми часов. Возможность открыть такую линию появилась только в 1980 году, до этого путешествие длилось с промежуточными посадками — почти в два раза дольше.

Я знал, что территория Советского Союза огромна: его площадь занимает первое место в мире — более двадцати двух миллионов квадратных километров. Это в две с лишним тысячи раз превышает площадь Кипра. Но просто невозможно представить реальный масштаб таких цифр, за которыми стоит необозримая, бескрайняя страна, охватывающая почти все климатические районы и зоны мира.

Во второй половине следующего дня полет Ил-62 наконец завершился, и оказалось, что, двигаясь с большой скоростью против направления вращения Земли, мы потеряли восемь часов жизни (которые

были возвращены нам на обратном пути). Первый сюрприз не заставил себя ждать. Когда мы совершили посадку на аэродроме близ Магадана, я взглянул в иллюминатор самолета и зажмурился от ослепительно яркого солнца. С этого момента началась цепь неожиданных и открытий.

Ярко-голубое северное небо, сверкающее солнце, абсолютный покой и отсутствие ветра при тридцатиградусном морозе изумили нас и заставили потерять дар речи. Часовой путь до города мы проделали на автобусе.

Кажется, настало время рассказать о географическом положении уголка земли, куда судьба забросила меня на целых двенадцать дней, когда на нашей маленькой родине уже была в разгаре весна, а столбик термометра прочно установился на отметке плюс восемнадцать градусов. Во всяком случае, по словам местных жителей, я был первым в истории киприотом, посетившим этот покрытый льдами район земного шара.

Магаданская область находится на северо-востоке Советского Союза — как раз напротив Аляски. Ее омывают воды четырех морей: Охотского, Берингова, Восточно-Сибирского и Чукотского. Это единственный район СССР, имеющий выход к двум океанам: Северному Ледовитому и Тихому. В Магаданской области находится самая восточная точка Азиатского континента — мыс Дежнева.

Остров Ратманова — крайняя точка СССР. Острова Ратманова и Крузенштерна составляют расположенную в Беринговом проливе группу, носящую имя Диомида. Берингов пролив разделяет Азию и Америку, соединяя Северный Ледовитый океан с Тихим. Между двумя островами проходят Государственные границы СССР и США. Расстояние между советским островом Ратманова и американским островом Крузенштерна составляет всего четыре километра сто сорок семь метров. Воображаемая линия между этими островами является линией смены дат на нашей планете, местом, где рождается солнце.

Чтобы завершить знакомство читателей «Харавги» с Магаданской областью, надо сделать еще одно интересное замечание. Есть такая загадка: «Какой остров, единственный в мире, находится сразу в трех полушариях?» Ответ: «Остров Врангеля». Расположен он полностью в Северном полушарии. Сто восьмидесятый меридиан проходит по середине острова, деля его на две части: одна лежит в Западном полушарии, а другая — в Восточном. Остров Врангеля, который до революции был необитаем, называют «медвежьим роддомом». Каждую весну здесь рождается около двухсот белых полярных медвежат.

Вся Магаданская область лежит в зоне вечной мерзлоты, а северная ее часть — за Полярным кругом. Таков этот район великого Советского Союза, где я провел двенадцать дней вместе с моими коллегами — корреспондентами газет, информационных агентств, радио и телевидения ГДР, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Австрии, Западного Берлина. Я постараюсь перенести читателя «Харавги» в этот «холодильник» нашей планеты, где, как и в любой точке бескрайнего Советского Союза, человек, советский человек, работает спокойно и уверенно во имя мирного строительства своей великой социалистической Родины.

МАГАДАН

Магадан — центр области. Население — сто пятьдесят тысяч человек. Годом основания считается 1939-й.

В течение всего прошлого и в начале двадцатого столетия этот край — или, как его еще называют, Колыма, по названию протекающей там реки длиной две тысячи сто километров (одиннадцатая по длине в СССР) — был краем белой смерти, как писал в своих рассказах Джек Лондон, краем северных оленей, медведей и местом ссылки. Политические противники цариз-

ма и уголовные преступники часто находили здесь смерть.

Итак, в начале нашего века почти единственными обитателями здешних мест были эвены, чукчи и эскимосы, жившие в основном в прибрежных районах и занимавшиеся рыболовством, промыслом морских животных, или же в глубине материка, где основным занятием было оленеводство.

Когда в 1928 году молодой ученый геолог Юрий Билибин отправился в экспедицию со своими друзьями и единомышленниками на Крайний Северо-Восток ему было всего двадцать семь лет. Эта экспедиция положила начало промышленному освоению Колымы. Затем у Билибина были другие экспедиции, большая жизнь исследователя, и умер он в 1962 году уже членом-корреспондентом советской Академии наук.

В 1928 году экспедиция Билибина, проделав путь две тысячи шестьсот миль от Владивостока к северу по Охотскому морю, высадилась неподалеку от села Ола, находившегося в нескольких десятках километров от современного Магадана.

В 1939 году было принято решение о планомерном заселении этого крупного района, для чего предстояло построить современный город с портом, поскольку район Магадана был отрезан от остальной материковой части Советского Союза тянущимися на тысячи километров льдами, а дороги, хотя бы грунтовой, для сообщения с нею не было. Остановились на естественной гавани — бухте Нагаева, на берегу которой без дополнительного углубления залива были размещены первые сооружения морского порта, так необходимого для развития района.

Магадан, население которого примерно равно населению Никосии, вполне современный город. Школы, музеи, научно-исследовательские институты, библиотеки и кинотеатры, всевозможные магазины, жилые дома, даже девятиэтажные, парк и больницы.

Возникает вопрос: а зачем перечислять все эти детали, обычные для любого города мира? Верно. Это элементы, привычные для любого города, но не для города, находящегося в самом суровом и отдаленном районе нашей Земли. Все, что есть в городе, было доставлено судами и авиацией на расстояние в тысячи километров в самых тяжелых в мире условиях.

Все в городе необычно: здания, улицы, площади. Только его жителям все кажется привычным. Я считаю их героями, а они не согласны, говорят, что ничем не отличаются от остальных советских людей. Один рабочий в порту, когда я спросил его, не холодно ли (в тот мартовский день было минус пятнадцать с ветерком), посмотрел на меня озадаченно и сказал, что как бы холодно ни было, он никогда не опустит «уши» своей шапки. Услышав это, я почувствовал, как от ужаса похолодели мои собственные уши.

ПОРТ

Порт находится в полутора километрах от города, занимая часть узкой полоски земли между морщинистой голой сопкой и холодным заливом Охотского моря, где теснятся друг к другу портовые сооружения. В порту трудятся полторы тысячи рабочих различных специальностей.

Когда мы добрались до места назначения — административного здания порта, у его дверей нас ждал уже начальник порта, в блестящей форме морского капитана, без шапки и пальто. Он улыбался, стоя на морозе и сильном (по крайней мере, на мой взгляд) ветру. При виде такой картины у нас перехватило дыхание, и мы наперебой стали упрашивать его войти в здание. Но он сначала обменялся рукопожатиями со всеми и, пропустив нас вперед, вошел последним.

Нам рассказали, что порт имеет жизненно важное значение для города и всего

района, принимая в год около трехсот крупных торговых судов. Только в 1984 году они перевезли два миллиона тонн грузов. Гавань замерзает приблизительно в середине декабря. Раньше порт зимой становился недоступным из-за льдов, держащихся до середины июля, когда начинается короткое северное лето, длящееся почти полтора месяца. Первый снег выпадает в августе.

Сейчас с помощью мощных ледоколов, обслуживающих порт, суда приходят в бухту Нагаева в любое время года. Долгие месяцы изоляции от материка, как называют все жители области остальную часть необъятного Советского Союза, кончились навсегда. Выиграна еще одна битва.

Пока начальник порта беседовал с нами, я время от времени поглядывал из окна на мол. Еще по пути я заметил два судна, которые пришвартовались к причалу не так, как остальные. Они были вбиты в лед большого залива кормой к причалу далеко от непрерывно работающих порталых кранов.

Виктор Борисович Тимаков, местный журналист, сопровождавший нас с момента прибытия, подошел ко мне и шепнул на ухо:

— Ну, Софоклис, как тебе наше голубое небо и яркое солнце? У вас на Кипре есть такое?

ПРОГУЛКА НА ЛЕДОКОЛЕ

И, не ожидая ответа, добавил:

— Эти два суденышка — ледоколы «Адмирал Макаров» и «Капитан Хлебников». Через несколько минут мы совершим небольшую морскую прогулку. А может, кресла дирекции тебе нравятся больше?

Впечатления от необычного северного пейзажа совершенно фантастическое. Число неожиданностей все растет, и с каждым разом они кажутся все более впечатляющими. Очень трудно описать, что я почувствовал, оказавшись на просторе замерз-

шого океана на современном ледоколе за много тысяч миль от нашего маленького и любимого Кипра.

Ледокол «Капитан Хлебников» был спущен на воду в 1981 году. Водоизмещение десять с половиной тысячи тонн, дизельный двигатель, может работать в открытом океане в течение месяца без дозаправки. На палубе несет вертолет Ми-2. Ледокол — один из самых современных, которыми располагает советский флот, и может легко работать во льдах толщиной до двух метров, развивая скорость девятнадцать и шесть десятых узла. Мощность двигателей двадцать две тысячи лошадиных сил.

Капитан ледокола Николай Литвиненко, сорок лет работающий на флоте, на несколько минут покидает мостик и объясняет нам, что «Капитан Хлебников» — самый современный средний ледокол из всех, которыми располагает Советский Союз. Команда его не превышает восьмидесяти человек, они живут в уютных одноместных каютах со всеми удобствами.

...Мы находимся в открытом океане вдали от суши, в окружении бесконечных льдов. Стою рядом с капитаном на мостике на высоте двадцать четыре метра и с ужасом смотрю вниз. Чувствую, как содрогается судно, слышу громкий хруст ломающегося льда, отступающего перед силой человека, советского человека, подчиняющего океан, заставляющего его служить себе, и думаю: «Сколько еще чудес мог бы совершить человек, если бы не тратились постоянно миллиарды на производство все более опасного и совершенного оружия, если бы милитаристски настроенные империалисты НАТО и США прекратили направлять научную мысль человека на путь уничтожения».

У КРОМКИ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Чукотка — родина одной из самых малочисленных народностей, живущих в Советском Союзе. В соответствии с данными по-

следней переписи населения на январь 1979 года чукчей насчитывалось около четырнадцати тысяч двухсот человек. Чукчи — наиболее известная народность из всех, населяющих этот район.

В один из мартовских дней на небольшом Ан-24, вмещающем всего сорок восемь пассажиров, мы вылетели из Магаданского аэропорта по направлению к Северному Ледовитому океану. Пролетев первые триста пятьдесят километров, совершили посадку для дозаправки в поселке Сеймчан (с населением три тысячи шестьсот человек), расположенном на берегу почти всегда скованной льдом реки Колымы. Деревянные аэродромные постройки не производят особенного впечатления, однако мы узнаем, что Сеймчан был одним из множества маленьких аэродромов, составляющих целую цепь на пути, по которому во время второй мировой войны самолеты из США через Канаду, Аляску, Чукотку перегонялись на фронты европейской части СССР.

Из Сеймчана — еще около тысячи километров на север, и в шесть часов вечера по местному времени мы — в Билибино. Если читатель «Харавги» взглянет на карту мира, то увидит, что это место расположено почти на берегу Северного Ледовитого океана.

И сразу же мы ощутили «весеннюю прохладу» Севера. На следующее утро нам сообщили, что ночью температура воздуха составляла минус пятьдесят два градуса. Чтобы не оказаться голословным и располагать доказательствами, я купил и поместил в личный архив номер местной газеты «Золотая Чукотка», где в разделе «Погода» сообщалось: «... по области небольшой снег. Ветер северный, скорость 7 м/сек. Ночью температура воздуха —52°С. Сегодня днем —42—47°С. Осадков не ожидается. В Билибино солнечно...»

ЗАХВАТИЛО ДЫХАНИЕ...

— Как вам погода? И не забывайте, что это март, а не январь.

Когда я попробовал ненадолго выйти из гостиницы «Северная», сразу перехватило дыхание, закололо в сердце, а на носу выросли сосульки. А ведь я, как полярный медведь, с ног до головы был укутан в натуральный мех.

Вернувшись в комнату, я вновь задался вопросом: как могут все эти люди жить и работать в таких условиях?

На следующий день мы встретились в Билибинском районном комитете партии с его первым секретарем — Татьяной Михайловной Малиновской. Какая сила духа у этой женщины! Татьяна тридцать шесть лет, изящная, скромная. Очень сильная и решительная, она возглавляет почти две с половиной тысячи коммунистов района, живущих и работающих в самых суровых климатических условиях нашей планеты. Малиновская рассказывает:

— Наш Билибинский район — самый большой по площади в Магаданской области, а население — всего немногим более двадцати шести тысяч человек, из них около тысячи восьмисот — представители малых народностей Севера (чукчи, эвены, эскимосы, якуты), остальные — русские, украинцы, белорусы... Решение о строительстве нашего центра, Билибино, было принято в 1955 году. В 1954-м сюда прибыли первые двадцать два жителя, это была геологоразведочная экспедиция. На долгих четыре месяца всякая связь с нею прервалась, и только после бесконечной полярной ночи в конце весны геологов нашли. Сейчас население Билибино достигло пятнадцати тысяч и постоянно растёт...

Билибино каждое лето оказывается отрезанным от остального мира. Его снабжение осуществляется авиацией через аэропорт Кепервеем. В зимние месяцы, когда тундра замерзает, Билибино сообщается

с двумя портами на побережье Северного Ледовитого океана — Черским (или, как его еще называют, Зеленый Мыс), находящимся в дельте Колымы, и Певеком на севере Чукотки.

Основные трудности Билибинского района порождает то, что вся его территория, превышающая Кипр в семнадцать раз, при населении в двадцать шесть раз меньше, находится в зоне вечной мерзлоты, а на севере большая часть лежит за Полярным кругом. Что это значит?

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПРОБЛЕМ

Это значит, что жизнь здесь в том смысле, как мы понимаем это на Кипре или даже в Европе, очень трудна, полна проблем. Существуют серьезные трудности в доставке продуктов питания и других товаров, в сооружении дорог и зданий, а также в плане физической и психологической адаптации. На долгие месяцы темная полярная ночь в неистощимой мере затрудняет нормальный ритм жизни людей.

Что такое вечная мерзлота? Как уже говорилось, почти вся территория Магаданской области находится в зоне вечной мерзлоты, то есть обширной географической области, поверхность которой в течение почти всего года покрыта снегом. Снег выпадает во многих районах Земли, отличие состоит в том, что за короткий промежуток между двумя зимами земля здесь не успевает прогреться в достаточной степени и на большую глубину. Таким образом, после таяния снегов и льда почва прогревается на глубину всего до одного метра, а глубже земля и вода постоянно находятся в замороженном состоянии.

Растительность на поверхности такой земли очень редка и бедна, хотя в некоторых районах встречаются даже низенькие рахитичные деревья высотой до двух-трех метров. Это так называемая тундра. Здесь очень трудно строить что-либо.

Однако, несмотря на эти трудности, после многочисленных опытов, ошибок и неудач советские специалисты нашли методы создания очагов жизни в этих районах. Это, конечно, не означает, что преодолены все трудности. Кроме технической стороны вопроса существует и другой столь же значительный аспект — экономический. В этих бескрайних просторах строительство поселков и дорог требует колоссальных средств.

Районы, которые я посетил в этой части Советского Союза, поистине бескрайни. Чтобы жители Кипра лучше поняли это, хотел бы привести один пример: мы семь часов летели на небольшой высоте (от пятидесяти до трехсот метров) на двадцатиместном вертолете Ми-8 над тундрой Билибинского района, покрыв расстояние тысячу двести километров и не встретив ни одного человека, ни одного села, кроме Омолона, куда отправились специально для заправки и обеда.

Таков Север азиатской части Советского Союза.

Советский человек, однако, нашел силы и способ начать использование этих районов.

— Каковы же причины строительства и развития новых городов, передвижения населения из европейской части СССР, таких больших капиталовложений для освоения этих далеких холодных районов? — спросил я первого секретаря Сусуманского районного комитета партии Нину Середу.

— Золото, — улыбаясь, ответила Нина. — Конечно, не только оно, хотя и его одного было бы достаточно. Да, залежи золота, серебра и других драгоценных редких металлов велики, однако не забывайте, что эти районы являются и частью нашей великой советской Родины и поэтому тоже должны быть заселены и развиты, как и все другие районы.

«ДОЛИНА ВЕТРОВ» И ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКИ

На языке эвенов, маленькой народности Севера Советского Союза, насчитывающей двенадцать с половиной тысяч человек, «Сусуман» означает «Долина ветров». И это не просто слова.

Во второй половине одного из мартовских дней наш Ан-24 совершил посадку в городе Сусумане с опозданием на четыре часа из-за неблагоприятных погодных условий. Температура на аэродроме минус сорок пять градусов, сразу со всех сторон дует ветер, понижая температуру еще градусов на пятнадцать. Казалось, мы забрались в самый центр ада.

Улыбчивая тридцатичетырехлетняя Нина Михайловна Середя, секретарь Сусуманского райкома партии, встретившая нас на аэродроме, сказала, что зима в этом году не очень холодная. Здесь зимой температура достигает минус шестидесяти градусов, а летом поднимается до плюс тридцати. Единственный недостаток летом — полчища гигантских комаров.

Я почувствовал себя плохо, услышав такое, но мне сразу стало стыдно, поскольку, глядя на эту красивую женщину с Южной Украины, черноглазую и черноволосую, с таким энтузиазмом и любовью говорящую о своей новой родине, расположенной за десять тысяч километров от отчего дома, понял, что мои постоянные вопросы о погоде и ужасных трудностях были неуместными.

— Мы работаем здесь, — уверенно добавила Нина, — потому что и Сусуман является частью нашей великой Родины, которая сегодня нуждается в нашей помощи и жертвах.

Очень убедительные слова. Эти люди, советские труженики, оставив удобства и тепло жизни в Москве или на Черноморском побережье, отправляются в самые холодные уголки земли, чтобы своим трудом умно-

жать могущество своей страны, создавать гарантии того, чтобы мания Рейгана и его приспешников поставить СССР на колени, никогда не стала реальностью. Для этого необходим упорный и кропотливый, а часто и очень тяжелый труд всех советских людей, где бы они ни находились.

В Сусуманском районе проживает пятьдесят тысяч человек различных национальностей. Среди них русские и белорусы, эвены и якуты. В райцентре — городе Сусумане — население превышает шестнадцать тысяч человек, большинство из которых трудятся на золотых приисках и на самом крупном в Магаданской области Берелехском автокомбинате.

Поселок Холодный (воистину так!), находящийся в шести километрах от Сусумана, который мы имели возможность посетить, в 1977 году стал известен всему миру, когда неподалеку бульдозер случайно наткнулся на маленького семимесячного мамонтенка, ставшего жертвой льдов сорок тысяч лет назад. Это второй случай находки сохранившегося целиком мамонта и первый — детеныша. Мамонтенок, получивший имя Дима, экспонируется в одном из ленинградских музеев.

Сусуман находится в шестистах пятидесяти километрах к северо-западу от Магадана на берегу реки Берелех, притока Колымы. Эти километры мы проехали на венгерском автобусе «Икарус».

«ОЧЕНЬ БОГАТЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Магаданская область площадью в миллион двести тысяч квадратных километров располагает всего одной крупной автомобильной артерией — это грунтовая дорога Магадан — Палатка — Ягодное — Сусуман — Усть-Нера — Якутск. Город Якутск — центр Якутской АССР, на севере граничащей с Магаданской областью. До границы с Якутией траасса функционирует круглый год, а от границы и до Якутска она может

использоваться только в зимнее время.

Итак, мы проехали на автобусе по единственной живой и спасительной дороге, которую водители Берелехского автокомбината называют «дорогой жизни», поскольку снабжение крупнейших горнодобывающих районов области ведется преимущественно с ее помощью. Дорога в основном проходит по долинам, образуемым рекой Колымой и ее притоками. Остальные районы недоступны и труднопроходимы: они заняты сопками (так обычно называют низкие горы, замерзшие и совершенно голые зимой), а летом бесконечными болотами, полными комара и гнуса.

Директор Берелехского автокомбината принял нас в помещении своего огромного предприятия. Алексей Иванович Михайлов родился здесь, его мать, Ольга Александровна Соколова, была геологом и журналистом. Директор комбината сказал мне:

— Знаешь, дорогой мой кипрский друг, я очень богатый человек. Мое предприятие располагает тремя поселками для водителей, тремястами мощными грузовиками «БелАЗ» и чешскими «Татра-148» и «Татра-815». На них работают тысяча четырехста моих рабочих.

Я улыбнулся, и мы сразу подружились. Он признался, что большую часть суток проводит на комбинате, появляясь дома только поздно ночью. И все же я завидую его смелости и дерзости, его огромной ответственности перед государством и семьями своих водителей. Речь ведь идет не об обычном предприятии.

Он живет в постоянной тревоге за своих водителей, за свои машины и грузы, которые они круглосуточно перевозят в обоих направлениях по дороге длиной в тысячу двести километров, по бесконечной дороге среди снегов и сопки. Я немного прочувствовал, что это значит, когда проделал половину этого пути, сидя в удобном кресле «Икаруса», и однако ощущал себя совершенно разбитым.

Никогда бы раньше не поверил, что водителя грузовика где-нибудь в Магаданской области можно назвать героем. После поездки — поверил...

Очень часто от сильного холода и вибрации портятся даже самые прочные детали и узлы машин. Когда температура падает, замерзает масло в машинах, рвутся маслопроводы, трескаются стальные оси, лопаются резина. Алексей рассказал мне, что при минус шестидесяти отламываются ковши экскаваторов.

В одном из уголков здания комбината мое внимание привлек портрет чехословацкого коммуниста журналиста Юлиуса Фучика, замученного фашистами. Работая на грузовиках «Татра», комбинат поддер-

живает с Чехословакией особые отношения. Я подошел поближе и под портретом Фучика прочел: «Имя Юлиуса Фучика навечно занесено в список рабочих автокомбината Берелеха. Его заработная плата ежемесячно перечисляется в Советский Фонд мира».

Таковы советские люди. Работящие и миролюбивые. Искренние и честные. Добрые и сильные. Где бы ни работали, на берегах Черного моря или на побережье Северного Ледовитого океана, на далекой Кубе или в ангольской саванне, они без лишнего шума выполняют свой интернациональный долг, поддерживая борьбу народов против империализма за мир.

Перевод с греческого — автора

Анджей
БАЙОРЕК

Пастух Гувтын

Анджей БАЙОРЕК. Был московским корреспондентом польской газеты «Жиче Варшавы». Материал опубликован в газете в 1986 году.

Чем может привлекать и интересовать пришельца из Польши Чукотка? Всем! Но чем же является здесь это все? Ведь Чукотка — это тундра, а о тундре принято говорить, что это полярная пустыня.

Земля, которую я разглядываю сверху, через иллюминатор вертолета, ничем не напоминает пустыню. Быть может, зимой, когда эту красочную мозаику равнин и холмов, рек, озер и ручьев покрывает снег, ассоциация с пустыней будет обоснованной. Но сейчас, когда зелень трав переплетается с бронзово-коричневыми тонами кустарников, как на изящном шотландском галстукке, а изумрудная гладь озер временами вспыхивает в лучах яркого солнца, кто скажет о тундре, что она мрачна и монотонна.

Далеко внизу над какой-то речушкой замечаю несколько палаток. Интересней, конечно, было бы увидеть яранги — конусовидные, сделанные из шкур вигвамы коренных жителей Чукотки, но что поделаешь — пока есть только палатки. Немного погоды наш вертолет приземляется.

Палатки и пасущееся поодаль солидных размеров стадо рогатых животных принадлежит совхозу, специализирующемуся на разведении оленей. Совхоз называется «Большевик», а речка — Таюкуль, что значит «Соленая Речка».

Кто-то из наших советских хозяев замечает, что приземлились мы в десятке километров дальше, на Янранае, центральной усадьбе совхоза, здешние перемены, опре-

деляемые собирательно как прогресс, были бы более видимы. В Янранае есть приличные домики, электричество от небольшого дизельного агрегата, можно смотреть телепередачи. А здесь, на Таюкуле, только обычная «пастушеская точка» и условия жизни, естественно, скромнее. Когда олени выщиплют все или почти все, что пригодно для них в пищу, «точка» сворачивает палатки и откочевывает на следующее пастбище.

Пасут оленей на Чукотке коренные жители этой земли. Тундру знают, естественно, как собственный карман, но, поскольку век все-таки XX, на всякий случай для связи с центральной усадьбой имеют в распоряжении коротковолновую радиостанцию. Это устройство, вероятно, должно способствовать лучшему настроению в тундре, так же, как радиомагнитофон, который стал теперь стандартным элементом оснащения каждого чукчи-пастуха. Чему здесь удивляться — когда олени спокойно щиплют травку, бывает немного времени, чтобы послушать музыку.

Для необычных гостей, таких как мы, то есть зарубежных корреспондентов, выбирается, конечно, самая лучшая кассета. Так, нас приветствует в тундре Алла Пугачева своим «Миллионом алых роз» и чукчи своим «етти» (форма приветствия).

Чукча Гувтын, с которым мне представляется возможность побеседовать, говорит по-русски лучше многих выпускников высших учебных заведений Средней Европы, где за знание ставят оценки в зачетной книжке. А чукча Гувтын — пастух. В Польше профессия пастуха, мягко говоря, не совсем популярна, но здесь, на Чукотке, это воспринимается вполне нормально. Никто не удивляется, никто не пытается из пастуха сделать пастыря — чтобы звучало красивее. Есть олени, а следовательно, должен быть и пастух. Микропроцессоры пока еще скот не пасут.

Чукча Гувтын, если уж точно придерживаться совхозной терминологии, старший пастух и одновременно счетовод бригады.

Окончил среднюю школу-десятилетку, что, впрочем, обязательно для всех рабочих совхоза. Так что тот, кто должен учиться, тот и учится, а совхоз помогает: обеспечивает место в общежитии в Певеке (районный центр), оплачивает расходы.

Со школьным обучением чукчей связаны определенные специфические проблемы. Представьте себе административный район площадью пятьдесят три тысячи квадратных километров (что несколько больше Дании), с населением немногим более тридцати трех тысяч человек, из которых двенадцать тысяч живут в единственном городе, упомянутом уже Певеке. Коренного населения, главным образом чукчей (есть еще эвены), около двух тысяч.

Чукчи живут в ярангах или же в поселках со стационарной застройкой, в любом случае живут раздробленно. Чтобы обеспечить обучение, скажем, всего лишь пяти чукотских ребятишек из какого-либо населенного пункта, их необходимо отправить в интернат. Иначе нужно было бы ежедневно доставлять детей на занятия вертолетами, что практически не выполнимо — из-за изменчивой погоды и огромных расходов.

Во всем районе в общей сложности пятьсот километров дорог, что для такой большой территории кажется до смешного малым, но, в сущности, не так много их и нужно. Незачем ведь строить дорогу к трем или пяти ярангам, не имеющим к тому же постоянно «прописки». Поэтому усилия местных властей направлены на то, чтобы соединить дорогами прежде всего стационарные поселки. Сейчас в районе осталось только три таких поселка, сообщающихся с внешним миром исключительно с помощью вертолетов и вездеходов — гусеничного транспорта, способного пересекать тундру по бездорожью. Вездеход — транспорт для здешних условий, казалось бы, идеальный — имеет все же серьезный недостаток: повреждает растительный покров,

оставляя колею, которая зарастает только через десяток с лишним лет. Поэтому по мере того, как количество вездеходов на Чукотке увеличивается, все чаще говорится о рациональных маршрутах движения этого транспорта по тундре. Ездить вездеходами можно только по намеченным маршрутам. Принято даже соответствующее постановление, но не всегда оно выполняется. Водители зачастую предпочитают сокращать дорогу, ездить напрямик.

У чукчи Вячеслава Гувтына (традиционно чукчи имели только фамилии, имена же не были известны этому народу; в настоящее время ими используются русские имена) нет транспортных проблем. Тундру исходил пешком со своими оленями, а если кого-либо приглашает к себе, то уж этот кто-то сам должен побеспокоиться о транспорте.

Приглашение в ярангу, которое я получил от Вячеслава Гувтына, было не только принято с удовлетворением, как говорят в дипломатических кругах, но и реализовано благодаря любезности хозяев нашего визита, предоставивших для этой цели вертолет.

Без особого труда обнаруживаем еще с воздуха две уединенные, стоящие рядом яранги; с приземлением же в тундре особых проблем нет. Первыми к вертолету подбегают дети, без сомнения привычные к прилету подобных машин. Вслед за ними чукотским «етти» приветствуют нас мамы — жены чукчей Гувтына и Кутувги. На первый взгляд видно, что обе семьи многодетны: нас окружило по меньшей мере десятеро детей, а это только младшие представители родов Гувтына и Кутувги. Старшие работают здесь «в поле» при оленях.

Яранга семьи Гувтына, в которую я вхожу, — это просторный конусовидный шатер около восьми метров в поперечнике. В центре — высокий кол, по бокам — жерди, на которых натянута оленья шкура,

образующие оболочку яранги. От расположенного посредине яранги очага, который одновременно служит и печкой и кухней, дым выносится через верхнее отверстие. Тонят сушняком, собранным загодя летом в лесу, спят на шкурах. С мытьем, особенно зимой, существуют трудности. Для защиты тела от холода чукчи натираются тюленьим жиром и, ясное дело, смывать его не следует, если хочешь выдержать температуру ниже минус сорока градусов.

Молодежь, правда, постепенно отходит от этих традиций. Учатся в школах, потом поступают в средние и высшие учебные заведения (для чукчей, равно как и для других народностей Севера, преодолевающих многовековую отсталость, специально резервируют определенное число мест в учебных заведениях страны) и, бывает, не хотят возвращаться. Таким образом, с возвращением образованной молодежи в родные края существуют проблемы.

В определенной степени это неизбежно, так как Чукотка — не резервация, а обычная советская территория, тесно связанная с остальной частью страны и подчиняющаяся общим для Советского Союза процессам, таким, как, например, миграция населения на Север и Восток, растущее смешение национальностей, возрастающее число образованных представителей коренных народностей отдаленных окраин и т. п. Во всяком случае, наиболее чувствительной к изменениям в общественной структуре Чукотки оказывается традиционная отрасль экономики этого региона — оленеводство. поголовье оленей уменьшается, да и людей нехватка. И что бы тут ни говорили, для сохранения традиционного характера Чукотки стадо оленей — элемент непеременимый. Если только земля эта с ее дивной красотой не должна полностью изменить свой облик, стать иной Чукоткой, очертания и характер которой пока никто не сумел определить.

Коренные жители Чукотки, чукчи, впер-

вые в истории своего существования, недостаточно, впрочем, еще изученной, ощутили вкус определенных жизненных благ, связанных с уровнем жизни.

Возьмем, к примеру, семьи Гувтына и Кутувги. Мужья работают в совхозе при оленях, их жены, занимающиеся домом, также состоят в штате совхоза. Формально называются «работницами яранги». В соответствии со штатным расписанием получают около трехсот рублей в месяц. Мужья зарабатывают примерно четыреста или даже больше. Каждый советский колхозник или работник совхоза имеет свое приусадебное хозяйство, дающее ему определенный доход, — чукча имеет своих личных оленей. Гувтын, например, — двадцать четыре оленя, Кутувги — тринадцать. Молодняк можно купить в совхозе по выгодной цене. В прошлом году, например, работник совхоза мог приобрести по шесть животных, и в подавляющем большинстве все использовали этот лимит. Мясо от убоя оленей можно использовать самому или продать совхозу; причем цена, которую совхоз платит поставщику, выше той, за которую работник мог бы купить мясо в совхозном магазине для собственного потребления. Это не совсем логично, но, как мне объяснили, таким образом стимулируется развитие оленеводства и продажа мяса государству. Олени, впрочем, — это не только мясо. Можно сдать и шкуру, и рога — так называемые панты, обладающие целебными свойствами. За порошок из пантов сдатчик получает вознаграждение — более ста рублей за килограмм.

Таким образом, чукчам, насколько я смог разобраться, живется совсем неплохо. Сегодня не должны они вести борьбу за выживание, за добычу пропитания, думать, как продержаться зиму. Наконец могут просто пожить в свое удовольствие.

*Перевод с польского
С. КИТОВСКОГО*

Антэро
ПИЭТИЛА

Их цель, их мечта

Антэро ПИЭТИЛА по национальности финн, гражданин Финляндии. Он родился в 1943 году. Свою журналистскую карьеру начал у себя на родине в городе Тампере в газете «Аамулетти».

С 1969 года Антэро Пиэтила работает в США в одной из крупнейших региональных газет «Балтимор сан». Представлял эту газету в Африке. С 1983 года — корреспондент «Балтимор сан» в Москве.

ЖИЗНЬ В МАГАДАНЕ — ЭТО ОГРОМНАЯ ЗАРПЛАТА И ОТСУТСТВИЕ СТОЯЩИХ ТОВАРОВ

Послушаешь удивительные рассказы жителей о здешней жизни при жестоких ветрах с температурой тридцать восемь градусов — подумаешь, что здесь могут вырастать прямо из снега пальмовые деревья.

— Вам надо было приехать, когда температура здесь минус пятьдесят, вот это мы называем холодом, — сказал Валентин Авдеев, директор Колымской ГЭС, непринужденно прогуливаясь по морозу.

— Эта зима была необычно мягкой, — заметил Сергей Мельников в Билибино — другом индустриальном бастионе среди пустынных снегов советского Крайнего Севера. — Всего две недели за эту зиму температура у нас стояла минус пятьдесят восемь, — объяснил нам секретарь Билибинского райкома КПСС.

Мягкая ли, жестокая ли, а зима в этих краях длится семь-восемь месяцев в году.

Первые снега выпадают еще в августе и держатся потом до июня. Затем наступает

короткое, но знойное, опаляющее лето со множеством свирепых комаров и высокими температурами.

— Если вы особенный тип человека, вы по-настоящему возмужаете (духовно и физически) здесь, на Севере, — сказал Виктор Сафронов, тридцативосьмилетний монтер-механик, работающий на Билибинской АЭС. — Но чтобы выжить здесь, необходимо заняться каким-нибудь хобби.

Сафронов — уроженец Восточной Сибири, за Полярным кругом семнадцать лет, собирал марки, монеты, увлекся любительской радиостанцией и кьюсель-письмами, чтобы не страдать от скуки.

Как и большинство жителей Магаданской области, он приехал сюда на работу по трехлетнему контракту, чтобы заработать большие деньги.

— Как правило, каждый имеет здесь денег в два раза больше, чем получают люди примерно за такую же работу на материке, — сказал он, когда шел разговор о центральных районах РСФСР.

Да, магаданские рабочие вполне богаты по советским стандартам.

Когда недавно сотрудник Билибинской АЭС Александр Братченко (сорок семь лет) ездил в отпуск домой на Украину, он истратил восемь тысяч рублей за каких-то пять недель.

За такую сумму обычный советский рабочий на материке должен отработать пять лет.

Как и большинство магаданских рабочих, Александр имеет кооперативную квартиру и машину на материке.

— Я не остановлюсь, пока не накоплю свои сто тысяч рублей, — ручался нам Братченко, большой, хорошо сложенный человек, с переломанным носом — сувениром от тех дней, когда он занимался боксом.

Он не боится никакой работы. Добровольцем поехал в Чернобыль (после катастрофы). Работал по восемнадцать часов в сутки, в том числе пять часов на зараженной местности...

Хотя склады магазинов здесь полностью

заполнены товарами, жители говорят, что в Магадане практически не на что тратить деньги.

В Билибино и во многих других населенных пунктах Крайнего Севера все хорошее и ценное приходится доставлять по воздуху или по зимне-сезонным дорогам, которые становятся непригодными летом, когда земля оттаивает, превращаясь в заболоченную сырую почву.

Если люди покупают автомобили, то они обычно держат их в центральных районах страны.

Одно из исключений — Дмитрий Ходяло (сорок девять лет). Потомственный оленевод, он был награжден в Москве на Выставке достижений народного хозяйства маленьким автомобилем. Теперь он большой человек в своем небольшом селении, имеющем всего десять миль автомобильных дорог.

Его соотечественники, эвены и чукчи, работая оленеводами, получают, как они говорят, шестьсот — восемьсот рублей (промышленные рабочие центральных районов страны получают от четверти до трети этих денег) и тратят деньги на свои семьи. Каждый из них имеет от восьми до двенадцати детей, которые хотят голубые джинсы, магнитофоны и портативные приемники.

Большим спросом у коренных жителей, традиционные костюмы которых сделаны из оленьей шерсти, пользуются зимние пальто-дубленки, которые стоят по восемьсот рублей.

В столице области Магадане — до антиалкогольной политики Горбачева работало одиннадцать ресторанов. Сейчас их всего четыре, и лишь в одном из них, в тридцатисемиместном баре «Глобус», продают алкогольные напитки.

— Продажа спиртных напитков стала для магаданцев целой проблемой, — сказала в разговоре с журналистом первый секретарь Магаданского горкома А. Осина. Но

когда репортер спросил ее, не считает ли она несколько неверными те новшества, которые предусматривает новая политика М. С. Горбачева, она была крайне удивлена и обижена.

Жизнь в городе делает тяжелой не столько долгая и суровая зима, сколько катастрофическая нехватка жилья. Приезжие семьи, как правило, вынуждены жить в «коммуналках», и это может продолжаться десяток и более лет — пока в семье не появятся дети, она не получит отдельную квартиру.

— В прошлом году у нас в городе были зарегистрированы две тысячи сто пятьдесят браков и тысяча триста пятьдесят разводов. Основная причина столь высокого количества разводов — жилищные условия, — сказала Осина.

Каждый населенный пункт имеет газету, но основным источником потока информации для северян являются две центральные и одна местная телепрограммы, а также радиоприемники.

— Так зачем я сюда приехал? — размышлял В. Авдеев, директор Колымской ГЭС. — Представьте, вы приезжаете в пустынное и суровое место, а через несколько лет здесь уже город, станция, в которых ваш труд. Через год или два мы увидим здесь современное предприятие. Это наша цель, наша мечта. И мы осуществим ее.

ТИПИЧНАЯ СЕМЬЯ ХОЧЕТ БОЛЬШЕ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ И МЕНЬШЕ СЛЫШАТЬ ВЗАИМООБЛИЧАЮЩИЕ РАЗГОВОРЫ О «НАС» И О «НИХ»

В семье Гришанов шел разговор о том, какое время года здесь лучше.

— Июль — лучший месяц, потому что в июле у нас наибольшее количество зелени. А для северян это очень важно. В июле у нас так хорошо дышится, — высказал свое мнение Анатолий Гришан (пятьдесят

три года), рабочий Магаданского морского порта.

Его жена, Валентина, работник торговли, кивая головой, подтверждала:

— Когда тепло, тогда и хорошо.

Здесь, в Магадане, на берегу Охотского моря, никогда не бывает по-настоящему тепло. Лето дождливое и туманное, с максимальными температурами около пятнадцати градусов. Температура воды никогда не поднимается выше десяти градусов.

Семья Гришанов (у них две дочери: Света, двадцати одного года, и Лена, двух лет) только что закончила смотреть одну из передач серии «Фил Донахью-шоу», транслировавшуюся из СССР. Теперь мы ужинаем и разговариваем.

Магаданский горком партии выбрал эту семью для интервью с двумя западными корреспондентами. Они представляют собой типичную, вполне благополучную советскую семью, ничем не отличающуюся от каких-нибудь Джойсеров, которые могли бы быть выбраны, чтобы представлять американский город.

— Мы поженились семь лет назад, у каждого из нас это вторая семья,— сказала хозяйка дома и, видимо, была немного смущена открытием прошлых семейных проблем.

Три года назад, после четырехлетнего ожидания, Гришаны переселились в собственную двухкомнатную с одной спальней квартиру на четвертом этаже современного пятиэтажного здания без лифта. Две дочки занимают маленькую спальню. Родители спят на раскладном диване в гостиной, где стоит пианино, говорящее о музыкальных наклонностях в семье.

За празднично накрытым столом больше всех говорил Анатолий Гришан.

— Перестройка — это как шахматы: перестроиться очень сложно,— сказал он словами кремлевского лидера М. С. Горбачева.

Маленький бюст Ленина стоит на книжной полке, но никто из родителей не яв-

ляется членом Коммунистической партии («Я коммунист в душе»,— говорит Гришан).

Гришан родился в Белоруссии, его жена — на Украине. Оба потеряли родственников во второй мировой войне, и оба перенесли годы немецкой оккупации.

— Что вы думаете о немцах? — спросил репортер.

— В Западной Германии многое изменилось,— отвечает Гришан.— Те, кто живет там, такие же люди, как и мы. Это все история. То, что случилось, прошло, слава богу.

— А как насчет американцев?

— Когда я рос, все они представлялись мне толстыми капиталистами с сигарами во рту,— смеется Гришан.— Очень большая и непонятная страна.

— Вы все еще думаете так?

— Нет, но мы действительно не знаем о ней многого. Наш единственный источник информации — газеты и телевидение,— отвечает Гришан.— Это необходимо сказать открыто: раньше мы не знали многого, сейчас начинаем познавать.

Наконец, как бы высказывая запоздалую мысль, он добавил:

— Я просто думаю, что слишком много разговоров о «нас» против «них».

Гришаны заговорили о том, кто бы куда поехал, если бы они могли свободно путешествовать.

Светлана (она учится на инженера-строителя) не раздумывает: Япония.

— По радио говорят, что в Японии люди имеют телефоны, помещающиеся в кармане,— говорит она.— Некоторые из моих друзей были в Венгрии, Болгарии, Румынии, но из того, что я слышу об этих странах, ни в какое сравнение с Японией они не идут.

— Я хочу поехать в Италию,— говорит Гришан.— Я не был там, но, кажется, там должно быть тепло. И к тому же я люблю музыку.

— А ты бы куда поехала? — спросил он жену, которая несла кофе из кухни. — На Украину?

Она подтвердила:

— На Украину.

Оба, и муж и жена, планируют после ухода на пенсию уехать на Украину. Они разговаривали об этом, хотя главное — вырастить двухлетнюю Елену и выдать Светлану замуж, как сказал отец.

Светлана покраснела. Она сказала, что слишком занята учебой, чтобы дружить с парнями.

— За какого человека вы могли бы выйти замуж? — спросил один из гостей.

— Я буду беспокоиться о его качествах, когда он по-настоящему полюбит меня, — ответила она.

Светлана — член ВЛКСМ.

— Вы думаете, что все, что обещает М. С. Горбачев, сбудется? — спросили ее.

— Был бы мир, и все сбудется, — сказала она уверенно.

*Перевод с английского
А. ТИМАКОВА*

Никто и никогда
не сможет забыть
самое большое и
настоящее
богатство
магаданской
земли — золото
сердец людей
этого края.

*Владимир
Дивин*

...Хотя я не мог,
как Юрий Рытхэу,
сказать «моя
Чукотка», хотелось
верить, что в
сердце моем
останутся навсегда
и будут согревать
меня эти слова.

*Борис
Крумов*

«Магадан, население которого примерно равно населению Никосии, — вполне современный город».

Софоклис Янни Софокли

Один рабочий,
когда я его
спросил, не
холодно ли,
сказал, что как бы
холодно ни было,
он никогда не
опустит «уши»
своей шапки...
Услышав это,
я почувствовал,
как от ужаса
похолодели мои
собственные уши.

*Софоклис Янни
Софокли*

— Етти! —
приветливо
встречают нас
чукчи.

*Гизела
Реллер*

Совершив настоящую революцию в естествознании, советские ученые продолжают мирное освоение все новых пространств, так необходимых для северян.

*Гельмут
Арнашюс*

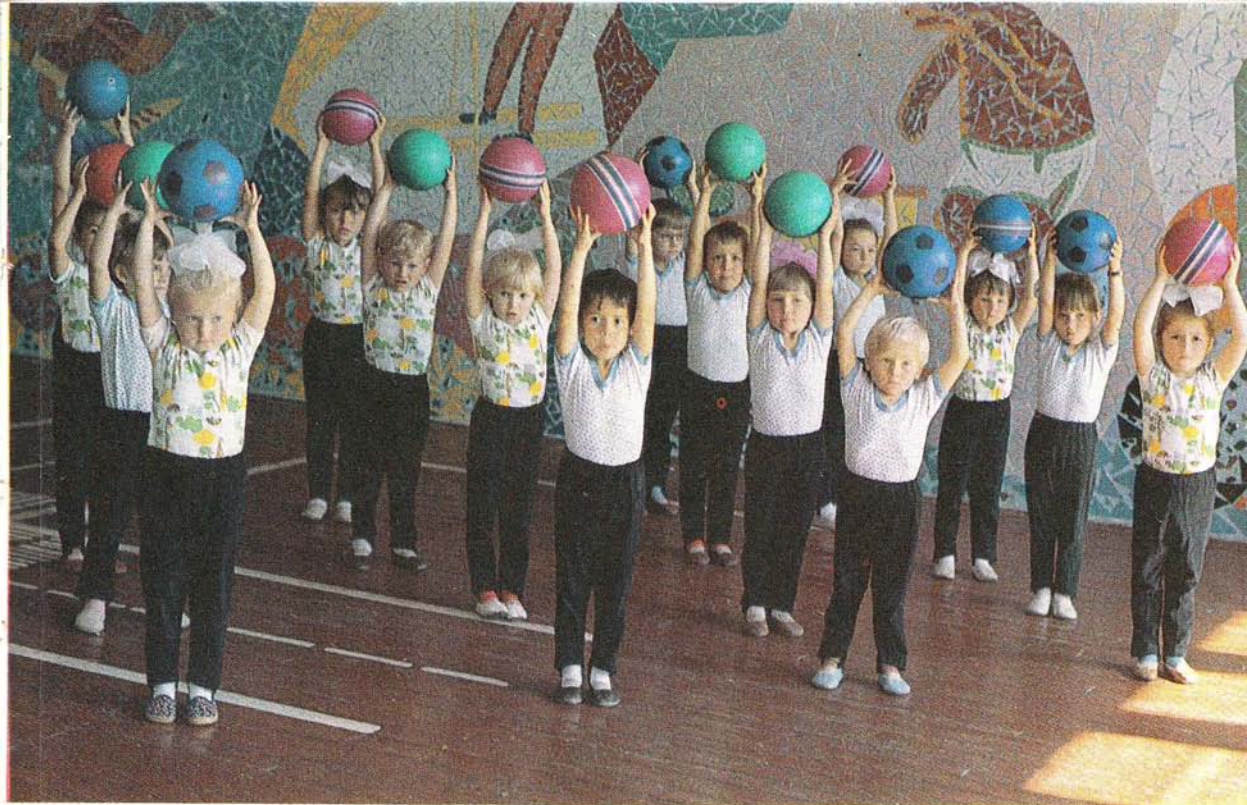
Чудо Арктики —
свежие овощи
в марте.

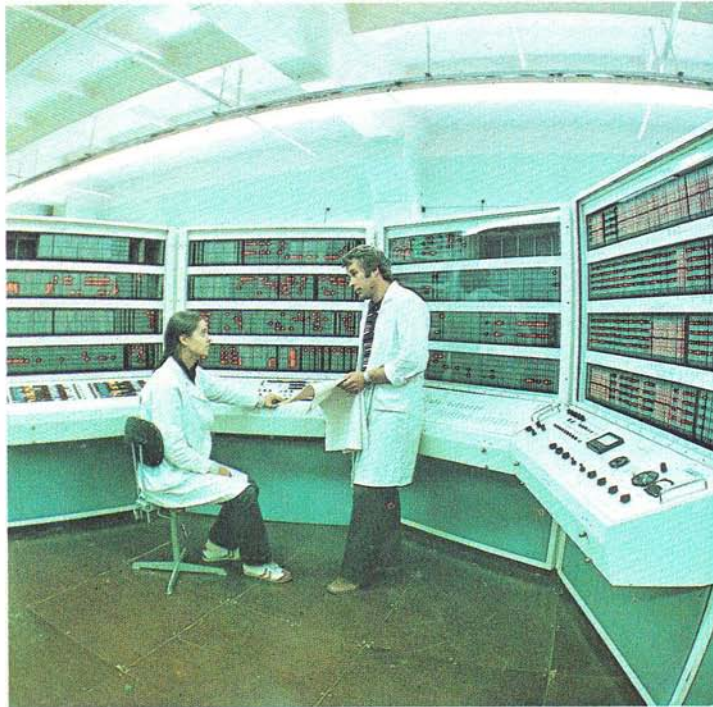
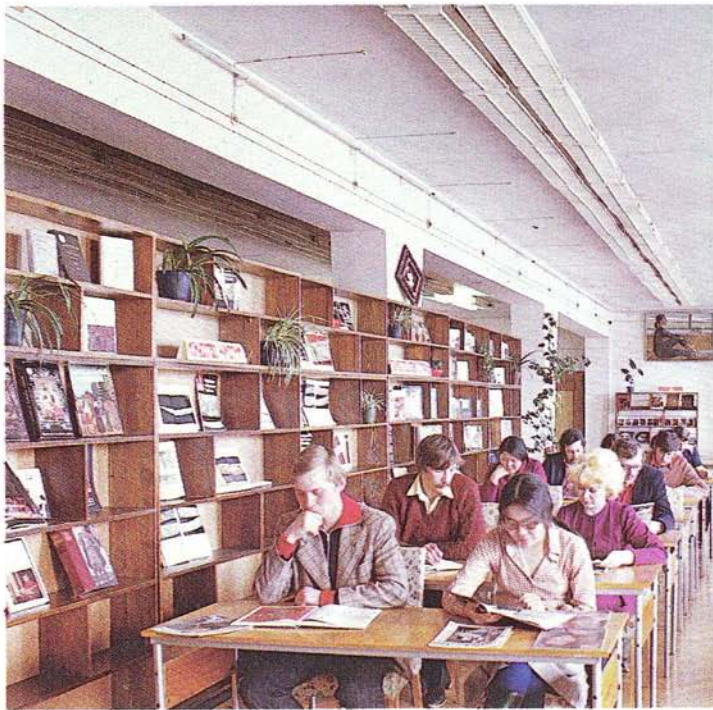
*Владимир
Дивин*

— Что Вас больше
всего поразило в
Арктике?

Фарли Муэт:
«Коровы в
чукотском селе.
И натуральное
молоко, которое
на разлив продают
в местных
магазинах»

Харальд
ХАМРИН

Денежный сундук Советского Союза

Харальд ХАМРИН. Глава московского бюро шведской газеты «Дагенс Нюхетер». Родился в 1939 году. Закончил университет в г. Уппсале, затем учился в аспирантуре Московского и Гарвардского университетов. Получил степень доктора философии в Стокгольмском университете. С 1970 года Харальд Хамрин является сотрудником газеты «Дагенс Нюхетер». Работал в международном отделе этой газеты, был корреспондентом в США. С 1986 года представляет свою газету в Москве.

Харальд Хамрин — автор ряда книг о Советском Союзе и социалистических странах Европы, специалист по проблемам мирового коммунистического движения, военно-политического положения в Северной Европе.

ДЕНЕЖНЫЙ СУНДУК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ветхие бараки, расположенные около порта Магадана, построены кое-как, без водопровода и канализации. Люди могут ждать получения государственной квартиры здесь, в самых отдаленных районах Сибири, находящихся на расстоянии восьми часов полета от Москвы, в течение пятнадцати лет.

Здесьняя земля — это вечная мерзлота, и температура может достигать шестидесяти градусов мороза. Однако здесь есть уголь, серебро, золото и, возможно, нефть.

«Это наш денежный сундук, здесь находятся наши валютные резервы», — говорит директор золотодобывающего предприятия

в Карамкене Харальду Хамрину, корреспонденту «Дагенс Нюхетер», который вошел в первую группу журналистов, получивших разрешение посетить Магаданскую область.

ДЕВЯТЬ ЧАСОВЫХ ПОЯСОВ ВОСТОЧНЕЕ МОСКВЫ

Внизу у Магаданского порта громоздятся ветхие строения бараков. Над ними поднимается новая линия горизонта с современными пяти- и девятиэтажными домами.

В Билибино, небольшом, недавно построенном поселке, ветры с Северного Ледовитого океана прогуливаются взад и вперед вдоль домов, стоящих на врытых в вечную мерзлоту бетонных столбах.

Это советская земля-новостройка, земля чудесной красоты во всей своей бескрайности и пустоте.

Бескрайние пространства, сопки, поднимающиеся из ничего. Редкие лиственные леса, подходящие к безжизненным районам вечной мерзлоты. Безлюдье, бездорожье, беззвучье. Нет другого такого места, расположенного дальше от Москвы: восемь часов полета и девять часовых поясов восточнее советской столицы.

Географические факты: расстояние между Москвой и Вашингтоном в одну сторону и между Билибино и Вашингтоном в другую сторону короче, чем расстояния между вышеуказанными советскими городами. Солнце в Билибино встает на два часа раньше, чем в Японии, Стране восходящего солнца.

Другие географические факты: Магаданская область, простирающаяся между Охотским морем, Северным Ледовитым океаном и проливом Беринга, более чем в два с половиной раза превышает территорию Швеции, расстояние между двумя крайними точками области равно расстоянию между такими государствами, как, например, Швеция и Тунис.

ПУСТОШЬ

На этой земле, которая лишь до недавнего времени была пустошью, история измеряется не столетиями, а десятилетиями. Немногим более пяти десятилетий назад, в 1928 году, пришли первые советские поселенцы в район бухты Нагаева и разбили свои палатки на том месте, где сейчас находится Магадан. В Билибино первые капитальные дома были построены в начале шестидесятых годов.

Однако за это короткое время леса и сопки вокруг и в стороне от Магадана пережили все: унижение и богатство, допотопную кочевую жизнь и самую современную атомную технологию.

Магадан связан с темным периодом советской истории, с тем, что А. Солженицын назвал «Архипелаг Гулаг». Однако сегодня представители местной власти охотнее предпочитают смотреть вперед.

«Мы боремся за то, чтобы создать другое представление о нашем городе, — говорит Ангелина Осина, первый секретарь горкома партии в Магадане. — Чтобы, услышав название нашего города, люди могли вспоминать что-то другое».

АЭС

Это «что-то» представляет собой порт с современным контейнерным оборудованием и ледокол, построенный фирмой «Вяртсиля» в Финляндии, а также АЭС вблизи Билибино, систему по выплате зарплаты при помощи ЭВМ на крупном предприятии в Соколе, новую ГЭС вблизи Синегорья, где используются шведские рубильники.

В Магаданском комплексном институте Академии наук ученые рассказывают об огромных богатствах северо-восточных районов Советского Союза. Здесь имеется свинец, цинк, медь и молибден. Найдены большие запасы угля. Область также богата серебряной рудой. «Хотя слово руда, возможно, не совсем правильное выражение, — считает один из ученых, — поскольку сереб-

ро здесь встречается почти в чистом виде». Что касается добычи нефти, то перспектива на это тоже очень хорошая, и область может стать «новой Аляской». Помимо всего этого, здесь находятся «гипсовые горы», уникальные месторождения гипса высшего качества, которые можно наблюдать простым глазом из космоса. Но прежде всего название Магадан (города и области) связано с золотом.

«Это наш денежный сундук, здесь находятся наши валютные резервы», — говорит Николай Селютин, директор золотодобывающего предприятия в Карамкене.

Такое впечатление, что Магадану предстоит большое будущее. Однако это не совсем так. В отношении гипсовых гор, видимых из космоса, говорит Анатолий Сидоров, директор комплексного института Академии наук: «Они колоссальны, но, к сожалению, находятся в наиболее отдаленных районах нашей области. Разрабатывать эти месторождения сложно».

Такое же положение сложилось и с нефтью, углем, железной рудой и другими полезными ископаемыми.

На этой земле, где отсутствует железная дорога, и единственной дорогой является Колымская автотрасса, любое отклонение в сторону заставляет людей и предприятия почти целиком полагаться на самолеты и вертолеты. Практически лишь золото является единственным полезным ископаемым, чья ценность в отношении к весу мотивирует целесообразность авиатранспорта.

ПОСЕЛЕНЦЫ

На этой земле с бездорожьем, голыми сопками и редколесной тайгой, когда температура достигает шестидесяти градусов мороза и зимой дуют ветры со скоростью сорок метров в секунду, несмотря на все сложности природы, живут и трудятся люди. Зачем же они сюда стремятся?

«Для того, чтобы бросить вызов самим себе и испытать чувство непосредственного

участия в строительстве новых городов», — отвечает Валентин Авдеев, директор новой ГЭС вблизи Синегорья, и повторяет то, что неоднократно мне говорили другие во время моей недельной поездки по Магаданской области.

Безусловно, в этом ответе имеется доля правды. Я в течение этой недели встречал многих, кого можно назвать пионерами.

Но это касается и другого: зарплата, которая в два, три раза выше, чем в центральных районах Советского Союза, более длительный отпуск (сорок два рабочих дня), более низкий пенсионный возраст (пятьдесят пять лет для мужчин и пятьдесят — для женщин) и лучшие возможности сделать карьеру для тех, кто молод, силен, активен и инициативен.

Однако существующие проблемы также обладают гигантскими масштабами, как если бы они соизмерялись с местными непомерными расстояниями. Основной из них является нехватка жилья, что открыто признается местными руководителями.

«К 2000 году у каждой семьи будет своя квартира, — говорит Ангелина Осина — первый секретарь Магаданского горкома КПСС. — Мы должны улучшать условия жизни и в первую очередь для молодежи».

Баракы внизу, у порта (незаконно построенные самими жителями), по ее мнению служат свидетельством «наших ужасных корней». Но что же делать, когда существует необходимость в рабочей силе? Не направлять же туда милицию, чтобы выселить их из домов, построенных ими самими без водопровода и канализации? А если у города нечего им вместо этого предложить?

МОЛОДЕЖНОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

Начальник Магаданского порта Валерий Болдычев рассказывает, что из двух тысяч его служащих двести, в основном одинокие, живут в молодежном общежитии. Пятнадцать семей (каждая из четырех человек) имеют лишь по одной комнате.

А как долго им ждать получения квартиры?

«Вероятно, мне не стоит говорить об этом, — отвечает он после длительного молчания. — Но фактически четырнадцать-пятнадцать лет. Плохие цифры, очень плохие».

В лежащем севернее Билибино местный партийный комитет организует встречи с семьями трудящихся. Я оказываюсь в гостях в семье рабочего-строителя, у которого есть двое детей. Они живут в новой двухкомнатной квартире с современными кухней и ванной комнатой. Но на улице ко мне подходит женщина и жалуется, не называя себя, что она, ее муж, сын, дочь и зять живут все в одной комнате, в квартире, которую она делит с двумя другими семьями.

«Напишите об этом в вашей газете», — обращается она ко мне, прочитав в местной газете о посещении поселка иностранными корреспондентами.

За жилищной проблемой стоит другая проблема. Ежегодно в Магадане регистрируется две тысячи сто пятьдесят браков и тысяча триста пятьдесят разводов, то есть уровень разводов составляет шестьдесят три процента. Из трудоспособного населения сорок три процента составляют женщины и пятьдесят семь — мужчины, то есть «половой промежуток» равен четырнадцать процентам. Многие мужчины остаются неженатыми или возвращаются в центральные районы страны.

Руководитель обкома партии Александр Богданов утверждает, что численность прибывающих и убывающих за последние годы стабилизировалась, люди остаются на более длительные сроки, пускают корни и чувствуют себя, «как дома». Тем не менее каждый год примерно каждый десятый житель все еще покидает эти места. А большинство планирует, выйдя на пенсию, купить квартиру и машину, как они сами говорят, на «материке». «Материком» они считают Украину и европейские районы РСФСР. Сами же они живут на островке, не имеющем дорожной связи с окружающим миром.

«НАША ТРАГЕДИЯ И НАША БОЛЬ»

Редколесье тайги пробегает за окном автобуса. Тридцать градусов мороза, несмотря на то, что весна уже пришла со своими длинными днями и солнцем. Я раздумываю над тем, каково же бывает в темные зимние ночи, когда ураган и холод проникают в самое нутро человека.

Это — лагерная земля, частичка «архипелага Гулаг», и я неожиданно понимаю, что значит бороться за свою жизнь, имея несколько граммов хлеба, водянистый суп «за ремнем» и пятьдесят градусов мороза, который, как броня, окружает истощенное и хрупкое тело.

«Да, это было нашей трагедией и нашей болью», — говорит сидящий рядом со мной в автобусе мужчина. Чуть раньше мы находились в его директорском кабинете и разговаривали о производственных делах и доходах. Он средних лет, со взором, направленным в будущее, в то, что еще не успело стать историей. Сейчас же он окидывает взглядом прошлое.

«Об этом мы много не говорим, но часто думаем. Это было время бедствий и позора. Сейчас лагеря разрушены, и все следы уничтожены. Но каждый раз, когда мы проезжаем мимо этих мест, я обычно рассказываю моим детям о том, что здесь раньше находилось. Может быть, придет время, когда станет возможным рассказывать об этих лагерях в школах».

Он говорит, что сегодня это все принадлежит прошлому и что «нам так много надо сделать» для будущего, и что «мы знаем, такое больше не должно повториться».

Я спрашиваю, видел ли он фильм о Сталине Тенгиза Абуладзе «Покаяние»?

«Да, я видел этот фильм в Москве, — говорит он, — но мне он не понравился. Описывать то время в гротескном, абсурдном виде... Нет. Нужно сделать фильм, в котором зло было бы изображено таким, какое оно есть».

Несколько самых крупных лагерей находились как раз здесь, около Магадана, в бассейне реки Колымы, по размерам равном половине Швеции, и даже около самой улицы Сталина в центре города, около улицы, которая сегодня носит имя Ленина*. Память об этом времени настолько мрачна, что даже когда я рассказал моим друзьям в Москве о предстоящей поездке на Колыму, их первым вопросом, пронизанным горьким мрачным юмором, был: «У тебя есть обратный билет?»

Все началось уже в тридцатые годы, когда была создана строительная организация «Дальстрой». Дальстрой — это крупная стройорганизация (почти как государство в государстве), которая была основана с целью «открыть» северо-восточные районы Советского Союза для человеческих поселений. Основной причиной было золото Колымы. Дальстрой был всем и делал тоже все. Эта организация строила дороги и мосты, дома и бараки, фабрики, порты и шахты, вырубала леса и строила лагеря для заключенных.

В течение тридцатых — сороковых годов число заключенных росло со страшной быстротой. Из всех лагерных районов сталинского Советского Союза Колыма стала крупнейшим и самым страшным. Число заключенных в одно и то же время было, возможно, и не таким уж большим. По различным данным где-то полмиллиона человек, но смертность среди них была очень высокой. Каждый год умирала примерно третья часть населения лагерей. Голод постоянно собирал урожай новых жертв. Рацион питания, состоящий в день из восьмисот граммов хлеба и тарелки пустого супа, был как смертный приговор.

Цинга и туберкулез процветали. О бегстве из этого белого ада не было и речи:

* Здесь неверно. Улица Сталина была переименована в проспект Карла Маркса (прим. ред.)

каждая попытка завершалась или быстрой пулей, или медленным замерзанием в бескрайней, глухой пустоши.

ПАМЯТЬ ДО СИХ ПОР ЖИВЕТ

В пятидесятых годах (после смерти Сталина в 1953 г.) были распущены как Дальстрой, так и лагеря для заключенных. Но память о них до сих пор живет. И не так уж мало освобожденных заключенных остались жить на Колыме. Они, по странной иронии судьбы, «пустили корни» на далекой Колыме. Один из тех, кто пережил все это, — Иван Лукин. Сегодня это восьмидесятидвухлетний инженер на пенсии с живыми глазами и быстрыми руками. Он охотно рассказывает о Колыме, не имеющей ничего общего с лагерями. О том, как он, двадцативосьмилетний молодой коммунист, прибыл сюда добровольно строить новые поселения. О том, как он провел первое лето в палатке и пешком преодолел пятьдесят миль по тайге, полной мошкары. О том, как он строил первое золотодобывающее предприятие на этой абсолютной пустоши. О том, как он видел возникновение предприятий, дорог и жилых домов там, где до этого были лишь камень, лед и снег.

О лагерях для заключенных и о самих заключенных, к кругу которых он никогда не принадлежал, но часто общался с ними по работе, он рассказывает не так уж охотно.

«Очень больно сегодня говорить об этом, — отвечает он после долгого молчания. — О чем? Да о 1937 годе и других годах, когда свирепствовала чистка в далекой Москве и даже здесь, в Магадане, затрагивая тех, кто приехал сюда добровольно. Да, о 1937-м, этом ужасном годе. Многие из моих друзей...»

ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК

— Вы имеете в виду тех, кто прибыл сюда в качестве заключенных, или друзей и коллег по Дальстрою?

— Да, друзей по Дальстрою. Даже они попадали в лагерь.

— Многие?

— Да, многие...

Он также рассказывает о первом начальнике Дальстрою легендарном Эдуарде Берзине. Первые лагеря были построены еще в его время. Однако, несмотря на всю их антигуманность, жизнь в лагерях во времена Берзина каким-то странным образом была вполне человеческой. Хуже она стала там позже. Иван Лукин помнит, что Берзин, несмотря ни на что, был человеком, полным энтузиазма, мечтающим построить новый мир в безлюдных районах Колымы.

— Но однажды, в 1937 году, его вызвали в Москву. Говорили, что он должен доложить Сталину о золоте на Колыме. Он выехал туда на поезде. На одной из станций неподалеку от Москвы в вагон вошли несколько человек и отвезли Берзина в Бутырку. Он был расстрелян. Говорили, что он был «врагом народа», хотел отделить Дальний Восток от Советского Союза и присоединить его к Японии. Хотя, понятно, ничего такого не было.

Лукин указывает на поликлинику на противоположной стороне улицы. Там находился, по его словам, лагерь для восьмисот заключенных рабочих-строителей.

Для Ивана Лукина и директора, сидящего около меня в автобусе, лагеря для заключенных являются памятью, которая доставляет боль и вызывает чувство стыда.

«СЕКРЕТНОЕ» ЗОЛОТО — ОСНОВА ЭКОНОМИКИ

Владимир Ленин, основатель Советского государства, однажды сказал, что придет время, когда будут делать унитазы из золота.

«Мы убеждены, что так оно и будет, хотя, конечно, не в буквальном смысле», — говорит Николай Селютин, директор горнообогатительного комбината в Карамкене, и улыбается, показывая два ряда прекрас-

ных золотых зубов. Это замечание вызывает улыбку согласия у первого секретаря райкома партии Валентина Золотова. Его фамилия ассоциируется с русским словом, означающим «золото».

Да, правда! В Карамкене на десять миль кругом все замыкается на золоте. Без золота Карамкена не было бы на карте.

В Билибино, выше к северу, положение примерно подобное.

«Почти вся наша экономика основана на золоте, — говорит Татьяна Малиновская, первый секретарь Билибинского райкома партии. — Мы производим немного мяса, яиц и овощей в теплицах, все для местного потребления. Но кроме золота, мы ничего другого не вывозим».

Такое положение царит почти повсеместно в Магаданской области. В комплексном институте Академии наук один ученый рассказывает, что будущее области будет основываться на «комплексном использовании полезных ископаемых». Однако до сих пор и еще долгое время в будущем золото будет являться основой местной экономической деятельности.

В Карамкене нас сопровождает директор обогатительного комбината Селютин. Маленький поезд, скрипя и грохоча, везет нас на два километра внутрь горы. С помощью бурильных машин и динамита пробиваются в горе тоннели. Несколько вертикальных золотоносных жил уходят вверх и в глубину. Никто не знает, насколько глубоко вниз уходят эти жилы, и поэтому все еще продолжают геологоразведочные работы.

В ТАЙНЕ

Маленькие поезда вывозят руду наружу. На обогатительной фабрике она перемалывается гигантскими жерновами. С помощью химических веществ и электролиза отделяется золотая пыль, которая затем отправляется на дальнейшую обработку в другие места.

О том, где производятся готовые золотые

слитки, директор Селютин говорить не хотел. Держатся в секрете и многие другие сведения.

— Сколько рабочих трудятся в шахте и обогатительном цехе в Карамкене?

— Достаточно много для выполнения плана, — отвечает он, демонстрируя свою золотую улыбку.

— Сколько руды добывается в Карамкене?

— Достаточно, чтобы мы были рентабельны.

— Сколько золотодобывающих шахт в Магаданской области?

— Несколько.

— Почему все, что касается золота, держится в тайне?

— Золото — это валюта, — отвечает Николай Селютин. — И все, что касается валюты, у нас сохраняется в тайне.

ПРОМЫВАЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

И так отвечают везде, куда ни приедешь. Два слова, которые десятилетиями ассоциировались с Магаданом — золото и лагеря для заключенных, — огораживаются тысячами табу. Существование золота и лагерей признается. Но в остальном поездка по земле золота и лагерей (уничтоженных в настоящее время) становится своего рода посещением кинотеатра с показом немого кино.

И тем не менее, современная история Магаданской области начиналась с золота и лагерей. Помимо отдельных индивидуальных золотоискателей и немногочисленных местных жителей (чукчи, эскимосы, эвены и другие) почти вся Северо-Восточная Сибирь была безлюдным краем вплоть до 1930 года. Тогда-то и началась широкая добыча золота, и работали там в основном рабочие, привлеченные из лагерей, существовавших в тех местах в мрачный период правления Сталина. С водянистым супом и восьмьюстами граммами хлеба в желудке лагерные заключенные (обычные уго-

ловники и политические) промывали свои ежедневные рационы золота.

В самом начале и в течение многих последующих лет золотой песок промывался примитивным промывочным ситом, которое было единственным орудием их труда. Замерзший песок разогревался теплом костров, сооружаемых другими заключенными.

Данные, основанные на сведениях 1971 года, свидетельствуют, что лет пятнадцать назад насчитывалось двенадцать-тринадцать тысяч старателей (почти более половины из них — частники), которые добывали до семидесяти тонн золота. Сегодня эти данные не ниже, а скорее выше. К тому же старатели-частники производят, вероятно, существенную часть всей золотодобычи (скорей всего, почти половину) в Северо-Восточной Сибири, включая Магаданскую область. Например, Карамкенская подземная шахта, по оценкам английского специалиста, должна давать пятнадцать тонн золота в год. Она является сегодня лишь одной из небольшого количества крупных шахт в Северо-Восточной Сибири (правда, руководство Карамкенского комбината планирует открыть две новые шахты на полуострове Камчатка).

Деревянное промывочное сито давным-давно стало музейным экспонатом. Лагерные заключенные заменены простыми рабочими и забыты сегодняшними советскими историками. Однако золото вместе с Магаданом пойдут дальше, в будущее, даже если ленинскому предсказанию не суждено сбыться.

РУССКИЕ БЕРУТ НА СЕБЯ ШЕФСТВО

КУЛЬТУРА В ГЛУШИ

В деревянной избе, далеко в тайге, в сорока милях от ближайшего населенного пункта, стоит Дмитрий Ходьяло, одетый в цветастую одежду эвенгов, перед портретом Ленина. У избы его ожидают оленья

упряжка и гусеничный вездеход, которые доставят его на пастбища.

На расстоянии мили от Билибино сверкает лампочками пульт управления АЭС — как бы взятая из будущего сцена из «Звездных войн».

Путешествие по Магаданской области напоминает одиссею по стране контрастов. Старое и новое переплетаются. Традиционная культура сталкивается с видениями будущего века ЭВМ.

Дмитрий Ходьяло принадлежит к небольшой народности эвенгов, одной из многих малочисленных народностей, которые населяли полуостров Чукотка за тысячулетия до того, как первый русский вступил на эту землю в семнадцатом веке.

БЕЛАЯ ПУСТОТА

Вертолет уносит нас за сорок миль от Билибино. Путь лежит над безлюдной тайгой, над холодными сопками и лиственными лесами, редкими, как пушок на подборке подростка. Где-то в бесконечной белой пустоте стоит Дмитрий Ходьяло на лесной поляне и встречает большую машину, которая своими вращающимися лопастями отпугивает пасущихся оленей.

В деревянной избе с вывеской «Красный уголок» (рука и голос Коммунистической партии достигают даже самых отдаленных мест человеческого обитания в Советском Союзе) он осуществляет прием, стоя под портретом Ленина, который является обязательной принадлежностью во время таких церемоний. На стенах в этой избе, месте сбора оленеводов, служащем как для политических собраний, так и для веселых празднований, высвечиваются обязательные для такого рода мест лозунги с текстом: «Защитим мир самоотверженным трудом!» и «Воплотим в жизнь решения XXVII съезда партии!»

Дмитрий Ходьяло является бригадиром седьмой бригады оленеводов в совхозе «Омолон».

«Мы награждены за стопроцентную сохранность оленей в прошлом году, — говорит Дмитрий. — Ни один из наших оленей не стал жертвой волков. А в прошлом году мы застрелили пятьдесят пять волков. И семь волков убили только на прошлой неделе».

ЗИМНИЕ ПАСТБИЩА

В бригаде Ходьяло семь-восемь оленеводов и четыре женщины, которые проводят свое время за шитьем, приготовлением пищи и осуществлением радиосвязи с окружающим миром. Бригада несет ответственность за две тысячи четыреста оленей, которые как раз сейчас находятся на зимних пастбищах в восьми милях от центральной усадьбы совхоза «Омолон».

Здесь же, в абсолютной пустоте, находится зимняя база бригады с «красным уголком», дюжиной передвижных домиков, яранг для жилья.

В совхозе тридцать четыре тысячи оленей, пасущихся на совхозных пастбищах, занимающих семь миллионов гектаров. Тысяча шестьсот жителей совхоза (половина из них — коренные жители) живут на центральной усадьбе — в квартирах, находящихся в двухэтажных домах. Там есть магазины, школа (включая интернат для детей оленеводов), врачи и детский сад.

«У нас была проблема. Когда мы, оленеводы, время от времени приезжали в Омолон, то в магазинах все уже было распродано, — рассказывает Ходьяло. — Поэтому недавно для оленеводов был открыт специальный магазин, где продаются одежда, обувь, радиоаппаратура и все остальное, что нам нужно».

РОДНОЙ ЯЗЫК

Каких-либо проблем по сохранению традиционной культуры и образа жизни чукчей, эвенов и других народностей Ходьяло не ощущает. «В школе обучение ведется, конечно, на русском языке, но дома мы

говорим только на родном, — объясняет он. — Сохраняется национальная одежда. Почти все мальчики хотят продолжать профессию родителей и быть оленеводами. А те, кто предпочитают, несмотря на все, заняться каким-либо современным ремеслом, имеют для этого все возможности».

Как все это обстоит на самом деле, трудно сказать. Но некоторые обстоятельства говорят о том, что все обстоит, вероятно, сложнее.

«Я хочу стать водителем грузовика в Магадане, — говорит восемнадцатилетний Павел. — Мечтаю получить водительское удостоверение. Вероятно, я смогу его получить на следующий год, когда меня призовут в армию».

Один оленевод подъезжает на оленьей упряжке из леса. Он одет в штормовку и меховую куртку вместо красивой одежды, которую носят хозяева, занимающиеся приемом гостей. Он не слышал о том, что в седьмой бригаде ожидается приезд иностранцев из Москвы.

НА ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Две женщины-чукчи наблюдают за своими трехгодовалыми малышами, которые резвятся на куче дров. Они предостерегают их (по-русски) вести себя осторожно.

— На каком языке вы обычно говорите с детьми? — интересуюсь я.

— На чукотском, — отвечает одна из них.

— Всегда?

— Да, всегда.

Где правда, а где лишь видимость? Очевидно, есть и то, и другое.

В Билибино Татьяна Малиновская, отвечая на вопрос о существовании напряженных отношений между русскими и представителями коренного населения, говорит, что «мы живем так, как вы видите это. Мы не замечаем каких-либо особых отношений, а это самое главное».

На прямой вопрос она, однако, вынужде-

на признать, что никто из чукчей не стоит во главе какого-либо предприятия или совхоза в Билибинском районе (директором оленеводческого совхоза в Омолоне, например, является Владимир Ильченко, русский).

«Но мы уже начали принимать меры, чтобы изменить это положение,— говорит она.— Это, естественно, займет время. Это также касается вопроса об образовании и необходимой подготовке».

На АЭС, неподалеку от Билибино, среди обслуживающего персонала ни одного представителя коренного населения.

Билибинская АЭС представляет еще один полюс между старым и новым и накладывает отпечаток на жизнь Магаданской области. Это небольшая АЭС с четырьмя реакторами по двенадцать мегаватт каждый. Их мощности хватает для обеспечения энергией Билибино и всей его округи в радиусе пятьдесят миль.

Однако планируется в ближайшие годы строительство еще трех новых реакторов, которые будут производить сто мегаватт энергии, или в два раза больше, чем в настоящее время.

«АЭС — это единственный возможный источник энергии в глуши,— говорит главный инженер Александр Золотилин.— Без железных и автомобильных дорог нет смысла использовать уголь или нефть».

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Даже атомная энергия здесь стоит дороже, чем в центральных районах Советского

Союза. Даже сами сооружения стоят здесь в три раза больше.

Из-за вечной мерзлоты особую важность приобретает строительство прочного фундамента для реакторов. «На нынешней станции, по нашим подсчетам, на каждый киловатт мощности приходится тысяча шестьсот рублей инвестированного капитала,— говорит он.— На новой станции эта цифра составит две тысячи триста рублей». Энергия идет в основном на обеспечение деятельности золотодобывающей индустрии, а золото — это ведь металл, обладающий особой стоимостью.

«Авария в Чернобыле,— рассказывает он,— имела свои последствия даже здесь, но не столь большие. Были рассмотрены рутинные процедуры, изменен рабочий график, происходит замена насосов охлаждения. Однако это и так должно было произойти. Единственно новым моментом в действительности стало то, что мы разработали план эвакуации двенадцати тысяч жителей Билибино, которого раньше не было. В случае аварии, по нашим расчетам, мы сможем вывезти население за пять часов».

Это — новая Сибирь, Сибирь будущего. Чукчи и эвены находятся, невзирая на проблемы и трудности, на марше труда. Возможно, с этим они потеряют частичку своей души.

*Перевод со шведского
И. ФИЛИПОВА*

Борис
КРУМОВ

Путешествие на Чукотку

Борис КРУМОВ. Известный болгарский писатель. Отрывок «Путешествие на Чукотку» из книги «Дальний Восток вблизи» опубликован издательством «Прогресс» в 1984 году на русском языке.

ПОД ВЕТРАМИ ДВУХ ОКЕАНОВ

Когда-то на путешествие в эти далекие от Европы места уходили целые месяцы. Сейчас до Чукотки — восточной оконечности Евразийского континента — можно добраться всего за одни сутки. Но прежде следует остановиться в Магадане. После перелета из Москвы в одиннадцать тысяч километров, не обладая выучкой космонавта, вы испытываете непреодолимое желание почувствовать под ногами землю.

Магадан — это областной центр, численность его населения менее чем за сорок лет перевалила за сто тысяч жителей. Своей молодостью город напоминает семнадцатилетнюю хорошенькую девушку, которая только что вышла из переходного возраста, и не сожалев о прошедших годах, думает лишь о завтрашнем дне.

Наверное, в мире найдется мало таких городов, как Магадан, который с первого взгляда пленяет своей молодостью, — повсюду совсем новые дома, еще пахнущие известью и цементом, открытые молодые лица. Въезжая в город, поражаешься характерной для русских масштабностью и размахом в планировке и строительстве новых населенных пунктов. Улицы Магадана просторны, и, даже не будучи специа-

листом, сразу можно понять, что они спокойно вместят неоскудевающие потоки автомобилей и автобусов.

Когда-то американская газета «Нью-Йорк таймс» посвятила этому городу целую страницу под заголовком «Русские строят мертвый город. Магадан ожидает участь Даусона». Даусон — это канадский город на границе с Аляской, разросшийся в начале века во времена «золотой лихорадки». Впоследствии оказалось, что золотые прииски около него не оправдали себя, и город быстро опустел.

По дороге в гостиницу наш шофер с лютостью экскурсовода объясняет:

— Мы едем по самой длинной в мире улице.

Его тон и выражение лица слишком серьезны, чтобы можно было принять его слова за шутку или бесцеремонное хвастовство.

— Это не мания величия, — поясняют сопровождающие меня товарищи, — центральная улица города действительно служит началом Колымской автомобильной трассы, которая проходит через всю область с юга на север.

Позже, рассматривая карту этого района, я увидел, что «с юга на север» значит от Тихого до Ледовитого океана, а километраж обозначен четырехзначными числами. Трасса минует три географические зоны — тайгу, лесотундру и тундру, а территория Магаданской области больше Франции и Испании, вместе взятых.

Я приехал сюда в начале июня из Москвы, где в разгаре было лето, но в Магадане еще не растаял снег. На улицах сажали деревья — лиственницы высотой в два-три метра, привезенные прямо из тайги. Магадан расположен примерно на той же широте, что Ленинград, Хельсинки, Таллин. Но в эти города давно уже пришла весна, а в Магадане люди все еще ходили в зимних пальто, цветы и деревья на улицах и в парках не распустились.

Мой сопровождающий, Николай, московский журналист, знакомый с холодом северных широт, сказал мне, что постоянно

чувствует влечение к Дальнему Востоку. Он уже путешествовал по Хабаровскому краю и Сахалину.

— Кажется, мы слишком легко оделись, — говорит Николай, потирая замерзшие руки. — Надо было взять перчатки. Насколько я понимаю, ветер здесь одинаково холодный, что с юга, что с севера.

Город расположен на берегу Охотского моря, а как известно из географии, оно не теплее морей Ледовитого океана, которые омывают берега Магаданской области. Так что «южные ветры» здесь совсем не обязательно теплые.

Магаданская область — одна из самых молодых в Советском Союзе, она создана в 1953 году, но человек пришел сюда еще в доисторические времена. На территории области найдены следы людей, проживавших здесь десятки тысяч лет назад. В сегодняшних ледяных пустынях Северо-Востока когда-то росли леса, и в них обитали древние животные. Время от времени газеты публикуют сообщения о найденных здесь костях мамонта или бизона. В условиях вечной мерзлоты возможны и такие находки, как полностью сохранившийся экземпляр мамонта. Такое и вправду случилось несколько лет назад, когда был найден знаменитый мамонтенок Дима.

В краеведческом музее Магадана представлены следы обитателей этих земель пятнадцати — двадцатитысячелетней давности. Огромный интерес для любителей старины представляют наскальные рисунки на берегах реки Пегтымель, протекающей вблизи от Ледовитого океана, на которых изображены силуэты оленей и сцены из жизни охотников на китов времен позднего неолита.

При Северо-Восточном научно-исследовательском институте есть музей с исключительно редкими экспонатами, которым позавидовал бы и Британский музей в Лондоне. Кроме следов первых обитателей Крайнего Севера, здесь представлены и бо-

гатства этой вечномерзлой земли: самоцветы, различные руды металлов, золотосодержащие скальные породы и найденные в разное время великолепные слитки самородного золота (правда, в муляжах, но очень похожих на настоящие).

В газете «Правда» я прочел как-то статью одного известного академика, который назвал Магаданскую область «валютным цехом страны». Тогда это сравнение показалось мне напыщенным журналистским приемом. Однако даже после поверхностного знакомства с деятельностью Северо-Восточного научно-исследовательского института и его музеем я понял, что выражение «валютный цех» недостаточно полно определяет возможности этого края.

Чукчи так объясняют залежи золота в своих землях.

В далекие времена на Чукотке было так тепло, что люди никогда не носили меховую одежду и обувь (кухлянки и торбаса). Здесь росли буйные леса и высокие травы, в которых скрывался золотой олень. Где бы он ни прошел, люди жили богаче, в их глазах светилась радость, звучал смех. Ни у кого и в мыслях не было убить оленя, который приносит счастье. Но, как обычно случается, боги рассердились на людей и решили наказать их за мелкие слабости и грехи. Они пригнали в эти места холодные ветры. Холод поразил все живое, замерзли травы и деревья. Спасаясь, золотой олень укрылся в недрах земли, но она замерзла, и он остался в ней навсегда. Олень был таким огромным, что его голова оказалась на Аляске, туловище и передние ноги — на Чукотке, а задние ноги — на Колыме.

Во второй половине прошлого века «золотая лихорадка» перекинулась через Тихий океан и огромной волной захлестнула русские дальневосточные земли, где в нескольких местах были открыты золотые россыпи. В последующие десятилетия русское правительство и некоторые акцио-

нерные общества при участии русских, американцев и англичан снаряжали геологические экспедиции на территорию нынешней Магаданской области. Особенно разыгралась «золотая лихорадка» в первое десятилетие нашего века. В банки Аляски от золотоискателей Колымы и Чукотки поступило следующее количество золота: в 1906 году — двадцать семь килограммов, в 1907-м — двадцать восемь, в 1908 году — сто два килограмма.

Золотоискатели проникали все глубже в тайгу и тундру. Многие не вернулись оттуда, как, например, некий Бориска, решивший из алчности действовать в одиночку. По рассказам, оленеводы наткнулись на его труп, под которым нашли золото.

В то время один предприниматель из Сан-Франциско, торговавший на Чукотке, писал:

«Я живу в каменном веке. Эта страна больше похожа на образ, созданный мечтаниями обезумевшего фантаста, чем на реальный кусок нашей старой планеты. Склоны горных хребтов на сотни миль покрывают черные голые камни... Я уверен, что бог сотворил эту землю в припадке мрачной ипохондрии, а потом забыл о ней, и хозяином ее стал сам дьявол. Чем, как не дьявольской шуткой, можно объяснить тот факт, что именно из этого ужасного края мы получаем белоснежные шкурки, украшающие плечи наших дам, и что именно здесь, должно быть, скрывается «золотой теленок».

Золото на Чукотке было. Старатели намывали его во все больших и больших количествах. Но крупных залежей, имевших промышленное значение, до революции так и не нашли.

Первым золотоискателям пришлось нелегко. Им мешали передвигаться необъятные просторы тайги, болота, бездорожье, полное отсутствие техники. Однако несмотря на огромные трудности геологи мужественно делали свое дело. Они проходили

огромные расстояния зимой, когда от мороза трещали камни, и летом, когда даже через два слоя одежды нещадно кусали комары и гнус.

В 1928 году Советское правительство снарядило одну из первых экспедиций для изыскания залежей золота на территории теперешней Магаданской области. Экспедицию возглавил двадцативосьмилетний ученый Юрий Билибин. В течение нескольких лет он руководил геологическими исследованиями на Колыме и создал целую школу талантливых геологов, которые позднее подтвердили его блестящие предположения и прогнозы относительно добычи золота. Его именем назван районный центр, где сегодня работает атомная электростанция.

В Северо-Восточном научно-исследовательском институте, да и вообще в городе Магадане, можно встретить людей, знавших Билибина и работавших вместе с ним, и услышать любопытные истории о пионерах золотых разработок на Колыме. Кроме института хозяева города показали мне высшие и средние учебные заведения, где учится молодежь северных народностей. Я побывал на ряде предприятий, которых здесь теперь довольно много.

Как и в каждом советском городе, в Магадане есть свой Дворец культуры — большое красивое здание, всегда переполненное людьми. В одном из его залов устроен ботанический сад, где два раза в год ревностные любители цветов организуют свои выставки. В миниатюрном саду цветут лимоны и зеленеют пальмы, благоухают распустившиеся цветы, поют птицы южных широт. И все это происходит в холодном, заснеженном Магадане!

Когда я впервые оказался в этом саду, то увидел здесь лавки, как в обычном городском парке, на которых сидели молодые и пожилые люди. Я подсел к одному пенсионеру.

Пытаясь завязать разговор, я сказал:

— Здесь очень хорошо.

Он согласно кивнул головой.

— Чувствуешь себя, как в Одессе или Кишиневе.

Он снова кивнул, но ничего не ответил. Ему явно не хотелось разговаривать, а меня разбирало любопытство.

— Или словно в Киеве либо Донецке, — не успокаивался я.

Он повернулся ко мне, и я едва расслышал его слова:

— Да, и там такая же зелень.

— Вы, наверно, с Украины?

— Я родился в Краснодаре.

— И давно в этих краях?

— Давно. Дожил здесь до пенсии.

— А почему не вернулись в Краснодар?

Он посмотрел на меня со скрытой усмешкой в глазах.

— Вы, наверное, недавно сюда приехали?

Теперь я согласно кивнул головой.

— Тому, кто прижился в этих краях, трудно с ними расстаться. Я привык к Северу и буду чувствовать себя в Краснодаре не на своем месте.

Признаться, и на Сахалине, и здесь я с первых же дней столкнулся с людьми, очень привязанными к Северу.

— Как можно покинуть этот город, — продолжал пенсионер, — когда начал жить здесь в землянке или деревянном бараке, когда каждый дом и каждая улица напоминают о том, что в них есть частица твоего труда и души. Поживите здесь — убедитесь сами.

Но я был всего лишь гостем в этих местах и спешил в Анадырь, центр Чукотского автономного округа.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЧУКОТСКАЯ ЗЕМЛЯ

В истории открытий новых земель особенно прославился XVIII век. Однако открытие и освоение Чукотки — несмотря на

ее суровые природные условия — началось столетием раньше. Причем флот царской России значительно уступал в то время флотам таких сильных морских держав, как Португалия, Испания и Англия.

Многие русские государственные деятели мечтали тогда открыть путь в Индию и Америку по морям бассейна Ледовитого океана. Первого значительного успеха в освоении Чукотки достиг казак Семен Дежнев, который на небольшом суденышке прошел через устье реки Колымы в океан и отправился на восток. снаряжение экспедиции Дежнева было самым примитивным: вместо якоря он использовал камень, вместо паруса — шкуры диких животных. Его поход в 1647 году закончился неудачей — Дежнев не мог пробиться сквозь льды. На следующий год он обошел Чукотский полуостров и остановился на южном берегу. Поскольку в то время еще не существовало карт этих районов, вряд ли он имел представление о том, какое открытие сделал. По крайней мере, об этом свидетельствуют его рапорты. С южного берега Дежнев пешком отправился на север.

«И носила меня, Семейко, — пишет он в своих рапортах, — неволя по разным морям после Покрова богородицы, и выбросило меня на берег в начале Онодыря реки... и шли мы все по горам, не зная дороги, голодные и холодные, голые и босые. И шел я, несчастный, Семейко, с товарищами своими до Онодыря реки точно десять недель, и вышли мы на Онодырь реку около моря...» Там Семен Дежнев с небольшим своим отрядом основал первый населенный пункт — оплот российской власти.

Фактически Дежневу принадлежит открытие судоходного в летнее время пролива между Азией и Америкой, который впоследствии получил название Берингова. Однако это не было убедительно доказано. Имя Дежнева носит крайняя северо-восточная точка Чукотского полуострова.

В 1725 году Петр I подписывает указ о создании I Камчатской экспедиции, целью которой было решить вопрос о наличии перешейка или пролива между Азией и Америкой. Руководство экспедиции поручили офицеру русского флота, выходцу из Дании Витусу Берингу, его помощником был назначен Алексей Чириков. В 1728 году два корабля отправились с Камчатки на север и прошли мимо Аляски, не подозревая, что это — берег Американского континента.

В 1741 году Беринг и Чириков предпринимают новое путешествие, им удается исследовать некоторые самые северные берега Американского континента. Будучи уже тяжело больным, Беринг остается на зимовку на одном из Командорских островов, где он и скончался 8 декабря 1741 года. Этот остров теперь носит его имя.

Оставшиеся члены экипажа, измученные усталостью и лишениями во время зимовки в этом пустынном месте, смогли кое-как построить небольшое парусное судно из остатков корабля и вернуться на нем на Камчатку.

Дежнев, Беринг, Чириков и еще несколько русских мореплавателей в XVII и XVIII веках исследовали обширные районы на севере Дальнего Востока, установили контакты с местным населением. Но этнографы и историки лишь значительно позже уточнили, что за люди живут на побережье и в глубине материка.

Когда в 1778 году Джеймс Кук предпринял свое путешествие к Ледовитому океану, он уже был знаком с открытиями Беринга и в своем дневнике писал о нем с большим уважением. В Беринговом проливе — Кук не указал точного места — он останавливался на азиатском берегу и встречался с чукчами. Чукчи, по его словам, не пытались стрелять в него, но держались настороженно и на расстоянии. Некоторые даже исполняли танцы, сопровождая их песнями.

Кое-какие предметы быта чукчей, писал

Кук, например их одежда, свидетельствовали об очень высокой степени изобретательности, которую трудно было предположить у этого северного народа. Кроме этого преимущества перед жителями противоположного берега, бросались в глаза и некоторые другие отличия. Все люди с Американского континента, указывал Кук, были маленького роста, с круглыми лицами и выдающимися скулами. Здешние жители имели продолговатые лица и отличались крепким телосложением... Кук не заметил у них особых меток на теле, только лицо одного старика пересекала черта. У всех были проколоты уши, и многие носили монисто. Больших украшений путешественники не встречали, и губы у чукчей проколоты не были. Это также отличало их от жителей Северной Америки.

На обратном пути Кук останавливался на некоторых островах в проливе и встречался там с русскими купцами. Русские, писал он, обитают на всех более или менее больших островах между Уналашкой и Камчаткой. Главным образом они занимаются торговлей мехами, и в особенности мехом бобра и ондатры...

Туземцы произвели на Кука впечатление людей самых безобидных и миролюбивых, каких он только когда-либо встречал. Их честность могла служить примером для цивилизованных людей. На всех островах они сохранили собственных вождей и могли пользоваться свободой, которую за ними сохранили.

И сейчас не прекращаются споры ученых по поводу прошлого народов Крайнего Севера.

«В этнографическом отношении, — пишет в книге «Моя Чукотка» Юрий Рытхэу, — чукчи принадлежат к народности, не связанной с большими этническими группами, как, например, якуты, которые относятся к тюркским народам, или эвенки, принадлежащие к тунгусско-маньчжурской группе. Чукотский язык близок к коряк-

скому, языку народа, населяющего Камчатку, а также к мертвому ительменскому языку, на котором говорили коренные жители Камчатского полуострова.

До сих пор ученые спорят о происхождении чукчей. Одни утверждают, что чукчи имеют общее происхождение с американскими индейцами, другие связывают наш народ с древними тихоокеанскими цивилизациями, третьи предполагают, что чукчи — одна из ветвей существовавшего некогда единого прасибирского, праазиатского народа, который впоследствии распался на мелкие племена и народности. Свидетельства южного происхождения чукчей фольклористы находят в древних сказаниях. Однако бесспорным остается факт, что чукчи давно проживают на Севере, и доказательством этому служит удивительная материальная культура, которая идеально приспособлена таким образом, что человек не только выживает в этих суровых условиях, но и чувствует себя достаточно удобно».

В XVII веке на Чукотке жили юагаиры, чуванцы, чукчи, коряки, эвены, эскимосы. Основным занятием населения в тундре было оленеводство, а на побережье — рыбная ловля. Из-за равнинного характера северных приморских земель и малого количества болот в районах Ледовитого океана — в сравнении, например, с западными областями — Чукотка всегда была и остается местом наиболее благоприятных условий для развития оленеводства. Олени давали и пищу, и одежду, и жилище обитателям этих земель.

Аналогичным источником пропитания для берегового населения были моржи. Их мясо — калорийное, вкусное, хорошо сохраняется в течение длительного времени; шкурой моржа чукчи и эскимосы накрывали свои жилища, обтягивали лодки, его жиром обогревались, из бивней делали копыя и гарпуны. Такое же значение имели и другие морские животные, обитающие в

прибрежных водах Чукотки и Аляски, — киты, нерпы, лахтаки.

Приход русских первооткрывателей и купцов на Чукотку способствовал развитию аборигенов, которые в то время находились на уровне первобытнообщинного строя. В домах оленеводов и охотников появились железные предметы и другие промышленные изделия, тысячелетний уклад жизни туземцев изменился за несколько десятилетий.

После путешествия Беринга на Аляску и Чукотку устремились не только русские, но и американские и японские купцы. Во многих книгах описана так называемая «немая» торговля в XIX — начале XX веков. На небольшом парусном судне торговец причаливал к берегу, оставлял там иглы для шитья, гарпуны, порох, табак, водку, патроны, ткани, ружья и опять уходил в море. Тогда к товарам приходили местные жители и возле каждого интересующего их предмета оставляли шкуры морских и тундровых животных или моржовые клыки, в зависимости от того, как они оценивали предложенные товары, и тоже уходили. Купец возвращался, и, если ему нравились шкуры и клыки, он их забирал, если же нет, уносил свой товар и ехал дальше по берегу, предлагая его другим чукчам или эскимосам.

В музее в Анадыре историк Наталья Отке показала мне карабин американского производства с очень длинным стволом. Чем длиннее было ружье, тем больше шкур должны были дать взамен покупатель при «немой» торговле.

Осенью 1910 года в Берингов пролив приходят из Владивостока ледоколы «Таймыр», «Вайгач» и торговое судно «Аргун». Спустя десятки лет после похода Беринга начинается регулярная — раз в год — доставка грузов на Чукотку. Врач с «Таймыра» Л. М. Старокадомский писал в своих воспоминаниях о том, что иностранные торговцы, большей частью американские, кото-

рым местное население часто вынуждено было продавать свои товары, с помощью спиртных напитков и обмана создали у аборигенов совершенно превратное представление о действительной ценности вещей. Больше всего жители Чукотки пристрастились к спирту. Один эскимос просил за великолепную шкуру белого медведя бутылку спирта. Мы, писал врач, категорически воспротивились такому обмену. Владелец шкуры очень расстроился.

В Анадырском музее я видел документы, подтверждающие, что чукчи были единственным — или одним из немногих! — в Российской империи народом, не облагавшимся ясаком — натуральным налогом, который нужно было выплачивать властям. В 1779 году Екатерина II приказала «не брать с чукчей никакого налога при условии, что они будут жить в мире с коряками». В законодательстве того времени чукчи фигурировали как народ, «порабощенный не полностью», они должны были платить дань, «когда сами пожелаю и в каком хотят количестве». Не случайно они держались с некоторой надменностью. «Чукча» в переводе означает «настоящий человек», яранга — «настоящее жилище».

Чукчи жили как беззаботные дети природы, они не страдали от крепостничества и всю жизнь сохраняли свободолюбие. Но как случалось и с другими неразвитыми народами, белый человек пришел к ним со своими неумолимыми законами торговли промышленными товарами. Сопротивлявшиеся самым суровым природным условиям, они не смогли устоять перед предложениями русских, американских и японских купцов.

Холод, нищета, беспросветность, крайняя затрудненность жизни в условиях Крайнего Севера, отсутствие постоянных связей с центральными районами континента — все это натолкнуло царское правительство на мысль превратить Колыму и Чукотку, эти «забытые богом и людьми

края», в районы каторги. В 1912 году царское правительство в официальном документе о положении северных народов констатировало: «Туземцы, люди без истории, обречены и должны погибнуть».

Как на Сахалине, так и здесь первыми в защиту этих народов выступили политические заключенные.

Сегодня в любом чукотском селе можно услышать имя Владимира Тана-Богораза. Он был членом группы «Народная воля». В 1886 году его арестовали, и он провел три года в Петропавловской крепости, после чего был выслан на Колыму. Полицейский, сообщивший ему приговор, добавил: «О Средне-Колымске нам ничего неизвестно, кроме того, что там жить невозможно. Поэтому мы вас туда и отправляем». Путешествие Богораза продолжалось — ни больше ни меньше — целый год.

Богораз начал изучать язык и обычаи местного населения, путешествуя на санях, запряженных собаками, от одного оленеводческого поселения к другому. Он наблюдал обычаи и жизнь людей, записывал их имена и родословные, предания и легенды. Ему не хватало чернил, и он пользовался оленьей кровью. Сначала чукчи не понимали его, но через некоторое время полюбили и дали прозвище «пишущий человек». Ему даже предложили стать старейшиной оленеводов, «чукотским королем» и взять в придачу два оленьих стада и трех молодых жен — имущество, которое, по их представлению, полагалось королю.

Вскоре в некоторых центральных органах печати появились первые рассказы и очерки Богораза о жизни чукчей. Насколько быстро это произошло, можно судить по тогдашним средствам связи: почта с Колымы приходила три раза в год. В 1899 году Чехов писал одному из своих друзей: «Скажите Тану, чтобы он прислал мне свою книгу. Я о ней слышал много интересного, но никак не могу ее достать, да и неудобно покупать книги земляка».

Этнографическая, просветительская, историко-исследовательская, литературная работа — таковы различные направления многогранной деятельности Богораза. Его дело позже продолжили ученики и последователи — Скорик, Вдовин, Меновщиков, Семушкин и другие. Самоотверженная деятельность этих людей способствовала духовному развитию народов Крайнего Севера и популяризации их древней культуры.

В декабре 1919 года в Анадыре был образован первый Революционный комитет Чукотки — орган Советской власти. Полтора месяца спустя остатки колчаковцев произвели контрреволюционный переворот и расстреляли членов ревкома. В июле 1920 года колчаковцы были разбиты, Советская власть восстановлена. На берегу Анадырского лимана сейчас возвышается величественный памятник героям, отдавшим жизнь за установление Советской власти на Чукотке.

Но практическое осуществление революционных преобразований в этом районе было делом нелегким: неграмотное и суеверное местное население в основном кочевало по тундре, связь с ним затрудняли полярные снега и морозы, сказывалось отсутствие дорог, промышленных предприятий с сильным рабочим классом, удаленность от центральных морских артерий.

Благодаря специальным заботам Советского правительства о развитии северных народов начали действовать постоянные авиалинии и морские коммуникации, открылись школы и культурно-просветительские учреждения, районы обеспечиваются продуктами питания и промышленными товарами. В Москву, Ленинград, Хабаровск посылают учиться местную молодежь. В 1930 году был образован Чукотский национальный (с 1977 года — автономный) округ, который сейчас входит в состав Магаданской области. Он занимает площадь в семьсот тридцать семь тысяч квадратных

километров и имеет население сто тридцать пять тысяч жителей.

Анадырь — центр Чукотского автономного округа — расположен в устье реки с тем же названием. Это новый город, застроенный четырех-пятиэтажными домами.

Чукотка находится в районе вечной мерзлоты. Почва оттаивает на два-три летних месяца, и не более чем на метр.

Когда здесь и в некоторых других районах Чукотки начали строительство монолитных зданий, земля под ними оттаивала, они давали трещины и разрушались. Сейчас дома строят на железобетонных сваях, вбитых в землю. Между зданиями и поверхностью земли образуется воздушное пространство около полуметра высотой, тепло по сваям в почву не передается, и она все время остается замерзшей, а значит, стабильной.

НАШЕ ОТКРЫТИЕ ЧУКОТКИ

В первый вечер в Анадыре мы с моим спутником Николаем вернулись в гостиницу уставшие от долгой дороги и обилия впечатлений, но и не подумали лечь спать. Хотелось посмотреть на закат солнца. А оно опустилось к горизонту и не торопилось уйти на покой. Часы показывали двадцать три часа по местному времени. Мы находились в зоне светлых полярных почей.

На следующий день мы полетели на вертолете в село Канчалаан. В вертолете познакомились с одним молодым человеком, по виду украинцем или русским. Тот оказался зоотехником-оленоводом из районного центра. Прежде он работал в Канчалане, и его жена с детьми все еще оставались там; он ехал повидаться с семьей и вез с собой много разных пакетов. Не годилось приезжать в дом без подарков, тем более что надо было справлять день рождения старшего сына.

Я вспомнил об этом случайном попутнике, потому что по рассеянности он оста-

вил под сиденьем один из своих пакетов.

Через месяц мне пришлось лететь на этом же вертолете, и его командир, молодой, пышущий здоровьем человек, рассказал мне следующую историю.

— После того как я оставил вас на стойбище в бригаде Аренто, мне пришлось лететь еще в несколько мест — кого привезу, кого отвезу. Если вы заметили, вертолеты в тундре выполняют ту же роль, что автобусы в городе, один пассажир садится, другой выходит, и некогда, да и незачем, вникать, кто куда едет. Следишь только за маршрутом и стараешься выполнить свое дело. На следующий день после полета с вами мы увидели под сиденьем забытый пакет. Простая авоська, а в ней конфеты, чай, сахар. Обычные продукты, которые можно купить в любом магазине. Делая остановки на стойбищах, я показывал сетку, пытаюсь найти хозяина. Никто не признавался. Спросил раз, другой, третий. Черт с ней, подумал я, чего беспокоиться из-за такой мелочи, и решил оставить ее на одной из остановок. Даже не оставил, а прямо-таки бросил в какую-то машину. «Возьмите, — говорю, — не могу найти хозяина, некогда мне ею заниматься». Летчика, проработавшего здесь два-три года, знают все оленеводы, как горожане знают шофера автобуса, который возит их на работу. Бригадир, которому я отдал сетку, даже не пошевелился — он посасывал свою погасшую трубку, на левой руке у него — не знаю почему — не хватало пальцев.

— Парамон Никитич, — сказал он, — напрасно ты ее оставляешь, не могу я ее взять.

Я махнул рукой и ничего не ответил — пусть делают что хотят, подумаешь, всего-то на пять рублей имущества. Через две недели на производственном совещании начальник сказал мне, что ему сообщили из того пункта по радию о забытом пакете, назвали хозяина и просили доставить про-

павшую вещь по назначению. Я прилетел туда через день, тот же самый бригадир с изуродованной рукой подал мне сетку.

— Парамон Никитич, — говорит, — передайте ее зоотехнику... — и называет мне его имя.

— А как вы догадались, что это его вещь?

— Птицы рассказали, наши курьеры.

— Бросьте ваши шутки.

— Парамон Никитич, — говорит бригадир, — вы уже три года живете на Чукотке, а еще через три, вероятно, поймете, что тундра велика, конца-края не видно, но и у нас люди все узнают друг от друга. Мы не держим у себя чужого добра, так что я вас попрошу отвезти пропавшую вещь зоотехнику.

Я отвез сетку ее владельцу в Анадырь, а он заявляет:

— Я уж с ней распрощался.

— Распрощался, — говорю, — а не подумал, сколько хлопот доставил и экипажу, и оленеводам — кому нужно твое добро?

— Вы бы ее выбросили!

— Видимо, так и надо было поступить, а не разыскивать тебя по всей Чукотке.

Итак, мы летим в Канчалан — поселок оленеводческого совхоза на берегу маленькой речки. Домики в нем одноэтажные, деревянные, земля на участках разрыхлена, и заботливые хозяева уже посадили овощи. В совхозе тринадцать бригад, в каждой — около трех тысяч оленей.

Сделав краткую остановку в Канчалане, направляемся дальше — в бригаду одного из самых популярных людей на Чукотке, Героя Социалистического Труда Ивана Петровича Аренто. Вертолет летит на высоте четырехсот-пятисот метров. Я сел у окна и прижался лицом к стеклу. Мне все кажется, что я могу пропустить что-нибудь интересное. Напрасно я всматриваюсь. Подо мной только ржаво-зеленая равнина, пересекаемая паутиной рек и ручьев. Иногда промелькнут зеркальца озер, белые

пятна снега, но не видно никаких домов, людей или животных — голо, пусто. Это тундра. По крайней мере, в этом районе у нее такой вид.

Вертолет делает круг над тремя ярангами и приземляется метрах в пятидесяти от них. Кругом холмистая равнина, поросшая невысокой густой травой, деревьев и кустарника нет. В низинах поблескивают маленькие озера, в оврагах сверкает снег, в местах, где он начинает таять, виднеется красноватая вода. Как объяснили летчики, на цвет воды влияют некоторые травы.

Нас встречает Аренто. Обычно чукчи ростом ниже среднего европейца. Среди своих товарищей Иван Петрович считается высоким. Он одет в брюки, пиджак и плащ. Его окружают жители поселка в национальной одежде, по которой можно сразу отличить мужчин и женщин. В теплую погоду и те и другие высовывают одну руку из рукава и спускают одежду так, что видны плечи и грудь, но на это никто не обращает внимания.

Мы здороваемся со всеми по очереди, и Аренто показывает нам свое хозяйство — три яранги, возле которых аккуратно сложены нарты и дрова, привезенные, как здесь говорят, с материка. Рычат и лают около дюжины посаженных на цепь собак.

Стойбище в прошлом было основным местом жительства оленеводов — кочующих обитателей тундры: здесь находились их семейства и все имущество. Теперь этот древний обычай исчезает. Совхоз обеспечивает оленеводов современным жильем в деревнях и на центральных базах. Там обычно находятся старики, дети, а также молодые матери, которым врачи не разрешают жить в стойбищах, пока ребенку не исполнится год. Яранги ставят лишь пастухи-олeneводы. В летнюю пору теперь все чаще на смену исконным жилищам чукчей приходят брезентовые палатки и передвижные деревянные фургоны. У каждой бригады есть вездеход. К вездеходу привыкают

все, труднее свыкаются с палатками и фургонами.

Чукчи тысячелетиями жили в ярангах, и до сих пор этот вид жилья остается самым пригодным для тундры. Каркас яранги сделан из дерева и может быстро разбираться, сверху его покрывают оленьими или моржовыми шкурами. Раньше чукчи и эскимосы с побережья использовали для каркаса ребра китов. Поскольку они вели оседлый образ жизни, они делали жилье и в земле — полуземлянки, — но всегда покрывали их шатром из шкур. Оленеводы в тундре обычно два раза в году — зимой и летом — перемещают свое жилище в связи с переменой пастбищ.

Аренто показал нам свою ярангу. В ней сумрачно проглядывают задымленные стойки каркаса, в центре горит огонь, на котором в большом ведре что-то кипит. У стен расставлены сундуки, лежат мешки, одеяла, оленьи кожи; между очагом и входом в ярангу разложена скатерть. На ней расставлены хрустальные рюмки, с двух сторон этот «стол» окружен оленьими шкурами.

Аренто приглашает нас сесть и объясняет, что передняя часть яранги называется чоттагин.

— А теперь взгляните сюда.

В глубине яранги небольшое место огорожено шкурами. Внутри темно, пахнет кожей и дымом.

— Эта часть называется полог, здесь семья спит. Как ни странно, зимой здесь тепло. Полог согревается и освещается жирником.

Он показывает мне глиняный сосуд величиной с глубокую тарелку, наполненный жиром морских животных; в нем, как в лампаде, зажжен фитиль.

— Здесь я родился.

Знакомясь с биографиями того или иного чукчи — врача, инженера, летчика, научного работника, писателя, партийного или государственного деятеля, — я убедил-

ся, что почти все они родились и выросли в ярангах.

Мы возвращаемся к столу, и я спрашиваю у Аренто, как сочетаются современные хрустальные рюмки с древним жилищем.

— Красивые вещи, почему бы их не купить? Вы думаете, мы продолжаем жить в ярангах только из любви к старине или чтобы показывать их гостям? Мы живем в них потому, что никто еще не изобрел более подходящего легкого жилища для тундры. Когда мы отправляемся в Анадырь, женщины дают нам сто поручений — что мы должны привезти им из магазинов. Денег у нас много, и иной раз просто голову ломаем, что купить. Один из пастухов нашей бригады попросил меня недавно в Анадыре пойти с ним в универмаг. Жена сказала ему, чтобы не возвращался без хрустального набора рюмок и трех чайных фаянсовых сервизов. Еще велела купить два зонтика — от солнца и от дождя. Что было делать, я пошел с ним в магазин. Между делом он купил не два, а четыре зонтика. Ну ладно, присаживайтесь, а то от разговорного горла пересохло.

Мы садимся на олени шкуры по обе стороны скатерти. Три женщины подносят нам на деревянном блюде вареные олени ребра, они только что вытащены из котла и еще дымятся.

Перед нами ставят соль. Чукчи почти не употребляют ее в пищу и несмотря на это у них нет тех заболеваний, которые встречаются у других народов при недостатке соли. Они не употребляют и хлеба или едят его в небольших количествах. Речь идет о пожилых людях, молодежь обычно быстро привыкает к современной пище. Каждому из нас дают нож, не фабричный, а самодельный. Одной рукой держишь кость, другой — ножом отрезаешь вкусное оленье мясо. В другом месте мне представилась возможность попробовать все деликатесы из оленя.

С первой же встречи Аренто произвел на меня впечатление прямого, простодушного и сердечного человека. Хотя мы только из-за него сюда и приехали, он совсем не старался придать себе парадный, торжественный вид, который часто напускают на себя другие прославившиеся люди при встречах с иностранцами.

Аренто вырос в тундре, всю жизнь он занимается оленеводством, пастухи его очень любят, и он тоже ими доволен. Ему не нравится, что в последнее время его часто посещают журналисты, фоторепортеры и постоянно расспрашивают о тайнах его успехов. А какие тут могут быть тайны, когда тысячам людей известно, как ухаживать за оленями. Человек должен чаще прислушиваться к советам старших, отцов и дедов, любить свою работу и проявлять постоянство по отношению к ней. Разве это так трудно? Это всем известно, говорит Аренто.

— Несколько лет тому назад проходило окружное совещание оленеводов. Меня предупредили, чтобы я подготовил речь, — точнее, я должен был рассказать о своем опыте. Хорошо, говорю, но вы услышите все известные истины. Я поднялся на трибуну и начал: «Успех ждет того, кто будет воспитывать оленят, как детей». Слышу, все шумят, кто-то даже пробормотал — известная песня. Ничего, говорю, песня-то известная, но оленята должны расти выносливыми и закаленными. Самое страшное время для них начнется не с глубоким снегом и метелями, а с комарами и слепнями. Мы все знаем, что это такое. Не приученные к жаре, комарам и слепням, оленята разбегаются, и от годичного приплода может ничего не остаться. Чтобы этого не случилось, нужно с первых же дней приучать их везде следовать за матерями и не отходить от них. Если мы их так воспитаем, им не страшны ни жара, ни комары, ни слепни. Другими словами, человек должен честно относиться к своей ра-

боте и любить ее. Вот, о чем я говорил, какой же тут секрет. Об этом знает каждый оленевод. Так почему думают, что у меня есть какие-то свои тайны, постоянно приглашают на собрания, совещания и просят выступить?

— Люди хотят знать твое мнение, хотят услышать от тебя какой-нибудь совет, — прерывает его мой сосед.

— А я предпочитаю чаще бывать в бригаде и реже — в президиуме на конференции, потому что, если я буду все время отсутствовать, я развалю работу и тогда меня выгонят отовсюду. Вот сейчас, повторяю одно и то же, все уже описано в газетах и книгах, можно писать о моей бригаде и моем методе, вообще нас не посещая.

Он обращается ко мне и будто бы хочет извиниться:

— Мне трудно говорить...

Я прошу, чтобы кто-нибудь переводил, потому что Аренто с трудом говорит по-русски, но он машет рукой.

— Вы меня не поняли. Мне легче работать, чем объяснить, как я организую работу и руковожу бригадой в совхозе.

Специалист-олeneвод совхоза Александр Гарков — общительный человек, обладающий врожденной интеллигентностью. Не знаю точно, сколько у него детей, во всяком случае, не один и не два. У него есть сын, который в этом году будет поступать в художественное училище, второй его сын, Родион, учится в институте в Новосибирске, третий, Герасим, — в десятом классе, дочь Лариса этим летом заканчивает медицинский институт в Хабаровске и скоро приедет на каникулы.

Я смотрю вокруг — здесь нет детей, я не видел их и когда мы выходили из вертолета. Слова Александра позже повторяли и другие чукчи и эскимосы — один сын в таком-то институте, другой заканчивает то-то, третий... четвертый... Всегда есть третий и четвертый.

Все ученики живут в школах-интернатах

на полном государственном обеспечении, их родители ничего не платят. После окончания школы они могут продолжать образование в зависимости от желания и наклонностей. Три четверти выпускников педагогического училища в Анадыре — чукчи, эскимосы, эвенки, юкагиры, чуванцы. Основной преподавательский состав из местных народностей для чукотских школ готовится в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена и в Хабаровском педагогическом институте.

Я говорю Александру, что они хорошо живут: едят деликатесы из оленьего мяса, свежую рыбу.

— Оленей много, но мы не можем закалывать их ежедневно, как хозяйка не забивает каждый день кур. Знаете, иногда оленеводы едят оленину только раз в день.

Я киваю головой. Это мне уже известно из рассказов Юрия Рытхэу.

— Наши деды и даже отцы кочевали по тундре, собирали ягоды и грибы, а иногда питались только корнями трав и кустов. Чукотская земля не очень щедра к людям, а сейчас смотрите, — Александр показывает на сундуки и мешки с продуктами около нас: — Прилетает вертолет, привозит все, что нам надо; если погода нелетная, посылают вездеход.

— А как снабжают людей, которые находятся при стаде?

— Когда они далеко, скажем, за пятьдесят — сто километров, им ставят палатку или фургон. Это хуже яранги, но молодые предпочитают современное походное жилье. Пастухи меняются каждые два-три дня, иногда раз в неделю, они берут с собой продукты, а когда находятся вблизи от стойбища, вообще нет никаких проблем.

— И что они делают весь день, лежат? Он смеется, качает головой.

— Извините, но вы, кажется, не имеете никакого представления о нашей работе... Иногда в тундре наступает страшная жара,

градусов двадцать — двадцать пять. Для вас это ничто, но для чукчей — просто ужас. В тундре нет деревьев, где можно было бы укрыться от солнца. Ну а когда зимой начинается пурга? Куда от нее спрячешься? Пурга продолжается день, другой, третий... Стоишь на ногах — ветер тебя сносит, ляжешь — тебя занесет снегом. Вот, например, в последние недели самки оленей начали телиться. Пастух, который разбирается в своей работе, знает, какая олепиха, когда и где должна отелиться, и следит за маленьким олененком, пыжиком, как мы его называем, чтоб он не остался в какой-нибудь луже или сугробе. В тундре нет загона, нет соломы или сена, как в Узбекистане или Казахстане. Везде только снег, а температура в это время обычно ниже нуля. Иван Петрович абсолютно прав: пыжика с первых же дней его жизни нужно воспитывать, как ребенка, причучать его не оставлять от матери, а эта простоя на первый взгляд работа постоянно требует от пастуха неусыпного внимания.

И только ли это! Когда выпадает много снега — а здесь он покрывает землю почти на метр, — знаете, как трудно оленям добывать себе пищу? Они разрывают снег до тех пор, пока не доберутся до лишайника или мха, и так закапываются в сугроб, что видна только их задняя часть. Хороший пастух должен прекрасно ориентироваться на местности, чтобы животным легче было отыскать себе пищу. Иногда хищники и слепни могут разогнать стадо. Ты должен иметь голову, чтобы догадаться, куда убежали олени, и ноги — чтобы их догнать. Иначе другие звери быстро сведут с ними счеты. А когда начинается гололед? Идет снег, потом дождь, образуется ледяная корка, которая ранит оленям ноги. Они не могут пробить копытами лед, чтобы добраться до мха и лишайника. Гололедица для нас — стихийное бедствие, вроде града в районах, где выращивают хлеб, или наводнения при разливах больших рек. Тяжело смотреть,

как на твоих глазах олень падает, обессиленный от голода, а ты ничем не можешь ему помочь. Раненые, измученные и истощенные животные отстают от стада, тогда на них нападают волки, росомахи. В этом отношении прошлая зима была очень трудной на Чукотке. Но в бригаде Ивана Петровича было сравнительно мало потерь. Вот в этом и состоит его мастерство — выбрать такой район для пастбищ и так организовать людей, чтобы сдать государству много мяса и обеспечить пастухов большими заработками.

Александр умолкает, снова улыбается и качает головой.

— Так, значит, пастухи лежат... Я был пастухом. Налетела пурга, плохое, дьявольское время. Я загнал стадо к одной впадине, там не так метет. А пурга все больше усиливалась — ветер, снег, олени разбежались. У меня тогда были хорошие собаки, одна из них понимала каждое мое слово, каждый крик — только услышит, бежит собирать стадо. Это было ночью, темно, ничего не видно, только по стуку копыт я понимал, что происходит. Прошел час, другой, я потерял представление о времени. Вдруг слышу вой волков, ружья у меня не было, только ракетница. Спасли меня собаки, они дружно и злобно стали лаять на волков и прогнали их. Я шел с трудом, понимал, что уже должно светать, но ничего не было видно.

Как случилось — не знаю, но я заблудился и вышел к реке. В тундре болот, озер, рек сколько хочешь, но мы никогда в них не купаемся, потому что вода очень холодная и мы не умеем плавать. Честно говоря, боимся воды. Я бросил аркан через реку, зацепил его за скалу и перебрался на другой берег. До стойбища добрался только вечером следующего дня. В двух километрах от яранги упал. Меня нашли и привезли на нартах. Один из наших пытался меня лечить, но я попросил, чтобы меня отправили к врачу в Анадырь. А те-

перь, смотрите — в яранге есть радиостанция. Расчихается какой-нибудь парень и сразу требует, чтобы ему на вертолете лекарства доставили, а если можно, и молодую сестру или врача — может быть, потому, что пастухи сейчас более образованные люди. Только за последний год к нам в бригаду поступили на работу семь человек, у всех среднее образование.

Я спрашиваю Александра, ездил ли он по стране.

— И я, и другие, мы все много ездим. Регулярно дают путевки на отдых в Крым, но нам там плохо.

— Почему?

— Слишком жарко, мы с трудом переносим тамошний климат и всегда спешим вернуться в тундру. Когда я впервые приехал на юг, у меня просто глаза на лоб полезли. Не от жары, от другого. Смотрю — на пляже женщины в одних трусиках, лежат, как моржи на наших лежбищах. Здесь, сам видишь, как мы одеваемся. Вот Вера надела кухлянку прямо на голое тело, но это нормально, мы даже не замечаем, а там — мама родная! Я стыдился смотреть на голых женщин.

Кто-то шутя спросил его, не потому ли он оттуда сбежал.

— Да нет, — улыбаясь, говорит Александр, — пришлось сидеть до конца. А то как же иначе, тебе путевку дали в Крым, а ты, выходит, не ценишь доброго отношения. Только что правда, то правда — гораздо приятнее смотреть на южные лежбища, чем на северные.

КРЫЛАТАЯ МЕДИЦИНА

Еще в Болгарии у меня заболел зуб, но я побоялся идти к врачу, так и поехал в командировку. Здесь боль стала нестерпимой, и после возвращения из Канчалана — хочешь не хочешь — пришлось сесть в стоматологическое кресло.

В странах, где медицинское обслужива-

ние бесплатное, в больницах и поликлиниках обычно большие очереди. Мы вопли в стоматологическую поликлинику, и в длинном коридоре я не увидел ни души, только две женщины в белых халатах вышли из одной комнаты и скрылись в другой.

— Мы попали в обеденное время? — спросил я своего сопровождающего. Тот взглянул на часы.

— Не может быть.

— А что, сегодня выходной?

Сопровождающий удивленно посмотрел на меня, он не понял, что я хочу сказать, ведь сегодня вторник, как же может быть нерабочий день.

— Я не вижу больных.

— А так и должно быть. Каждый пациент назначен на определенное время, в которое он и приходит. И потом, здесь достаточно кабинетов и врачей, чтобы обойтись без больших скоплений народа.

Теперь настал мой черед удивляться — не часто встретишь такую поликлинику, без толчеи и шума, что-то вроде научного института! Или у здешних людей не болят зубы?

Сопровождающий провел меня в комнату, где за обычным столом сидела женщина, по виду русская, в белом халате и шапочке. Ей было не больше тридцати лет. Она показала мне очень интересной, и я смутился из-за того, что рассматривал ее чересчур долго. У окна стоял мужчина. Оказалось, что это главный врач округа, о котором с благодарностью рассказывал оленевод Александр Гарков.

Мы сказали, зачем пришли, и доктор пригласил нас сесть.

— Вы как будто волнуетесь? — спросил он.

— Ну, что вы, с какой стати мне волноваться, — поспешил я с ответом, чем как раз и выдал себя. А впрочем, кто не нервничает перед тем, как сесть в стоматологическое кресло? Доктор пропустил мои

слова мимо ушей и начал расспрашивать о путешествии — где я был, какие места намерен посетить. Я разговорился и немного успокоился — может быть, мне и не придется удалять зуб, положат какое-нибудь лекарство, и боль утихнет...

На территории Чукотки, где когда-то было только три или, как говорят некоторые, два фельдшера, сейчас работают триста пятьдесят врачей и в три раза больше среднего медицинского персонала. Треть медицинских работников — представители местных народностей. Женщины рожают только в родильных домах. В округе есть тридцать семь детских молочных кухонь, а несколько десятилетий назад народы Севера не знали вкуса молока. Сейчас все население, даже в самых отдаленных районах тундры, два раза в год проходят медицинский осмотр. Зная, что стойбища оленеводов разбросаны и отдалены друг от друга десятками и сотнями километров, можно себе представить, какие для этого необходимы средства, техника, сколько медицинского персонала.

— Вы слышали о наших летающих отрядах?

Я кивнул головой и рассказал об эпизоде, который наблюдал несколько дней назад в селе Канчалан. Когда мы вошли в канцелярию совхоза, нас встретил молодой человек, чукча. По его нахмуренному лицу было видно, что он чем-то обеспокоен. Кажется, предстоящий разговор не предназначался для посторонних, тем более для иностранца... Сердитый мужчина обратился к директору совхоза:

— Через час в нашу бригаду отправляется вертолет, завтра начинается моя смена, а меня не пускают.

— Почему?

— Врачи не дают мне справку. Я, видите ли, не был у них. Но я здоров, зачем мне ходить по врачам?

— Пройти медосмотр должны и больные и здоровые, и это тебе хорошо известно,

правда? Прибыла «Аннушка», и ты должен пойти на осмотр. Иначе не полетишь в бригаду.

Рассерженный мужчина махнул рукой и, еще больше раздосадованный, куда-то зашагал, остервенело шлепая по грязи резиновыми сапогами.

— Кто это — «Аннушка»? — спросил я.

— Это наши самолеты санитарной авиации «Ан-2». На них врачей доставляют во все пункты тундры. Три дня назад сюда прилетел один из постоянно действующих медицинских отрядов. Периодически они проводят полный осмотр населения. Пастух, который не показался врачам и не получил справку о состоянии здоровья, не имеет права отправиться на работу в тундру. А этот товарищ посчитал, что может обойтись без осмотра.

— Да, — подтвердил доктор, — наши летающие отряды проводят не только регулярные профилактические осмотры, но и всегда могут в экстренных случаях вылететь в самые глухие районы тундры для оказания медицинской помощи.

Медицинского персонала, средств и техники в пересчете на душу населения на Чукотке почти в два раза больше, чем в центральных районах Советского Союза, и не потому, что здесь наблюдаются какие-то массовые заболевания. Чукотка уже давно забыла время эпидемий и шаманов. Это — результат осуществления ленинской национальной политики по отношению к маленьким народам в многонациональном Советском государстве.

— Мы занимаемся одним вопросом, который имеет отношение не только к медицине и касается всех северных народов. Иногда люди, проработавшие на Чукотке, например, двадцать лет, решают, выйдя на пенсию, вернуться на юг, но там начинают болеть. Они страдают ностальгией по Северу и другими недугами, потому что их организм уже привык к здешним условиям.

— Елена Ивановна, — обратился доктор к

женщине за столом, — проводите нашего гостя в кабинет, а потом у нас еще будет время побеседовать.

Видимо, он решил, что получасовой разговор в канцелярии сыграл роль обезболивающего средства и теперь я смогу уверенным шагом направиться к стоматологу...

И снова длинный, пустой коридор... Вероятно, когда в поликлинике много докторов и кабинетов, можно обойтись без очередей...

Несколько дней спустя мы ездили ловить рыбу на одно из озер и на обратном пути миновали летную площадку для вертолетов. Аэродром в Анадыре находится на противоположном берегу лимана, и пассажиры доставляются туда на катерах или вертолетах.

Перед диспетчерским пунктом столпились люди с чемоданами, рюкзаками, сумками и сетками. Мы попросили шофера остановить машину.

Перед входом в диспетчерский пункт — маленькую деревянную постройку — стоял мужчина с поседевшей головой, в форме летчика гражданской авиации. Его голос заглушали многочисленные голоса людей, ожидающих полетов.

— Не волнуйтесь, товарищи, выслушайте меня. Посмотрите на сообщение на доске. Из-за плохой погоды все рейсы отменяются.

Его прервали несколько голосов:

— Но ведь этот вертолет летит!

— Он отправится в Краснено, чтобы забрать тяжелобольного человека, которому необходима операция. Пилот берет на себя ответственность, чтобы спасти больного.

Послышались проклятия в адрес погоды, ветров и тумана. Через некоторое время к вертолету направился экипаж.

В такую погоду никто не имеет права заставить экипаж подняться в воздух. Летчики добровольно идут на риск во имя здоровья и жизни людей в тундре.

В ГОСТЯХ У ПОГРАНИЧНИКОВ

Я лежал в гостинице и читал новую повесть одного из талантливых магаданских писателей — Альберта Мифтахутдинова. В комнату влетел Николай и выкрикнул, как древний гонец:

— Нашел! Вставай, пошли!

Мы вроде бы ничего не искали, никого не ждали...

— Что ты нашел?

— Как что? Самую лучшую на Чукотке баню!

— Но ведь самая лучшая была в Магадане?

— Та была лучшей в области, а эта — на Чукотке. Это баня пограничников. Я договорился о встрече с пограничниками, чтобы никто не подумал, что меня интересует парилка.

Мой приятель Николай — один из самых страстных поклонников сибирской бани. Душ, ванна в гостинице — для него пустяки, не заслуживающие внимания. Все равно что, когда ты голодец, попытаться наестся вафлями или сахарной ватой. Он даже подумывает о том, что несмотря на свой «преклонный» возраст когда-нибудь напишет серьезную и обстоятельную книгу о сибирской бане. Ее лейтмотивом будет следующая мысль: сибирская баня — наивысшее удовольствие для человека, особенно жителя холодных районов, из нее он выходит обновленным не только физически, но и морально, нужно только знать, как пользоваться этим божьим даром. По последнему пункту будут даны различные рекомендации и советы, как в книге о лечении травами.

Когда мы были в Магадане, я не заметил, чтобы Николай с кем-нибудь разговаривал — у него там не было никаких знакомых, — но в первый же день он узнал, что самая лучшая баня находится в двадцати трех километрах от города; пришлось туда ехать.

Баня у пограничников пришлась по вкусу моему другу. Здесь были: раздевалка, помещение для чая, зал с душами и, самое главное, парилка, где температура достигала чуть ли не ста градусов. Я с трудом выдержал все эти удовольствия и предпочел провести большую часть времени — ерунда, всего каких-нибудь два часа! — в помещении для чая.

Обычно страстный болельщик какой-нибудь футбольной команды с первого взгляда распознает в другом человеке своего собрата. Аналогичным чутьем обладают и любители русской бани. Мы еще не разделись, а Николай уже почувствовал родные души среди наших хозяев. Вероятно, он закончил бы свои священнодействия в парилке не раньше, чем через три-четыре часа, если бы нам не надо было спешить на встречу с пограничниками.

Ни одна пограничная служба не объявляет во всеуслышание, как охраняются границы. О ее деятельности судят по результатам. Так что я и не надеялся услышать обстоятельных объяснений, напротив, я ожидал лишь официальных приветствий и торжественных речей. Однако вышло совсем по-другому. Как выяснилось, двое из офицеров когда-то отдыхали в Международном молодежном лагере у нас в «Приморско», они начали рассказывать о своем путешествии по Болгарии и знакомстве с нашей страной. Оказалось, что отец одного пограничника работает в Болгарии на атомной электростанции в Козлодуде, а брат другого — геолог и принимал участие в экспедиции в наших горах. Пограничник забыл название гор, но его брат говорил, что на одних торжествах люди разводили большие костры, оставляли раскаленные угли, и какие-то женщины на них танцевали. Он спросил, действительно ли возможны такие танцы или это жульничество. Третий солдат поделился тем, что он еще с седьмого класса стал переписываться с девочкой из Старой Загоры. Каждый год

они посылали друг другу фотокарточки, видели, как оба растут и прощаются с детством, стали писать друг другу чаще, одним словом, сделались близкими друзьями, несмотря на то что никогда не видели друг друга. Но вот уже целый год от девушки нет писем. Возможно, она вышла замуж; если наш гость не имеет ничего против, может, он узнает, что с ней стало.

Завязался нормальный дружеский разговор. Хозяева рассказали мне о своей службе. Я попытался рассказать о жизни и службе наших пограничников. Я говорил, что наши заставы находятся на расстоянии пятнадцати-шестнадцати километров от населенных пунктов и, несмотря на то, что жизнь пограничников хорошо организована, каждую неделю их посещают гости с шефских предприятий, кооперативных хозяйств и других учреждений; все же приятно завести знакомства с девушками из соседних сел или городов и пригласить их на танцы. Когда я говорил об этом, в зале послышался смех. Он прозвучал естественно, поскольку солдаты, слушая меня, сравнивали наши условия с теми, в которых сами несут службу при крайне редкой населенности Чукотского побережья.

Потом хозяева показали нам свои спальные помещения, комсомольский клуб, кабинеты для занятий, которым — как мне кажется — могут позавидовать и некоторые высшие учебные заведения.

Через две недели состоялась вторая встреча с пограничниками в одном из районных центров округа. На следующий день нам предстояло путешествие на вездеходе по тундре в одно село. По нашей просьбе шофер изменил маршрут — мы поехали по побережью, чтобы половить рыбу в устье маленькой речки. На берегу моря мы сварили уху и едва начали есть, как над нашими головами затарахтел вертолет и приземлился недалеко от нас. Из него вышел лейтенант с двумя солдатами. Как положено, все трое были вооружены.

— Оказывается, это наши гости, — сказал лейтенант, — а мы вас увидели и удивились: что за вездеход остановился на берегу, ведь сюда не приезжают ни рыбаки, ни оленеводы!

— А откуда вы нас увидели?

— С заставы, конечно.

Застава находилась в десятках километров, за горным хребтом... Наверное, те, кто наблюдает оттуда, имеют прекрасное зрение... Но нам неудобно было расспрашивать пограничников, и вместо этого мы пригласили их выпить чаю.

«ОВОЩНЫМ» РЕЙСОМ — В ПРОВИДЕНИЯ

Нам нужно было попасть в районный центр, расположенный в бухте Провидения, но дули сильные ветры, и самолеты не вылетали из Анадырского аэропорта.

Бухта Провидения заброшена так далеко на восток, что находится в Западном полушарии.

— По вашему маршруту, — сказали нам в диспетчерской, — полетит грузовой самолет.

— Почему же грузовому можно, а пассажирские вы не пускаете?

— Потому что мы не имеем права рисковать жизнью людей.

— А как же экипаж грузового самолета?

— Не забывайте, что мы — арктическая авиация, у наших пилотов особая подготовка и закалка. И знаете, почему мы, например, сегодня рискуем? Вчера из Казахстана доставили свежие овощи. Наше население в них очень нуждается. Летчики знают, как обрадуются в селах помидорам, перцу, капусте. Так что решайте сами, если хотите, можете лететь этим самолетом, но без всяких удобств.

Ладно, проживем два часа и без стюардессы.

Мы с Николаем разместились у мешков с капустой и ящиков с помидорами. Было холодно, из-за ветра самолет раскачивало,

как лодку в бурном море. Командир экипажа Сельбаков, худой человек лет тридцати с небольшим, пригласил нас в свою кабину.

Район, куда мы летели, находится в обширной бухте на юго-восточном берегу Чукотского полуострова. Выйдя из самолета, мы увидели, что взлетная полоса вместо бетона покрыта железными решетками.

В одной из серий киноэпопеи «Великая Отечественная» показано, как через Чукотку проходил путь, по которому Соединенные Штаты доставляли Советской Армии самолеты, снаряжение и продукты питания. Тогда пришлось очень быстро построить аэродромы, а это можно было сделать только одним способом — положить железные решетки на хорошо выровненную землю.

Нас встретили секретарь районного комитета партии Галина Тегрет и чукотский писатель Юрий Рытхэу. Я читал некоторые книги Рытхэу, теперь нам предстояло провести вместе десять дней, и я был очень рад этой встрече. В сущности говоря, я готовился к ней еще в столице. В Союзе писателей в Москве я узнал, что Рытхэу летом обычно живет среди земляков на Чукотке.

Поселок Провидения, если смотреть на него из бухты, кажется настоящим городом. На темных горных склонах белеют четырех- и пятиэтажные дома, которые проглядывают сквозь сеть портовых кранов. На причалах и в бухте виднеются огромные корпуса трансокеанских судов, около них снуют катера и маленькие баржи.

Это самый северный порт советского дальневосточного побережья, где суда, прежде чем выйти из Берингова пролива в северные моря, в последний раз запасаются топливом и продуктами. Именно в этой бухте в 1910 году бросили якорь три судна, положившие начало регулярному снабжению Чукотки продуктами и промышленными товарами. Тогда перед моряками

экспедиции лежали лишь крутые и пустынные скалистые берега. Справа у воды ютились около десяти эскимосских яранг и стояли три постройки европейского типа. С тех времен сохранился колокол при входе в бухту, который долгое время служил для моряков сигнальным маяком.

Мы прибыли в поселок двадцатого июня. Навигация до бухты Провидения началась полтора месяца назад, но стоявшие там корабли не могли продолжить свой путь в северные моря и ждали благоприятной погоды. В сущности, по здешним понятиям она была не такой уж плохой. Часто опускался тяжелый и влажный туман, температура колебалась между десятью и пятнадцатью градусами выше нуля. Препятствием для кораблей, да и для самолетов, служили сильные северные и восточные ветры, которые гнали ледяные глыбы и забивали ими морской путь.

Наши первые встречи были с руководителями порта — опытными моряками, которые живут здесь уже по пятнадцать — двадцать лет и, как они шутят, останутся здесь до пенсии, если хорошо выполнят свой долг. Обеспечение прибрежных сел Чукотки топливом, промышленными товарами, продуктами, строительными материалами осуществляется судами, идущими с юга — из Владивостока. Остановка в бухте Провидения неизбежна. Это требует постоянной заботы о содержании порта — расширения его площади, роста механизации. Поэтому некоторое время назад здесь была создана первая на Чукотке тепловая электростанция. В бухте построены также молочная ферма и оранжерея. На первый взгляд, эта строительная деятельность никак не связана с плаванием судов, но такое впечатление обманчиво. Ферма обеспечивает молоком целый район. Если учесть, что здешние коровы питаются травой на пастбищах всего два-три месяца в году, а остальное время кормятся на ферме, можно представить себе, какого труда стоит

портовому руководству обеспечить район свежим молоком и молочными продуктами.

Вереницу кораблей в бухте возглавляют два ледокола. Мы посетили один из них — «Москву». Ледоколу двадцать лет, он «дожил» до такого возраста здесь, у Чукотского побережья. Его капитан получил сообщение о том, что в районе Северного морского пути льдов еще очень много и ледокол не сможет разбить их и освободить путь для грузовых кораблей. Все на «Москве» — салоны, каюты, залы, библиотеки и читальни — значительно просторнее и уютнее, чем на первом классе пассажирского лайнера.

— А как же иначе? — говорит капитан. — Мы работаем на Севере и всегда должны иметь отличные бытовые условия для экипажа.

Он объясняет, что они идут в Певек (там и наш конечный пункт), и, если мы хотим, можем плыть с ними на ледоколе. Но когда они придут к месту назначения, сказать трудно. Этим летом в открытом море немного льда, но северный ветер пригнал к побережью огромные льдины, и суда не могут причалить и разгрузиться.

— Два дня назад, — рассказывает капитан, — нас вызвали в один порт на южном берегу. Там остановился транспорт, который должен был разгрузить уголь и нефть. Ветер дул в направлении берега, и судно оказалось скованным такими глыбами льда, что они могли раздавить его, как спичечный коробок. Мы отправились и...

— Вытащили его?

— Нет. Пробыли ему путь к берегу. Как можно вытаскивать судно, если оно еще не выгрузило свои товары. В селах несколько сотен людей ждут от нас продукты, одежду, топливо, стройматериалы. К тому же на берегу начали строить школу. А строителям на Чукотке дорог каждый день короткого лета. Таких случаев сколько угодно. Стоит только нам задержаться, и мы подведем людей. Особенно в первые дни после на-

чала навигации. Иногда приходится поднимать якорь ради выполнения таких задач, которые далеки от наших основных обязанностей. В прошлом году, пока мы освобождали изо льдов сухогруз, нам сообщили, что в одном из эскимосских рыбацких поселков тяжело заболел мальчик. Дул такой ветер, что ни один катер не мог подойти к берегу, не говоря уж о самолетах. Мы отправились туда, но как возьмешь человека с берега, когда нельзя спустить на воду катер. Волна высокая. Чтобы спасти одного больного, иногда подвергаешь риску жизни десяти человек экипажа. Вылетел наш вертолет. Вопреки всяким правилам, командир один отправился на задание. Ветер так мотал машину, что в любой момент она могла оказаться на прибрежных скалах, как раздавленный комар. А скалами, если вы заметили, бог нас не обидел. Все закончилось благополучно, пилот вернулся на ледокол и привез мальчика. Оказалось, что у него аппендицит, требовалась срочная операция. Не было времени и возможности отправить его в больницу. Наш врач — не хирург, но он сделал операцию, и все кончилось хорошо. Мальчик выздоровел и не захотел возвращаться домой — уговаривал нас оставить его на ледоколе работать. Из эскимосов обычно получаются отличные моряки. Я просто не знал, что делать.

— И что вы решили?

— Посоветовались с родителями и послали его учиться в мореходное училище. Закончит — будет у нас работать.

БОГАТСТВО ЧУКОТКИ — ЕЕ ЛЮДИ

Когда мы посещали различные предприятия в поселке Провидения и знакомились с людьми, нас сопровождала Галина Тегрет. По национальности она — чукчанка, выросла в семье оленеводов и охотников, закончила Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, некоторое время

работала учительницей. Теперь она — один из руководителей района.

Мы собрались посетить обувной цех местного кожевенного завода; Галина обещала познакомить нас там с Людмилой Гоимисиной, эскимоской, опытной работницей и, между прочим, красивой женщиной. Но встреча не состоялась. За три дня до нашего приезда Людмила уехала на курорт в Сочи.

— Ничего, — сказала Галина, — я вас познакомлю с другой эскимоской, Ниной Александровной; она тоже интересная женщина, между прочим, замужем за русским.

Но и Нину Александровну мы не застали. Она уехала на курорт в Кисловодск.

— Но ведь эскимосы и чукчи тяжело переносят южный климат?

— Привыкают, да еще как! Особенно молодые.

Галина расстроилась из-за наших несостоявшихся встреч и отвела нас в цех, который производит изделия из шкур оленя и нерпы. Она познакомила нас с несколькими работницами; я видел, что они не русские и не украинки, но не мог определить, кто из них чукчанки, а кто эскимоски. Все говорили на хорошем русском языке, с первого взгляда можно было понять, что их связывают теплые приятельские отношения. В Чукотском автономном округе живут и работают представители восьмидесяти двух народов и народностей, и на каждом шагу замечаешь, что их дружба — это не газетный лозунг, а повседневная реальность.

— Вы не очень-то наблюдательны, — укоряет меня Галина, — эскимоски красивее других женщин, по крайней мере так считают наши мужчины.

Я попытался реабилитировать себя тем, что мне еще предстоит поездка по эскимосским селам и там, наверное, у меня сложится более правильное впечатление.

— И потом, советую вам обратить внимание на походку.

Позже, когда я встречался и знакомился ближе с оленеводами, я заметил, что у чукчей походка особая. Тело слегка покачивается, и создается впечатление, будто они хромают на обе ноги. Вероятно, такая манера ходить выработалась при постоянных передвижениях по камням и кочкам тундры, где всегда, прежде чем ступить, надо выбрать место, чтобы не подвернуть ногу. Однако оставим этот вопрос этнографам и антропологам.

Галина — милая и любезная женщина, внимательный и отзывчивый руководитель. Случается, на улице или на предприятии к ней подходят люди, здороваются и продолжают разговор, начатый еще вчера: сегодня этим людям пришли в голову новые мысли, и они спешат поделиться ими с Галиной.

У нее есть ребенок, а кроме того, она усыновила двух сирот. Иван Петрович Аренто тоже усыновил двух детей. Чукчи часто употребляют несколько иное выражение — «взял воспитывать». Галина объясняет, что это у них не редкость, так как в суровых северных условиях особенно дорог каждый ребенок, а это заставляет местных жителей исключительно заботливо относиться к тем, кто продолжит их род. Эскимосы и чукчи не берут с собой на охоту мужчину, жена которого ждет малыша. Они делятся с этим человеком всем, что добывают, оберегая беременную женщину от беспокойства за мужа, поскольку охота всегда опасна.

С заботой о потомстве связано и древнее поверье — нельзя смотреть на ребенка недобрым глазом.

Обычно женщины развивающихся стран или отставших от современной цивилизации народов очень медленно подключаются к общественной жизни, отдаваясь целиком заботам о доме. У чукчей наблюдается обратное: женщина на производстве, женщины в порту и в полярной авиации, женщины — врачи и инженеры, женщины

в комитетах партии и в Советах. Мне кажется, ясно без объяснений, что основная предпосылка этому — социалистическая действительность, которая открывает перед женщиной широкие возможности для всестороннего развития.

Еще до знакомства с Галиной Тегрет я встречался с Линой Григорьевной Тынель. Тынель тоже родилась в семье оленеводов, закончила Ленинградский пединститут, работала методистом в школах, редактором в издательстве, была председателем исполкома Чукотского окружного Совета народных депутатов, избиралась депутатом Верховного Совета СССР. Сейчас она работает в Магаданском книжном издательстве.

Богатство Чукотки — не золото, богатство этой холодной земли — ее люди, и прежде всего женщины, их теплота, сердечность, неисчерпаемая энергия.

МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

Мы отправились охотиться на моржей в далекое эскимосское село Сиреники на гидрографическом судне «Вега». Как шутили моряки, их «корыто» уже поседело, но все еще прочно держится на высоких волнах, только бы удержаться им самим. Наша компания была небольшой — Юрий Рытхэу, Николай, учитель Иван Поломошнов — прекрасный знаток фольклора чукчей. Возглавлял группу бывший москвич Сергей, который попал на Чукотку после окончания института и прожил здесь уже четырнадцать лет. Объяснение у сотен таких, как он, одно:

— Приезжаешь сюда и говоришь себе: «Проживу год-два, а там посмотрим». Проходит два года, и устанавливаешь себе новый срок: «Проживу десять лет, тогда подумаю». И так до старости.

Мы плыли у самых берегов. Стелился такой туман, что в трехстах метрах уже ничего не было видно. Дул резкий, колючий

ветер. Иногда туман рассеивался, и мы с ужасом обнаруживали, что находимся у подножия скал. Трудно было понять, насколько они высоки, так как их вершины скрывал все тот же туман.

Мы бросили якорь у села Сиреники. Здесь живут потомственные охотники на морских животных. Недалеко от берега виднелась сотня невысоких домишек, главным образом деревянных. На берегу, не успев сделать и десяти шагов, я споткнулся об огромные кости, похожие на лодочные весла. Это были ребра кита. В прошлом их использовали при строительстве яранг-землянок и ям, в которых хранили мясо убитых животных. Перескочив через ребра, я наткнулся на другие кости — позвоночник кита. Меня позвал Рытхэу: «Иди скорее, нас уже ждут». Я пошел, но снова остановился. На песке валялась голова какого-то животного. Не дай бог увидеть такое ночью — закрытые глаза, косматая морда, вместо волос — какие-то иглы, наподобие тех, которыми женщины в деревнях когда-то вязали носки; толстые, как у коровы, губы. Это была голова моржа.

Как я узнал позже, сюда охотники приносили свою добычу и здесь производили разделку туш. Полностью закопать останки животных в мерзлую землю очень трудно. Охотники пытались выбрасывать их в море, но волны все равно приносили их обратно на песок маленького залива.

В Сирениках есть оленеводческий совхоз, ферма, где выращивают песцов, и бригады охотников на морских животных.

Несколько месяцев назад Юрий Рытхэу вернулся из поездки на Аляску. В селе ждали его приезда, и поэтому первые вопросы были обращены к нему.

— Будет собрание?

— Не только собрание, но и еще кое-что.

Он многозначительно подмигнул любопытным и объяснил нам, что народы с обоих берегов Берингова пролива испытывают друг к другу большой интерес.

Вечером в кинозале Рытхэу показывал фильмы, которые привез с Аляски. Перед нами проходили сцены, словно специально предназначенные для рекламных проспектов: эскимосы улыбались из своих лодок и вельботов, охотились на кита, а их близкие дома беспокоились за них и с нетерпением ждали их возвращения.

По окончании фильма мне предложили выйти на трибуну: в это село впервые приехал иностранец, почему бы не послушать его, по крайней мере, на каком языке он говорит. Сколько раз я уже наблюдал, как непосредственны и естественны подобные встречи с советскими людьми. Еще раз я убедился в этом и здесь, в самом отдаленном районе Советского Союза. Без какой-либо специальной подготовки со стороны руководства собравшиеся в зале люди спрашивали меня о том, что действительно их волнует. Между делом поинтересовались, какого черта я ищу здесь, на краю света, и какое у меня было раньше представление о Чукотке.

Откровенные вопросы требуют искренних ответов. Я признался, что ожидал увидеть отсталый край, но мои представления не оправдались. Рассказал, что в их селе кроме руководства совхоза, я познакомился с учительницей, которая преподает в школе эскимосский язык.

Несколько голосов подсказали мне: с Верой Александровной. Вера Александровна, продолжал я, пригласила нас к себе домой на чай, так как мы замерзли в пути, и, пока мы были у нее, успели посмотреть по телевизору московскую программу. Я и не думал, что здесь, на краю света, они смотрят передачи из Москвы, а потом по дороге в клуб Вера Александровна показала нам строительство одного большого здания...

Снова несколько голосов прервали меня и объяснили, что это больница, там будет три врача и двенадцать коек, она должна быть готова к началу зимы, но жители села не были уверены, что строители уложатся

в сроки, и готовились воздать за это должное и им, и председателю Совета.

Я познакомился, продолжал я, с некоторыми людьми из рода Рахтуге.

И опять меня прервали голоса: старика нет, но около вас сидит его внук.

Старый Рахтуге — потомственный охотник, известный на побережье как «хозяин Берингова моря». На своей маленькой лодке в море он воевал со льдами и морскими зверями, а на суше — с шаманами. Один из его сыновей — капитан рыболовного траулера, другой — начальник строительной бригады; один внук — на руководящей работе в селе, другой — штурман океанского корабля.

Утром на рассвете мы собрались на морском берегу, одетые в ватники и резиновые сапоги.

В этом селе все еще делают байдары — лодки с деревянным каркасом, обшитые шкурами моржа. Трех шкур достаточно для одной лодки, в которой помещаются четыре-пять человек. Бывают байдары и поменьше, их можно переносить на плечах, но такие скорее встретишь в музеях Чукотки, чем в прибрежных селах.

Мне хотелось поехать на байдаре, но я не посмел высказать свое пожелание, и нас с Сергеем пригласили на вельбот. Это современная деревянная моторная лодка, рассчитанная на пять-шесть охотников. И на вельботе, и на байдаре установлены бензиновые моторы. Охотники, уходя в море, никогда не знают, когда вернуться, поэтому на всякий случай берут с собой три резервуара с бензином. Не так страшно, если у них кончится хлеб, гораздо опаснее остаться без горючего: неизвестно, куда занесет лодку ветер.

Командовал на вельботе Сергей, смуглый человек лет сорока с небольшим, узкоглазый, с широким лицом. Место стрелка в звене занимал Саша, его сын.

Охотники были в обычной рабочей одеж-

де, которую надевают каждый день для выхода в море: ватники и стеганые штаны, резиновые сапоги. За поясом у каждого из них в чехле из кожи лахтака висел нож, а у некоторых и по два — большой и маленький.

Все заняли свои места без особого приглашения. Сергей встал на корме, его сын устроился на носу, моторист включил мотор, около него смущенно суетился пятнадцатилетний парнишка, школьник — будущий гарпунер, как представил его Сергей.

Шесть вельботов и байдара пошли в разных направлениях.

Пока мы плыли, я увидел спину какого-то животного, похожую на перевернутую лодку, и прицелился. Наш стрелок сказал: — Оставьте его, это кит. Пуля лишь пощекочет ему бока.

Черная спина скрылась под водой, а на поверхности показался маленький фонтан.

Мы продолжали плыть вдоль берега, примерно еще с милю. Я увидел в воде скалу величиной с огромное дерево, по крайней мере раза в два выше тополя и, как тополь в июне, белую от сидевших на ней чаек. Мы оказались среди льдин. Дул ветер, но море было сравнительно спокойным. Лед препятствует образованию высоких волн. Выключили мотор. Мы молчали, дрожа от холода, смотрели в бинокль на ледяные глыбы, но не видели никаких моржей.

В это время — в конце июня — эти животные чаще всего плавают в Беринговом море. Обычно они заходят в Анадырский залив, на территории которого уместилась бы треть Болгарии, разрывают бивнями морское дно в поисках улиток и мидий. Ныряют на глубину до пятидесяти метров и более. Устав или наевшись, они появляются на поверхности и отдыхают на льдинах.

Пока я слушал объяснения Сергея и осматривался вокруг, послышался далекий выстрел. В его сторону направились сразу

три лодки. Выстрелили во второй, в третий раз, и Сергей, стоявший во весь рост на корме, приказал:

— Давай вправо. Гарпунировали моржей.

Я не понял, что произошло, но не стал расспрашивать. Все равно целый день проведем в море, и я смогу увидеть своими глазами все перипетии морской охоты.

Снова заглушили мотор, мы продолжали молчать, хотя, даже если б и разговаривали, вряд ли вспугнули бы животных, которых искали, — их просто не было поблизости.

Вдруг в воде показалась маленькая черная головка, я подумал, что это птица. Пока я гадал, что бы это могло быть, Саша выстрелил.

— Нерпа, — сказал он. — Я промахнулся. Далековато было.

Пока Сергей мне рассказывал, как эскимосы и чукчи зимой ловят нерп, Саша снова прицелился: в 40—50 метрах от нас я увидел две головы, похожие на горбы верблюда. Едва я понял, кто это, вельбот сделал крутой поворот. Саша — один из самых опытных стрелков в совхозе. Он стоял на носу и чуть не упал в воду. Его пуля просвистела где-то высоко.

Эскимосы и чукчи очень кроткие люди, настолько вежливые друг к другу, что даже в языке у них нет ругательств. Самое обидное для них оскорбление — «ты плохой человек», на языке чукчей — «меркычгыргин», по-эскимосски — «сюхлюрал», что у других народов равнозначно слову «подлец».

Между отцом и сыном разгорелся спор. Наблюдая за их лицами, я понял, что их взаимные упреки отнюдь не безобидны. Они говорили по-эскимосски, и я ничего не понял. Во всяком случае, я не слышал, чтобы кто-то из них употребил слово «сюхлюрал». Только вечером в селе Сергей объяснил нам, что случилось. Он увидел самку моржа — моржиху — с детенышем на спине (поэтому мне показалось, что я вижу

два верблюжьих горба). Сергей посмотрел на моржиху, потом — на сына. Саша перехватил взгляд отца, увидел моржиху и взял ее на прицел. В этот момент отец резко изменил направление лодки, и выстрел молодого стрелка не достиг цели. Сергей подумал, что моржонок был болен или ранен, потому что мать делала круги около него, даже один раз нырнула, подбросила его в воздухе и оставила у себя на спине. Через пятнадцать минут с другой байдары выстрелили. Тогда Саша снова начал препираться с отцом.

— Вот видишь, убили ее, это все та же моржиха, я заметил, куда она поплыла.

— Ну и что из этого, найдем другую, — возразил отец.

— Но почему нельзя стрелять, когда детеныш может прожить и без матери? Ты что, в первый раз на охоте?

— Я поступил так ради твоей мамы. Вспомнил, что она больна, и мне не захотелось убивать это животное.

— Вот чудак! Как раз маме я и хотел отнести моржовую печень, чтобы она поскорее выздоровела!

— Найдем какого-нибудь самца, без добычи не вернемся.

Веками охота на моржей была основным источником пропитания для населения побережий Чукотки и Аляски. Там находятся самые большие стада этих морских животных. Когда мы приехали в Сиреники, я заметил, что перед некоторыми домами сушилось мясо моржа (то же самое я наблюдал и в других прибрежных селах). В этих районах нет мух, поэтому мясо в таком состоянии можно хранить неделями и месяцами. Накануне зимы его кладут в ямы — увараны (нечто вроде склада с запасами замороженного мяса на зиму).

Рытхэу рассказывал, что в печати некоторых стран охоту на морских животных — китов, моржей, нерп, лахтаков — называли зверством. Так могли писать только люди, не имевшие никакого пред-

ставления о жизни народов Севера. Целые институты изучали этот вопрос и пришли к выводу, что, если эти народы лишить их традиционной пищи, они погибнут. Морские животные — не только источник питания. Даже и сейчас, при производстве самой современной синтетики, ничто не может заменить охотникам канатов, сделанных из шкуры моржей. Так же как еще не придумали более удобных для охоты лодок, чем байдары, а их изготовляют из моржовых шкур. Источником улучшения жизни для местного населения служат и бивни моржа, которые не уступают по своей стоимости слоновой кости. По сообщениям американских газет, на Аляске ежегодно добывают бивней на сумму около ста пятидесяти тысяч долларов.

В некоторых районах мира до войны действительно наблюдалось хищническое истребление моржей. В 1956 году правительство РСФСР приняло постановление о мерах по защите фауны Арктики, в котором запрещалось истребление моржей в промышленных целях, отстрел этих животных был разрешен только местному населению. В 1972 году между СССР и США подписано соглашение по охране окружающей среды, в котором есть специальные пункты, регулирующие отстрел морских животных, создано несколько специальных совместных групп, наблюдающих за выполнением пунктов соглашения и два раза в год отчитывающихся на совместных заседаниях.

На Чукотском побережье отстрел моржей разрешается только в том случае, если животное находится в воде — в море. Обычно в конце лета моржи собираются на своих лежбищах на островах или песчаных косах. Там охота на них запрещена. Во время путешествия по побережью мне не удалось вблизи увидеть такие лежбища. Около них запрещается плавание кораблей, к ним не разрешают подлетать самолетам.

Подошло время обеда. Сергей велел сыну

наблюдать за морем, пока мы поедем. Он достал из мешка куски того самого мяса, которое сушится перед домами. Оно напоминает бастурму, но без соли. Тот, кто никогда не пробовал мясо моржа, испугается его вида, но, раз отведав его, захочет еще.

Саша указал отцу на что-то слева от нас. Механик не стал ждать приказа и включил мотор. Мы прервали обед. Над водой показался морж и тут же скрылся. Саша дал мне знак, чтобы я приготовился стрелять. Морж снова всплыл, но был от нас в сорока — пятидесяти метрах. Я выстрелил, он исчез под водой, на поверхности показалось красное пятно. Саша махнул рукой. Если бы я не был гостем, мне пришлось бы выслушать ряд упреков, хотя и безобидных. Я их заслужил.

— Теперь он пойдет ко дну, — объяснил Сергей. — Жалко. Первый раз надо стрелять прямо над головой.

— Но именно это я и хотел сделать!

— Когда пуля пролетает над ушами животного, оно глохнет, теряется и не может долго пробыть под водой.

— Две лодки устремились было к нам, но, узнав, что случилось, повернули обратно.

И снова все замолчали. После промаха я стеснялся начать разговор.

Вечером я сказал Рытхэу, что люди, с которыми я был на охоте, очень неразговорчивы и скрытны, вероятно, их смущало наше с Сергеем присутствие.

— Когда вы пили чай, они молчали? — спросил он.

— Нет.

— А в море они находятся на работе и тогда понимают друг друга по одному взгляду или только жесту.

Ветер усиливался, мы удалялись от берега. Несмотря на теплую одежду, мне было холодно.

Я вздрогнул от выстрела. Из Сашиного карабина шел дымок. Мотор захрипел, я смотрел на воду перед носом вельбота. За-

работали моторы и на соседних лодках, все направились к нам. За эти несколько секунд никто из охотников не проронил ни слова, они работали удивительно дружно и слаженно. Старший знал, куда направить вельбот, механик — на какой скорости плыть, стрелок — на какой участок воды обратить внимание.

В ста метрах от нас показался морж. Саша снова выстрелил. Кажется, морж был ранен, потому что он не прятался долго под водой. Его настигла байдара, оказавшаяся перед нами, и стрелок бросил оттуда гарпун. Наш и еще два вельбота сразу свернули в стороны. Я посмотрел на старшего, он рукой дал знак подождать. Когда мы отплыли подальше и выключили мотор, Сергей объяснил, что независимо от того, чья лодка выследила моржа, все могут стрелять в него, а морж достается тому, кто первый его гарпунирует.

Охота на моржей требует дружных усилий и мужества. Не случайно ее участников называют зверобоями. По одному животному могут стрелять и три, и тридцать человек, но оно достается той лодке, откуда был удачно брошен гарпун, а когда зверя вытаскивают на берег, его делят между всеми, кто нуждается в мясе.

И у жителей тундры, и у прибрежных охотников Чукотки точная стрельба всегда считалась самым высоким мастерством. У чукчей и эскимосов наблюдается культ физической силы, они соревнуются в борьбе, поднятии тяжестей, метании копья, забрасывании гарпуна и аркана (лассо). Это вполне естественно: чтобы жить в суровых условиях Севера, надо быть здоровым и умело владеть оружием.

При следующем заходе добыча досталась нам. Стреляли с соседнего вельбота, но Сергей первым настиг животное, и Саша после двух выстрелов бросил гарпун. Я не знал, как сделаны гарпуны, видел только, что древко осталось в воде, и заволновался. Сергей улыбнулся и велел мне смотреть

вперед. Гарпун сделан таким образом, что после броска он зацепляется за шкуру животного, как большой крюк, а древко отделяется и падает в воду, потом его легко находят. Гарпун привязан ремнями из моржовой кожи к лодке и к надутому мешку из шкуры нерпы — пыхпыху, который похож на гайду и служит в качестве буя. Даже если животное ранено только слегка, оно не может нырнуть глубоко. Тащит за собой лодку, пока хватит сил.

Погоня продолжалась недолго, морж остановился. Тогда четверо охотников ловко и быстро вытащили его из воды и привязали к правому борту лодки. Это был красивый самец с превосходными бивнями длиной около семидесяти сантиметров. По мнению Сергея, наша добыча весила не меньше восьмисот килограммов.

— Вам повезло, — сказал он. — Один бивень ваш, хоть вы и не стреляли.

Мы остановились у одной льдины и выгрузили на нее моржа. Охотники заработали ножами всех размеров, и через двадцать минут разделанное мясо побросали в вельбот.

— Все части моржа можно есть сырыми, — сказал Сергей, — все, кроме почек.

Он завернул печень в шкуру и подал ее сыну, сказав что-то по-эскимосски.

Над нами кружились чайки. Мы щелкали фотоаппаратами, хотя вряд ли нужно было снимать эту работу мясников.

— Теперь можно возвращаться, — сказал Сергей. — Мяса хватит всем.

Саша зажег примус, вода в чайнике закипела. Пока мы пили чай, Сергей сказал, что, по его мнению, охота была удачной. На каждой лодке кое-что имеется, а что именно, увидим на берегу.

Я поинтересовался, случались ли у них какие-нибудь происшествия на охоте.

— А как же! Не забывайте, что мы имеем дело с моржами. Вот что приключилось с нами неделю назад. Мы вышли на байдаре в море, остановились на отдых, и

все четверо пили чай. Не оставили дежурного. Что-то прицепилось ко дну лодки. Сами видели, что это за лодки — рыба ударило о борт, и то чувствуется. Мы подумали, что это кусок льда. Через минуту в пятнадцати метрах от нас показался морж и устремился к нам. Просто напал, как хищник. Над водой была не только его голова, но и половина туловища. На суше эти животные очень неуклюжие, но в море — исключительно ловкие. Бывали случаи, когда они пробивали байдару или переворачивали ее бивнями вверх дном. Мы с Сашей схватились за ружья. Выстрелили. Зверь по инерции — уже убитый — ударился об лодку, и мы с трудом удержались на местах. Мы еще не успели прийти в себя, как вдруг показался маленький моржонок, наивный и неосторожный, как любое дитя. Скорее всего, это он оказался под лодкой. Из-за него моржиха готова была разнести ее в щепки. В море моржи нападают на людей только в таких случаях. Из всех морских животных они больше всего привязаны к своим детенышам и всегда готовы пожертвовать собой ради них.

Похоже, этот разговор не нравился Сергею, и он без всякого повода спросил:

— Слушай, когда вы были в Анадыре, никто не говорил, едет сюда «Эргырон»?

«Эргырон» — это чукотский народный ансамбль. В бухте Провидения меня спрашивали о нем на трех предприятиях, а прошлым вечером тот же вопрос задали на собрании Сергею. Но мы оба не знали, где сейчас «Эргырон».

— Пока его нет, — сказал Сергей, — посмотрите наш «Кеугьяк». У нас тоже хорошие певцы и танзоры.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ — ТЕРПЕЛИВОСТЬ

Второй день мы ждем в бухте Провидения самолет, чтобы отправиться в северо-восточный район Чукотки. Его центр —

Лаврентия — не принимает ни пассажирские, ни грузовые самолеты. Туман, сильный ветер — ничего себе погодка. А ведь конец июня. В Болгарии сейчас каждый ищет тень и, если не может из-за туристов достать холодного пива, сам охлаждает себе ракию, а я здесь мерзну от одного только вида снега на холмах, на которые смотрю из окна. Гостиница расположена прямо на берегу моря, и я безнадежно вглядываюсь в туман над бухтой. Около меня стоит Николай, он ни с того ни с сего вдруг дергает меня за руку и кричит:

— Смотри, моржи! Вот бы сейчас ружье!

Плохо, когда охотничья страсть одолевает человека, который, не успев научиться бить мелких зверьков и птиц, сразу начинает стрелять по морским гигантам. Такие люди просто заболевают неизлечимой болезнью и даже во сне, наверное, охотятся на тигров и слонов.

И в самом деле, два моржа, как дельфины, играли в воде, не боясь близости лодок, катеров и огромных кораблей. Нам сказали, что они постоянно живут в бухте, не уходят в открытое море.

Мы решили вернуться в Анадырь. Там аэропорт принимает самолеты. Все же это окружной центр, и оттуда легче будет улететь в Лаврентия, хотя и придется проделать лишний путь.

Но и в Анадыре нам не повезло. И оттуда не летели самолеты в Лаврентия. Пришлось нам ждать не в городе, а в аэропорту. Все могло случиться, погода на Севере меняется быстро, и, пока мы переезжали бы из города через лиман, могли упустить первый самолет.

Только теперь я понимаю, что значит авиация для Чукотки. Все! Она заменяет поезда, междугородные пассажирские автобусы и автомобили всех видов. Технический и культурный прогресс в Магаданскую область — и не только в нее — прибывает прежде всего на крыльях Аэрофлота.

В Москву, Хабаровск и Магадан почти

в любую погоду летят самолеты, но местные линии, обслуживаемые небольшими машинами, часто бывают закрыты. В аэропорту собралось, наверное, столько народу, сколько можно увидеть в столице. Большинство так же, как и мы, предпочитает ждать летной погоды здесь, а не в городе. В аэропорту есть гостиница на двести пятьдесят мест, которая в хорошую погоду, конечно, пустует, а сейчас ее может вместить всех желающих. Для женщин, матерей с детьми и стариков всегда найдется место, а остальные почуют в зале ожидания. Аэропорт в Анадыре, конечно, не столь комфортабелен, как Внуково или Шереметьево, но ресторан и буфет работают круглосуточно.

Похоже, что только мы с Николаем беспокоимся, да еще у нескольких ожидающих взволнованные, нетерпеливые лица! Во всяком случае, я не слышал никакой ругани по поводу того, что приходится ждать. Здесь чаще, чем в других дальневосточных районах, звучат ободряющие слова: «Что ты нервничаешь, все будет в порядке».

Самая большая добродетель на Чукотке — и особенно у людей из тундры — терпеливость. Здесь не любят южную горячность. Нервный человек пропадет в пургу. Нетерпеливый утонет в байдаре и погубит других. Представления о времени, масштабы здесь несколько иные. Сто километров — не расстояние, сто рублей — не деньги, сто граммов — не выпивка. Когда зубной врач в Анадыре лечила мне зуб, она сказала:

— Это займет совсем немного времени, и будет почти не больно.

Я спросил, сколько же она будет меня лечить.

— Не больше часа.

Ничего себе, немного времени, подумал я, вот бы ее саму посадить на час в это кресло.

Когда весь день сидишь на чемоданах

и тебе нечего делать, пропадает всякое желание заглядывать в блокнот с записями. и каждая книга кажется скучной. Знакомства с новыми людьми неизбежны, и ноги часто сами ведут в ресторан. Оказалось, что несколько корреспондентов магаданских и московских газет тоже ждут вылета. Один из них пообещал познакомить меня с интересным человеком, точнее, интересной была история, в которую он попал. Хотя об этом уже был написан очерк, мне все равно полезно было ее послушать. Через час корреспондент привел, точнее, толкнул в мою комнату одного мужчину.

— Сидор, рассказывай все по порядку. Я все равно проверю. Ничего не скрывай.

Сидор — крупный, тридцатилетний мужчина с истощенным, как у язвенника, лицом.

— Говори всю правду! Как на духу!

Корреспондент обнял гостя за плечи и усадил его на стул.

Сидор сидел, опустив голову и перебирая руками, словно ученик, который не подготовил урок.

— Да зачем... — бормотал он, — это старая история, давно было. Не надо об этом писать за границей. Зачем показывать нас такими, когда мы... Мне хватит и того, что обо мне наши газеты писали.

Я не знал, как успокоить этого человека, и предложил ему сигарету.

Вот что он рассказал.

— Я был шофером грузовика. После... после того случая я бросил это занятие. Сейчас работаю на строительстве в соседнем районе, бригадиром. А тогда ездил по Колымской трассе. Наверное, вы слышали о ней — магистраль через лесотундру и тундру. Я не прожил и года в Магаданской области, когда произошла та история. На трассе есть столовые, мы возле них останавливаемся, обедаем, заправляемся горючим. В тот рейс я поехал один. Мой помощник выдавал замуж дочь и не мог отпривиться со мной. А я должен был отвез-

ти продукты в один совхоз. Стоял воскресный день, машин на дороге было мало. Я остановился у столовой, вышел из кабины, ко мне приблизились пятеро чукчей. Один из них заговорил со мной, в его голосе было что-то начальственное, сказал, что он бригадир, и попросил подвести до первого села их товарища Омрыгыргынтумгыкэя, у которого тяжело заболел родственник. Это имя трудно выговорить и запомнить, но потом оно звучало у меня в мозгу даже во сне. Омрыгыргынтумгыкэй был молодым человеком (моего возраста), он показался мне пугливым — смотрел на грузовик, словно ребенок, который впервые видит реактивный самолет... Пока бригадир беседовал со мной, он успел заглянуть ко мне в кабину, дверь которой я оставил открытой. Он жил в ста — двухстах километрах от трассы и, вероятно, никогда не ездил на таком чуде или же был чересчур любопытным. Хорошо, говорю, я его захвачу с собой, только я поеду через час, хочу немного поразмяться, поскольку у меня от долгой дороги затекли руки и ноги.

Я пошел к ближайшим кустам, сделал свои дела, потом собирал ягоды, съел в столовой два борща и две порции жареной оленины. Здоровый был, много ел тогда. Да и дорога там была такая, что не знаешь, через сколько времени сможешь снова перекусить, потому и наедался про запас. Когда я вернулся к машине, пятеро чукчей ждали меня. Я позвал Омрыгыргына — так легче выговорить, — сел за руль, вижу, нет моего бумажника с документами и деньгами. А денег было много, зарплата за два месяца. «Это ты взял?» — спрашиваю Омрыгыргына. Он улыбается воровато... по крайней мере мне так показалось. «Вылезай, говорю, так тебя! Вор, а еще хочет ехать на государственной машине». Я кричу «вор» и размахивая рукояткой, а он что-то бормочет на своем языке и отступает назад. Откуда-то прибежали остальные чукчи, подняли шум, а я, честно говоря, вы-

ругался и сел за руль. Зачем, думаю, напрасно терять время. Вернусь в районный центр, пойду в милицию, найдут вора.

На следующий день я возвратился и снова остановился перед столовой. Вижу, те же чукчи стоят. На этот раз их только четверо, без Омрыгыргына. Бригадир держит мой бумажник. Мы его нашли, говорят, там, где ты ел ягоды, если хочешь, можем все твои следы показать. Мы олениводы и охотники, всю жизнь в тундре и можем найти любой след человека и животного. Ты забыл свою сумку, никто ее не крал. Не может быть, говорю и открываю сумку — внутри все так, как было. Может, может, говорит бригадир, мы все проверили, после того как Омрыгыргын повесился.

— Что?

— Омрыгыргынтумгыкэй по-русски значит мужественный, честный и уважаемый человек. Чукча никогда не возьмет чужого. После твоего отъезда мы расспрашивали Омрыгыргына. Мы знаем его хорошо — он только в одном случае мог говорить неправду. Вернется с охоты и скажет, что убил медведя и двух росомых; ну, мы знали, что на его счету медведь и одна росомеха, а вторую он выдумал. Омрыгыргын лгал, только когда хотел показать себя большим охотником. А ты кричал, что он вор. Чукча не может вынести такого оскорбления, и поэтому Омрыгыргын повесился. Не заметили мы, когда он это сделал, нашли его уже холодным. Поняли, почему он так поступил, и обошли весь район, шаг за шагом, и нашли твою сумку. Если хочешь, можем показать место. А ты плохой человек, лживый и недоверчивый, поэтому и сейчас проверил, все ли на месте или чего нет.

Тут я вспомнил, что отправился за ягодами с сумкой и оставил ее, когда делал свои дела. Тогда я прихватил ее с собой, потому что... потому что недавно жил в этом районе и боялся, чтобы ее кто-нибудь

не украл, ведь дверь кабины можно открыть и куском проволоки.

Я не мог больше стоять на ногах и сел. Я молчал, и они молчали.

— До свидания, — сказал бригадир. — Прости, шофер, но ты меркычгыргин.

На их языке это все равно что тебя назовут подлецом, мошенником, мерзавцем или что-то в этом роде. Подождите, говорю, братцы, давайте разберемся. Не заводите дело, сколько попросите, я вам заплачу.

Бригадир не сразу понял, о чем идет речь, потом махнул рукой, как будто отмахнулся от комара, пробормотал что-то и зашагал прочь, а за ним пошли и трое остальных.

Я ждал месяц, другой, но не получил никакой повестки к следователю. Не мог я больше молчать, пошел к директору автобазы и во всем признался.

— Да, — сказал он, — чукчи очень чувствительны к незаслуженному оскорблению. Но раз до сих пор тебя не вызвали, значит, вряд ли заведут дело. Не знаю, по какому параграфу кодекса могут тебя обвинить. Придется нашему руководству с тобой заниматься.

Я подумал, занимайтесь, сколько хотите, от этого мне не станет легче. Говорили со мной, наказывали, разносили по всем статьям, писали в стенгазетах. Прошел месяц, и я попросился в отпуск. Нашел бригаду Омрыгыргына. Виноват, говорю, что делать. У Омрыгыргына двое детей, я не женат и готов их усыновить. Нет, качает головой бригадир, Омрыгыргын сказал, что ты келе... Это значит дьявол, злой дух, который всегда опасен для людей и их детей. Ты, говорит бригадир, обидел честного человека, значит, не можешь воспитывать его детей.

Раздавили меня эти люди, не коснувшись руками. Признаюсь, если бы я был на их месте, я бы схватился за нож, а они словами меня зарезали.

Расхотелось мне ездить по Колымской

трассе, и я оставил автобазу. Переехал в другой район, поступил на стройку. В первый же год сколотил бригаду и взял в нее шестерых чукчей. Это были молодые люди, которые никогда не держали в руках мастерок или тесло и не умели забить гвоздь. Я научил их, теперь моя бригада на первом месте в районе. Я решил каждый месяц посылать детям Омрыгыргына деньги, но подумал, что, если пошлю его жене, она посоветуется с бригадиром, и тот велит ей вернуть их назад. Тогда я послал деньги директору совхоза и написал ему письмо. Он не возвратил их обратно, ответил на письмо. С тех пор, уже шесть лет, я регулярно посылаю деньги и буду делать это, пока дети не станут совершеннолетними. Вот и вся история.

Я слушал рассказ шофера и снова против воли вспоминал впечатления Джеймса Кука о коренном населении Чукотки.

Казалось, трудности с самолетами остались теперь позади. Объявили посадку на наш рейс в Лаврентия. В таких случаях человек стучит по дереву, надеясь, что больше не будет терять времени в гостинице и зале ожидания. Увы, на Чукотке можно предусмотреть все, кроме безветрия и солнечной погоды. Чем тщательнее обдумываешь планы на день, тем меньше вероятность их осуществления. Если после постоянных неудач человек не становится суеверным, то по крайней мере понимает, как и почему родилась столь часто повторяемая на Чукотке фраза: «Куда спешить, все устроится!» На этот раз она верна, и мы благополучно вылетаем. Наше возвращение в Анадырь тоже было нелегким, но... об этом я расскажу позже.

ДОРОГИ ТУНДРЫ

Районный центр Лаврентия — населенный пункт с массивными современными зданиями, расположенными на берегу мо-

ря в начале залива, который врывается в сушу, как бухта, на десятки километров. Коллеги из местной газеты посоветовали нам посетить два села, и мы, не долго думая, отправились в одно из них — Лорино. Когда находишься в здешних краях, тебя не покидает одна мысль: скорее сделать свою работу, пока погода хорошая и самолеты могут летать, а то...

Мы едем на вездеходе, тундровом такси. Наш шофер Гена — крупный, представительный мужчина, красавец, уже восемь лет водит самые старые и разболтанные машины.

— Пусть молодяк учится на новых.

Иногда Гена месяцами ездит по тундре. Не раз вьюга заносила его снегом. Он сидит со своими пассажирами в машине, угощает их чаем и своим неисчерпаемым оптимизмом.

Я спрашиваю его, не заносит ли пурга дорогу.

— В тундре нет дороги для того, кто впервые попадает туда, но для опытного водителя есть знаки, известные только ему.

Гена — не из стеснительных. На первый взгляд он своим важным видом и манерой говорить производит впечатление чересчур самоуверенного человека, но позже понимаешь, что все это только внешне. Все-таки он в первый раз везет иностранца, для него это почетно и хочется показать себя гостю.

Иногда зимой на каникулы к родителям из Лаврентия в Лорино, не желая ждать благоприятной погоды и вездеходов, отправляются нетерпеливые школьники; они часто сбиваются с пути. Матери и отцы, как правило, с опозданием узнают о выходе своих детей в тундру и тогда звонят Гене. Так, мол, и так, помоги нам, найди. Гена ругает ребят и про себя, и вслух, но все-таки садится в вездеход. За час, два, три он находит беглецов и, забрав их в машину, первым делом читает нотации — которые, вероятно, каждый ребенок уже не раз слы-

шал от своих родителей, — когда и как можно путешествовать по тундре.

— Ну, бывало, надеру кому-нибудь уши, — говорит Гена, — чтобы лучше запомнили урок, который пытаюсь им вдолбить. Этой зимой мне пришлось разыскивать мальчиков, отправившихся в Лорино. Туда-сюда, нигде их не видно. Наконец разыскал под одной скалой, замерзли, жмутся друг к другу и думают, что чем больше трясутся, тем скорее согреются. Я отнес их в машину, растер снегом руки и ноги, зажег бензиновую лампу, хотел еще уши надрать, но раздумал. Ограничился только словесным уроком. А сейчас, говорю, отвезу вас в милицию, там вам объяснят что к чему.

— Дядя Гена, не надо, мы больше не будем...

— Не слышу, — говорю.

— В другой раз мы не пойдем одни!

— Сейчас я вам поверю, — смягчаюсь я, — но если это еще раз повторится...

А они все трое хором кричат:

— Не повторится, дядя Гена!

Однажды исчез и семилетний сын самого Геннадия. Мать сказала малышу, что отец отправился на «Горячие источники», о которых паренек слышал много интересного; не долго думая, мальчик решил отправиться туда, посмотреть на ключи и искупаться. Стояло лето, но все-таки тундра была голая и пустынная, без дорог и людей; мальчик знал следы отцовского вездехода, мог их отличить среди многих других и шел по ним. Но на первых же километрах следы отцовской машины затерялись в болотистой почве. У вездехода всегда есть радиосвязь с районным центром. Гене сообщили, что его сын пропал, и он поехал за ним. Нашел его у большой лужи, ребенок сидел и плакал.

Гена не признался — обнимал он его тогда, ругал ли, видно было только, как увлажнились его глаза.

— Когда я спросил сына, зачем он по-

шел один, мальчик ответил: «Хочу стать тундровиком». После этих слов я уже не мог его ругать!

И Гена пропал в тундре, но не по незнанию дороги. Эта беда случалась с ним не раз. Вместо того, чтобы вернуться в Лаврентия через неделю, он попадал туда через две. Вездеход заносило снегом, и в таком случае никто и ничем не мог помочь водителю. Беда, если машина и радиостанция окажутся в неисправности. Однажды долго искали Гену, а от него все не было никаких вестей. Кончилась пурга, но он не возвращался. Отыскивали его вертолеты.

Сижу в кабине и под оглушительный грохот мотора слушаю Геннадия. Рассказывая о том, что значит в тундре оказаться занесенным снегом и без провизии, он так резко затормозил, что я ударился лбом о стекло. Гена вылез из кабины, через минуту я услышал звук его голоса, похоже было, что он успокаивал ребенка. Я тоже выбрался из вездехода, словно из люка танка, что не очень-то просто для неопытного пассажира. На дороге в старой борозде трактора прятались три маленьких суслика, похожие на потерянные детские варежки. Здесь их называют евражками. Это — мелкие тундровые зверьки с длинной пушистой шерстью. Гена поднял сусликов и отнес их в сторону.

— Евражка — товарищ в тундре. Едешь по ней, а он встанет на задние лапы и в этой безлюдной пустыне отдает тебе честь, желает успешного возвращения. Я охотник, но никогда в них не стреляю.

Через полчаса Гена снова остановился, теперь не столь резко. В этом месте снег растаял три-четыре недели тому назад, появилась трава, зазеленели поляны, расцвела бело-желтая пушица, вырос полярный мак, засинели незабудки. Как и в средней полосе, в тундре можно встретить много полевых и лесных цветов, но здесь они значительно мельче и растут во мху.

В тридцати—сорока шагах от нас, как солдаты-стражники, стояли на задних лапах евражки и наблюдали за нами. Любопытные, доверчивые и непугливые зверьки. Позже я видел их и на северных берегах Чукотки, но там они меньше.

Мы снова трогаемся. Едем по грязному и болотистому пути. Мне кажется, что мы сейчас завязнем в трясины.

— Ничего страшного,— успокаивает Гена.— Земля под трясиной никогда не оттаивает.

Пока он объясняет мне, что такое вечная мерзлота, машина делает резкий поворот, я ударяюсь головой о рамку дверцы и никак не могу понять, что же произошло, а Гена самым цветистым образом благословляет кого-то. Мы все выходим из вездехода. Правая гусеница разорвалась.

— Повезло,— бодро говорит водитель, лицо его сияет.

Я не могу понять, в чем же нам повезло, когда мы по колено в грязи. Этот человек действительно неисправимый оптимист.

— Хорошо, что не разорвалась в реке. Тогда пришлось бы ждать другую машину, чтобы она нас вытащила, и не обошлось бы без купания в холодной воде.

Оказалось, что Гена увидел в колее только что вылупившихся птенцов, которые жались к земле, испугавшись грохота машины. Он решил их объехать, но гусеница не выдержала резкого поворота. Гена занялся ремонтом гусеницы; несмотря на грязную работу, оптимизм его не иссякал. Он стучал инструментами, кряхтел и объяснял, что летом, всего лишь через месяц, здесь будет полно грибов. Сейчас мы бы могли пособирать дикий лук и, может быть, нашли бы какие-нибудь прошлогодние ягоды, но лучше всего сварить чаю.

В каждом вездеходе и зимой, и летом есть ящик с запасом продуктов. Мы зажгли паяльную лампу и на специально сделанную железную подставку, похожую на наш саджак, поставили чайник.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В ЛОРИНО

В конторе совхоза в Лорино собрались мужчины, как это обычно бывает, когда ждут вездеход или вертолет. Гену здесь хорошо знают, и кое-кто по-свойски спрашивает его: случайно, эти товарищи не из «Эргырона»?

Гена большой шутник и нарочно медлит с ответом.

— Спокойно, земляки, все узнаете, разве от вас что скроешь. Если захотите, можем и беседу устроить.

— Ну тебя с твоими беседами, скажи лучше, придет «Эргырон» или нет?

Гена укоризненно качает головой — дайте не срамиться перед гостями. Сперва они поговорят с директором, тогда все станет ясно.

В Лорино проживает тысяча пятьсот жителей, но здешним масштабам село считается большим. Здесь есть богатый оленеводческий совхоз, шесть бригад морских охотников, мехообрабатывающий цех, больница на двадцать пять коек и пять врачей. Есть и кое-что еще, незначительное на первый взгляд, но очень важное для этого места: восемьдесят коров, которые обеспечивают молоком даже районный центр. Совхоз ежегодно получает от зверофермы и охотников восемь тысяч шкурок песца. Как говорят здесь, это «белое золото» Чукотки.

В селе много машин — сельскохозяйственных, строительных, грузовых, — и большинство механизаторов — из местных. В школе-десятилетке занятия идут на чукотском и эскимосском языках. Молодежь обычно после окончания городского техникума или института возвращается в Лорино и поступает работать на звероводческую ферму, в меховой цех или оленеводческие бригады.

Не знаю кто — думаю, Гена — шепнул кому-то, что я специалист по народным ансамблям. Мы еще не закончили разговора

с директором совхоза, а в правление вошел какой-то мужчина и доложил по-военному:

— Мы готовы, просим вас.

Увидев, что мы ничего не понимаем, он объяснил нам, в чем дело. Тогда я вспомнил, что по дороге Гена несколько раз повторил:

— Вот увидите, здесь есть прекрасный танцевальный ансамбль!

Танцоры Лоринского ансамбля песни и пляски действительно превосходные. Их руководитель — Виктор, чукча, бывший матрос китобойного судна — я не записал его фамилию, — человек редкого таланта. Мастер пантомимы. Он продемонстрировал свои танцы «Охота на кита», «Северное сияние» и «Охота на нерпу». Музыкальное сопровождение не произвело на меня впечатления, мелодии однообразны, с маленьким диапазоном, но пластика танцоров, и особенно Виктора, удивительна. А ведь они — простые оленеводы, охотники, рыбаки, рабочие мехового цеха, медицинские сестры, люди без специального музыкального или хореографического образования.

Программа ансамбля могла бы продолжаться часами, но нам сообщили, что китобойное судно «Звездный» привезло богатый улов. Мне было жалко покидать танцоров, но нужно спешить на берег моря.

Два трактора вытаскивали из воды кита. Трудно сразу определить размеры и вес такой громады. Четверо работников специальными ножами на длинных деревянных ручках с легкостью, будто это не кит, а хлеб, стали разрезать тушу на большие квадратные куски примерно по двадцать килограммов каждый. Другие мужчины подхватывали их руками или железными крюками и откладывали в сторону, выдавая по куску каждому, кто пришел.

Через полтора часа морской берег опустел, на гальке, где лежал кит, осталось только темное пятно, несколько собак толклись у мелких кусочков мяса, валявшихся на камнях.

Меня пригласили в гости, в одну молодую семью. Муж работает радистом в совхозе, жена — специалист по обработке шкур диких животных. Вежливые, симпатичные и гостеприимные люди, по русскому обычаю они сразу же на скорую руку накрыли стол. Хозяин сообщил, что его родственник сегодня утром заколол телянка, и он угостит нас шницелями из свежего мяса и жареной печенью. Мы с аппетитом съели мясо, запивая его кто водкой, кто белым вином, затем хозяин подал какой-то знак жене. Молодая женщина принесла нам в тарелках что-то, похожее на свиную кожу с тонким слоем сала, но кожа была черной и более толстой, чем у свины.

— Ну, вы угадали, чем я вас угощаю? — спросил хозяин.

Если бы не последнее блюдо, у нас вряд ли появились бы какие-нибудь сомнения по поводу съеденного мяса, но сейчас нам все стало ясно: шницель и печень были не телячьими, а китовыми, из того самого кита, которого мы видели на берегу. Несмотря на то что мы съели угощение с большим аппетитом, к последнему блюду мы приступили уже без прежнего энтузиазма. Но и оно оказалось вкусным. Чукчи называют его итхипхен и считают большим лакомством.

Весь день нас сопровождала одна полная пожилая женщина, она постоянно улыбалась, будто наконец дождалась долго отсутствовавшего близкого человека. В самом начале она представилась как заместитель секретаря партийного комитета совхоза; как обычно бывает при подобных знакомствах, я не запомнил ее фамилию, только имя — Тамара. На ужине она сидела за столом рядом со мной и, когда мы кончили есть, тихо сказала:

— А ведь я болгарка.

Я никак не ожидал встретить своего соплеменника на другом конце земли, которая лежит вдали от маршрутов туристов и свадебных путешествий.

— Да, я болгарка, — повторила Тамара и рассказала свою историю.

Оказалось, что ее отец родился в селе Средец под Бургасом, принимал участие в Сентябрьском восстании 1923 года, после разгрома которого бежал в Советский Союз, здесь он учился и стал офицером Красной Армии. Тамара родилась в Советском Союзе. Ей известно, что у нее есть в Болгарии брат, несколько лет назад они вместе с мужем ездили искать его в Бургас. Похоже, что работники адресного бюро не оказали ей большой помощи, Тамара не нашла брата и ничего о нем не узнала. Об отце ей тоже было известно совсем мало. В начале войны он был подполковником, но дальнейшие его следы потерялись. В тяжелые военные годы судьба забросила Тамару на Чукотку, и вот теперь через несколько месяцев она уже выйдет здесь на пенсию.

По возвращении в Болгарию я послал запрос в Бургас, в газету «Черноморский фронт», и сразу после опубликования заметки брат Тамары позвонил в редакцию — он жив и здоров, сейчас уже на пенсии, принимал активное участие в борьбе против фашизма в Болгарии. Естественно, его адрес тут же сообщили Тамаре.

ВБЛИЗИ ОТ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Поездка в Лорино и обратно оказалась более удачной, чем мы предполагали. У нас даже было время заехать на «Горячие источники». В узкой котловине среди невысоких холмов есть горячий минеральный ключ, в котором можно купаться и зимой, и летом. У самого бассейна лежали четырех-пятиметровые снежные сугробы — несмотря на близость горячей воды, снег не таял. Вблизи источника построена оранжерея, а также пионерский лагерь, в котором каждое лето по двадцать дней отдыхают дети из района.

Вылет на вертолете в Уэлен произошел

также по намеченному плану — без суеты, без опоздания и без потери времени. Вообще все шло так гладко, что мы даже начали беспокоиться. Может быть, потому, что человеку свойственно ожидать неприятностей и неудач, когда ему чересчур везет.

Уэлен — это последнее, самое восточное чукотское село на мысе Дежнева, оно стоит прямо на берегу Берингова пролива. Здесь кончается территория СССР, и отсюда начинается длинный день страны. Берег завален льдинами, пригнанными ветром и напоминающими горные вершины. Мы вынуждены были взбираться на них, как альпинисты, чтоб увидеть тесный пролив, который соединяет Тихий и Ледовитый океаны и отделяет Азию от Америки. Перед нами лежал бесконечный лед, который сливался с горизонтом, как молочная масса. Ни одного корабля, ни одной лодки. Старые морские штурманы пишут в своих воспоминаниях, что в Беринговом проливе очень трудно управлять кораблем, здесь он делается неустойчивым и неподвластным, словно плот в горной реке.

Когда стоишь на этом берегу, действительно кажется — о чем не раз писали журналисты, — будто находишься на краю света. Для меня эта иллюзия была непродолжительной, хотя потом я неоднократно говорил знакомым и незнакомым: так, мол, и так, был на «хвосте» географической карты, разве многим улыбнулось такое счастье?

Через три часа после того, как мы наблюдали льды Берингова пролива, директор совхоза позвонил по телефону своему родственнику в Москву и сообщил, чтобы завтра он ждал гостя. Почему не сейчас, а завтра, спросил москвич. Не могу сейчас, ответил директор, я еще на рабочем месте. Оставь свои шутки, слышится голос москвича, как будто я не знаю, что ты звонишь из какой-нибудь телефонной будки. Какая там будка, крикнул директор, слушай внимательно, что я тебе скажу. На завтраш-

ний вечер любой ценой достань билеты в Большой театр, не в какой-нибудь, а именно в Большой, подчеркивает директор. Ясно, постараюсь, морж ты этакий, отвечает московский голос.

Я тоже позвонил друзьям в Москву, потом разговаривал с женой в Софии и... перестал думать о том, что нахожусь на краю света.

Дома в селе расположены вдоль одной улицы на морской песчаной косе. С древних времен чукчи и эскимосы основывали свои поселения в начале такой косы, с одной стороны — море, с другой — лагуна. Какой бы ни дул ветер, по одну сторону вода всегда тихая, можно ловить рыбу, а байдару легко перенести на плечах через косу, которая чаще всего не шире ста-двухсот метров.

Погода была теплая и солнечная, перед домами сидели старики, на коленях у некоторых из них лежали бинокли. В Уэлене уже не строят байдар, покупают вельботы. Все лодки были вытащены на берег, их красили. В этот день никто не думал об охоте, но, несмотря на это, старики часто поднимали бинокли: вдруг на дрейфующей льдине окажется морж, нужно будет его рассмотреть, поспорить, самец это или самка, сколько килограммов весит. Ничего, что красят лодки и нельзя выйти в море, будет повод для разговоров на несколько часов. Кто знает, может быть, старики держали бинокли в руках просто по привычке.

На главной улице я встретил двух старушек с цветной татуировкой на щеках и подбородке. И в других прибрежных селах мне попадались старые женщины с такими украшениями, но я нигде не видел молодых девушек с разрисованными лицами. Вероятно, этот обычай уже исчезает.

Несколько мужчин расчищали площадку около заброшенной стройки. Оказалось, что это служащие полярной станции вышли на субботник. Начальник станции Зиновий Разик — высокий худощавый человек

лет пятидесяти — пригласил нас к себе в кабинет поговорить и попробовать свежего голяца.

Арктический голец — разновидность лосося. Недалеко от Сиреников, в лимане реки Курупка, рыбаки угощали нас этой рыбой, по семь-восемь килограммов каждая. В Уэлене она была мельче, мясо у нее розовое и нежное, как у форели. По мнению специалистов, это самая вкусная рыба из семейства лососевых. Мы с Николаем можем это подтвердить.

Полярная станция основана еще до войны и помещается в солидном двухэтажном доме. В те годы такие станции играли роль и культурно-просветительных учреждений — здесь обучалось неграмотное население, механизаторы. Тут же узнавали и главные новости. Сейчас станция занимается научно-исследовательской работой и каждый день передает информацию метеорологического и гидрометеорологического характера.

В Уэлене мы увидели также самобытный ансамбль народного танца. Как и в художественных коллективах в Лорино и Сирениках, песни — обычно без заранее подготовленного текста — служат сопровождением танца. Главное в этом искусстве не пение, а танец — сочетание хореографии и пантомимы, — который должен выразить то, что артист хочет донести до зрителя. Танец почти всегда состоит из двух частей — серии одних и тех же движений, но при повторах ритм делается более динамичным. Здесь есть превосходный танцор Эмутейн, бывший строитель. И он, и его коллеги почти не двигаются по сцене. Обычно они стоят на одном месте, но в танце участвуют все части тела. И особенно активно — лицо, что удивляет в искусстве народов, развитие которых принято считать отставшим от европейской цивилизации. Несмотря на кажущуюся статичность, получается исключительно темпераментный танец, он сопровождается ударами ярара, по-русски

бубна. Сделан этот инструмент из деревянного обруча с натянутой тонкой кожей желудка моржа.

Фольклорные ансамбли — и здесь, и в других прибрежных селах, которые мне удалось посетить, — привлекают большое число местных жителей, поэтому в них не так легко попасть. Гордость здешнего ансамбля — шестидесятилетняя женщина с дочкой и внучкой.

Я не в силах объяснить, откуда у этих северных народов — при такой долгой и суровой зиме, при разбросанности людей в тундре — такое чувство ритма в танце.

Географы знают Уэлен как крайнюю точку материка, но среди любителей искусства это далекое село славится еще своей резьбой по кости.

Вырезанием фигур из бивней моржа или китовых челюстей занимаются здесь с древних времен, наверное, с тех пор, как существуют чукчи и эскимосы, но только после Октябрьской революции это самодеятельное творчество превратилось в искусство, произведения которого находят ценителей во всем мире.

Первооткрывателями в этой области стали бывшие морские охотники без всякого специального образования, большинство из которых учились мастерству у своих отцов и дедов. Хухутан, один из самых известных резчиков, — эскимос, в молодости был морским охотником. Охотниками были и братья Вуквол и Тункай, унаследовавшие мастерство резьбы по кости от своего отца, который еще в начале века при тусклом свете жирника в яранге самыми примитивными инструментами мастерил фигурки мужественных охотников на моржей и белых медведей.

Чукотско-эскимосское искусство резьбы по кости развивается главным образом в двух направлениях: вырезание скульптурных фигур из бивней моржа, которые по своим качествам похожи на слоновьи, и

цветная гравировка на целом бивне. Обычно изображаются сцены из прошлого северных народов или же их современная жизнь.

Миниатюрные скульптуры-сувениры легко можно сделать из глины, гипса или металла, но для того, чтобы создать скульптуру из моржовой кости, требуются глаз, рука и сердце художника.

Еще до войны резчики Уэлена организовали в просторном бараке свою мастерскую. Сейчас в их распоряжении большое двухэтажное здание, где работают десять человек — члены Союза художников, семеро из которых удостоены высоких правительственных наград за свое мастерство.

Многие лучшие образцы их искусства находятся в Москве, Ленинграде, Киеве и часто путешествуют по всему свету. В местном музее при мастерской сейчас имеется более трехсот экспонатов, сделанных руками всех поколений художников.

Достоинным продолжателем традиций старых мастеров считается Иван Сейгутегин. Это на редкость молчаливый и застенчивый человек, несмотря на то, что имеет много наград и часто ездил по всему миру. Мы с Иваном долго рассматривали экспонаты музея, гуляли по берегу моря, но о его собственных высоких достижениях в резьбе по кости я слышал не от самого художника, а от его коллег.

Сейгутегин вырос в тундре, служил пограничником на Чукотском побережье и был превосходным каюром. Видимо, поэтому среди его скульптур чаще всего встречаются олени, оленеводы, пограничники и каюры. Говорят, он бывает разговорчив только со своими учениками. Все с восторгом отзываются о нем не только как о художнике, но и педагоге.

В мастерской Сейгутегин обучает учеников пятых и шестых классов, которые потом поступают в училище художественно-прикладного искусства и в институты изобразительного искусства.

И СНОВА В ПУТЬ

Двадцать три часа. Солнце еще не зашло. Я прогуливаюсь возле гостиницы. Пограничники играют в волейбол во дворе своей части. Рядом стоят девушки, следят за игрой и ведут себя так же, как все спортивные болельщики во всем мире. Село маленькое, а девушек здесь много.

Я уже целый месяц на Чукотке, но все еще не акклиматизировался. Постоянно принимаю снотворные таблетки. И желудок трудно привыкает к здешней пище, так что и его я периодически поддерживаю соответствующими лекарствами.

Возвращаемся в Лаврентия на вертолете, пилот делает круг над мысом Дежнева — последней точкой суши, — где стоит памятник первооткрывателю пролива между двумя континентами. С высоты видна и Аляска. Создается впечатление, что она близко, а до нее восемьдесят километров. В ясную погоду представление о расстояниях здесь довольно обманчиво.

Как потом выяснилось, сразу после нашего отлета, над Уэленом опустился туман, и если бы мы не поспешили, вероятно, задержались бы самое малое на неделю. Тогда испортилась и в Лаврентия. Сразу после посадки в аэропорту нам сообщили, что никакие самолеты летать не будут.

На следующий день у Николая должен был быть день рождения, но мы решили начать праздновать его пораньше. Хозяева объяснили нам, что скоро мы самолета не дождемся, придет гидрографическое судно «Вега», чтобы доставить нас в Провиденция. День, другой от «Веги» не было никаких известий, и мы продолжали отмечать некруглую дату Николая. Лишний раз я убедился в том, что на Чукотке вообще нет климата. Здесь есть только летная и нелетная погода. И еще кое-что я понял. Путешествия по Чукотке прежде всего связаны с ожиданием. Ожидание солнечной и безветренной погоды, ожидание транспорта

или приятеля, который обещал тебя навесить, но по той или иной причине не пришел, и снова приходит на память фраза: «Куда спешешь, все устроишься».

Наконец пришла «Вега». Обычно судно проходит расстояние от Лаврентия до Провидения за десять часов. Но на этот раз потребовалось шестнадцать. Около Алеутских островов бушуют циклоны, волны разбиваются о юго-восточные берега Чукотки, мимо которых мы плывем. Наше судно мужественно сопротивляется, но волны так его раскачивают, что мы с Николаем можем находиться только в горизонтальном положении. Есть не хочется. В таких случаях и самый любимый деликатес не лезет в горло. А в кают-компании свободные от дежурства матросы спокойно играют в шахматы, посматривают в иллюминаторы и время от времени замечают:

- Кажется, ветерок усиливается.
- Ничего себе погода.
- Ерунда.

Интересно, что эти люди всегда говорят о подобных вещах в уменьшительной форме... Стихия, обрушивающаяся на палубу, для них всегда лишь прохладный ветерок.

В порту бухты Провидения нас вытащили, словно тюки, из каюты и усадили на сиденье машины.

Вторые сутки мы ничего не можем есть. Сидим перед телевизором, смотрим московские передачи и пытаемся подбодрить себя мрачными шутками.

— Мы недолго ждем самолет — всего двое суток.

И в сотый раз повторяем:

— Сто километров — не расстояние...

Все же на третий день мы прилетели в Анадырь. Но и здесь, как и раньше, ожиданиям не было видно конца — погода летняя. Дули то одни, то другие ветры. Шутники утверждали, что у служащих, разъезжающих по районам округа, к пенсии набегает сотни дней ожидания самолетов.

Мы хотели поехать в Билибино, посмотреть самую северную атомную электростанцию, но вычеркнули ее из нашего плана — некогда. Заедем только в Певек, и там завершится наше путешествие. Певек находится на берегу Восточно-Сибирского моря. Это уже не Тихий, а Северный Ледовитый океан. В Певек самолеты еще не летали. Были открыты только линии на Магадан, Хабаровск, Москву и Владивосток.

Мы ждали погоды в гостинице, гуляли по городу, хотя все здесь нам было уже известно.

Потом мы устроились на берегу лимана и стали разглядывать белух. Это большие морские животные, которые показывают над водой свои белые спины и, ныряя, пускают маленькие фонтаны. В реках стали появляться лососевые рыбы, любимое лакомство белух. Близко к берегу, прямо около порта, поставлены сети. Мы увидели нерпу, которая осторожно подплыла к сети, ловко перепрыгнула через нее, а через десять минут выскочила из-за заграждения. Убедившись, что нет никакой опасности, она снова перепрыгнула сеть, чтобы закончить свое богатое угощение.

Вечером мы сидели у телевизора. В информационной программе московского телевидения сообщили, что на Чукотке открыт новый источник газа и нефти. Недра этой земли, подчеркнул диктор, все больше открывают свои богатства для блага людей. Мы с Николаем заговорщически подмигиваем друг другу — ведь мы узнали об этом раньше миллионов других телезрителей.

Мы смотрим телевизор, но наши мысли далеко. Строим планы, когда полетим, кого встретим в пути, что увидим. В таком состоянии неопределенности человека всегда начинает грызть старая знакомая тоска по родине. Путешествие близится к концу, и уже начинаешь жить ожиданием и надеждой окунуться в знакомую, привычную обстановку, обнять родных. Но вместе с тем и колеблешься — что для тебя милее? Си-

деть в до смерти надоевшей тебе комнате или путешествовать по незнакомым землям, встречаться с новыми людьми?

Ни одно путешествие — даже самое желанное и приятное, когда на каждом шагу встречаешь добрых и гостеприимных людей, — не сопровождается только розовым фейерверком.

Оказалось, что в Певек отправится грузовой самолет, на котором мы уже раз летели. Теперь уже он вез не капусту и помидоры, а только два трансформатора. У экипажа сегодня был маленький праздник. Двадцать пять лет проработал в авиации на Чукотке бортмеханик Александр Карпов. Для этого нужно быть очень мужественным человеком. Приехав на Чукотку, Александр Карпов, как и многие другие, сказал: «Поживу здесь год-два, а там посмотрим». После двух лет решил остаться еще на десять, а проработал полные двадцать пять. Как обычно бывает в таких случаях, в аэропорту устроили торжество, Карпову вручили Почетную грамоту и преподнесли подарок.

Мы должны были сделать посадку на мысе Шмидта — на берегу Ледовитого океана, — чтобы сгрузить один трансформатор. На рейде перед поселком виднелись пять судов, из них два — ледоколы. Они не могли отплыть в Певек. Северные ветры гнали льды, как обрывки бумаги, и забивали ими побережье. Иногда льдины покрывали десятки километров суши и наползали одна на другую, образуя удивительно живописные хребты.

НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Чаунский район считается небольшим, он занимает площадь всего... в пятьсот восемьдесят тысяч квадратных километров. Я это говорю, исходя из чукотских масштабов. Районный центр — Певек, город современного типа на Ледовитом океане. Он расположен на восточном берегу залива протяженностью сто километров.

С кем бы мы ни разговаривали о Певеке, все рассказывали нам о Пугачеве.

В 1933 году Наум Пугачев был послан из Хабаровска в Чаунский район как партийный организатор. В своих воспоминаниях он писал, что на месте современного Певека стояло тогда всего три дома и одна землянка, в которых проживало человек десять. Их связь с центральными властями и миром осуществлялась только по морю — от одной навигации до другой.

Современники описывают Пугачева как исключительно внимательного, общительного, обаятельного человека. Эти качества помогли ему быстро сблизиться с местными оленеводами и охотниками, выучить за несколько месяцев их язык и завоевать их уважение. На территории района имела радиостанция, но она находилась в пятистах километрах к востоку от Певека. Действительно, далековато, писал Пугачев, но время от времени мы все равно будем ездить туда на нартах — сообщить в Хабаровск, что живы и здоровы.

Но со временем нарты должны были уступить место авиации. Один из известных арктических авиаторов, Михаил Каминский, писал, что в 1937 году на Чукотке было всего три самолета и трое летчиков. Предстояли выборы, и их организаторам оставалось надеяться только на малочисленную авиацию. Каминский должен был лететь в Певек. Прямо у города стояли высокие холмы. Иногда с них дул ураганный ветер — известный Певекский южак. Между прочим, он изображен на сувенирной эмблеме города как всесильная стихия. Обычно его сравнивают с новороссийским.

Каминский посадил самолет на ледяную поверхность озера недалеко от бывшего маленького селения. Не успел самолет приземлиться, как ветер сдул его, словно муху. Жители города бросились к самолету, обступили его и едва удержали, привязав веревками к ближайшим столбам.

Чукчи сначала называли самолеты «ле-

тающими нартами», а когда на них прилетали какие-нибудь докладчики, местные жители объявляли, что будет «праздник разговоров»... Вообще этот северный народ обладает удивительно точным и образным мышлением.

За весь 1946 год летчики Певека пробыли в воздухе столько часов, сколько их коллеги проводят сейчас за одни сутки. Певек находится за Полярным кругом, но здесь солнечных дней больше, чем в южных районах Чукотки. В среднем каждый день местная линия обслуживает пятьсот — шестьсот человек, грузовые самолеты перевозят машины, продукты, промышленные товары, оленье мясо, шкуры диких животных и т. п.

Когда мы с Николаем планировали наше путешествие, мы решили, что Певек будет последним пунктом. Из него почти в любую погоду летят прямые самолеты в Москву.

В Певеке нас повсюду сопровождал Владимир Михайлович Етылен, с которым мы быстро подружились и перешли на «ты». По национальности он чукча, хотя, как утверждает его жена, не чистокровный, потому что его дед был орочем. Родился он в билибинской тундре в неизвестном стойбище. Как он сам любил шутить, его принесли в Певек ветры.

— Видите, я маленький человек, и мне трудно сопротивляться нашей северной стихии.

Жена Володи — врач, юкагирка, хотя он и отрицает чистоту ее юкагирской крови, поскольку ее отец — коряк.

Вообще смешанные браки сейчас отнюдь не редкость и ни для кого не составляют проблемы. Сам по себе этот факт положительно характеризует общество и государственную политику. Иногда при встречах с оленеводами, охотниками или шахтерами я интересовался, кто из них к какой народности принадлежит. Все отвечали на мой вопрос с недоумением — разве это имеет какое-нибудь значение!

Чаунский район — преимущественно промышленный, но мы начали наши встречи с оленеводов.

Село Яранай расположено в начале восточного берега Чаунского залива, в нем проживают триста жителей и тринадцать тысяч оленей. Такое соотношение значительно превышает среднее для Чукотки, где совхозных оленей в пять раз больше, чем людей, а сколько диких — вряд ли кто-нибудь может подсчитать.

Дома в поселке новые, массивные, везде есть центральное отопление. Как и в Певеке, один дом здесь сохранен с довоенных лет. Он построен из камня (половина его находится в земле), покрыт досками и моржовыми шкурами. Пусть дети и внуки видят, в каких развалинах жили их предки.

Директор совхоза Щетинкин, разговорчивый, деловой и энергичный человек, пригласил нас в свой кабинет, чтобы показать планы, отчеты, схемы... Мы объяснили, что приехали отнюдь не для того, чтобы контролировать его работу, и хотим сразу пойти к оленеводам.

— До них не добраться на «газике», а у меня нет вертолета, — говорит Щетинкин.

— Но у тебя ведь имеется вездеход.

— И не один.

Пока мы едем, он объясняет, что в совхозе есть ферма, где разводят песцов, и бригада охотников на морских животных. Шкурки песцов поставляют и многие охотники. Некоторые, как, например, Иван Кошкарёв, ежегодно сдают государству по сто пятьдесят — двести шкурков. Такие, как он, осенью и зимой большую часть времени проводят в сопках. Тундра здесь — преимущественно холмистая местность, самая высокая сопка тысяча сто метров.

Как обычно, стада оленей летом перемещаются к берегу моря, от поселка до них часа два езды на вездеходе.

Мы находим стадо в долине. По словам Щетинкина, в нем около трех тысяч оленей. Дежурят два пастуха. Один из них —

Омрылкот — только что закончил девятый класс и сразу пришел в бригаду. Мы приближаемся к стаду, олени разбегаются от нас, словно от волчьей стаи.

— Они бояться не нас, — объясняет Щетинкин, — появились слепни. Вот, зараза!..

Щетинкин — русский и ругает «заразу» довольно цветистыми выражениями, которых нет в языке чукчей.

Слепни — это бедствие для всех животных в тундре. Они откладывают яйца у оленей под кожей, там развиваются личинки, из-за которых животные болеют и, ослабев, не могут выдержать зиму. Ветеринары делают каждому оленю уколы с противослепневой вакциной, но все равно слепни не дают покоя животным; олени разбегаются в разные стороны, как только услышат жужжание. В таких случаях пастуху необходимы быстрые ноги.

— Вообще, — улыбается Щетинкин, — умные головы и быстрые ноги пастухов обеспечивают совхоз мясом.

К нам подбегает запыхавшийся смуглый мужчина и представляется — бригадир Чейгутегын. Он очень ловко собирает засохшую траву, прутья от мелких кустиков и разводит огонь. Как только появляется дым, стадо начинает собираться.

— Олени убегают от комаров и приходят к огню, не знают, что их здесь ждет, — говорит Щетинкин.

Каждый пастух, кроме ножа, держит за поясом аркан — длинный ремешок из моржовой кожи. Володя берет у пастуха аркан, приближается к оленям шагов на двадцать, но Чейгутегын кричит:

— Не надо, это молодой самец, мы хотим его оставить!

Володя направляется к другому оленю, но бригадир снова его останавливает:

— Не трогайте его, вчера ему сделали укол.

— Черт возьми, — бормочет Володя, — здесь их три тысячи, как ты их различаешь.

— Различаю, — уверенно отвечает Чейгутегын. — Будьте любезны, дайте аркан, я знаю, чья сегодня очередь.

...Мы сидим у огня, пробуем вареные олени ребра и языки. Щетинкин кладет на угли почки — не печет их, а только разогревает. За свою долголетнюю охотничью практику я пробовал почки различных животных, но никогда не ел ничего вкуснее почек северного оленя.

Чейгутегын держит в руках голень оленя и спрашивает о чем-то Володю на чукотском языке. Оказывается, он хотел предложить мне мозг берцовой кости в сыром виде... Я неуверенно беру в рот студенистую мякоть, стараюсь не показывать отвращения — как можно есть сырой мозг!

Пробую и не верю себе. Пробую второй, третий раз. Это действительно деликатес, только не надо предвзято к нему относиться.

Позже, возвращаясь в Певек, Володя сказал, что бригадир беспокоится. В своем стремлении отведать все лакомства я съел слишком много недоваренного, недопеченного и совсем сырого мяса, и Чейгутегын боится, как бы я не угодил в больницу.

В последнее время я часто поглощал таблетки для желудка, чтобы не допустить того, о чем не принято говорить вслух. Но после этого обеда из олених деликатесов они не понадобились. Мясо северных оленей отличается от мяса их собратьев в средних и южных широтах Евразийского континента — оно исключительно вкусное, легко переваривается и очень питательное.

Я спрашиваю Чейгутегына, бывал ли он в других районах страны. Он предпочитает Владивосток и обычно ездит туда. Был и в Москве, Ленинграде. Когда он вышел в Москве из гостиницы, то испугался, что потеряется среди такого обилия людей и заблудится. Но не стал читать названия улиц, а разглядывал деревья на тротуарах. Они показались ему очень интересными, такого чуда нет в тундре. Для человека, который

видит их впервые, они одинаковые, словно олени в стаде, но в то же время отличаются друг от друга, по этим различиям он и ориентировался, когда возвращался в гостиницу. На второй день ему уже было легче гулять одному. Он не хотел просить чужой помощи, самостоятельно ориентировался, рассчитывал на себя, как привык в тундре.

— Ой, сколько народу на улицах в больших городах! — говорит Чейгутегын. — Наверное, больше чем оленей на Чукотке, а здесь нам не хватает пастухов.

Пока мы разговаривали, около нас подняли шум трое мальчишек. Самый старший из них — Миша — сын бригадира, осенью пойдет в шестой класс. Он вбил в землю кол и учился бросать лассо. Каждый раз петля попадала на кол. Другие двое ребят подбрасывали в воздух пустые консервные банки, а Миша их ловил. Наконец в петлю попала голова водителя вездехода, и бригадир погрозил мальчику рейкой — разве можно при гостях так безобразничать.

— Беда с ними, лезут повсюду, как мошкара, — покачал головой Щетинкин. — Еще не закончили школу, а уже толпятся перед конторкой сохоза.

— Дядя Евгений, просим тебя, мы не хотим сидеть в поселке, пусти нас в тундру.

— А что вы там будете делать?

— Будем помогать пастухам.

— Но вы еще маленькие! — говорю.

— Кто, мы — маленькие? Дай нам поручение.

Я даю им всегда одно и то же задание — почистить совхозный двор, собрать металлолом в мастерской. Больше им нечего делать. Хоть тресни, а они все равно без моего разрешения прибегут в бригаду. Вот и Омрылкот. Он вернулся из Певека во вторник, принес мне свой дневник с хорошими оценками и в среду приехал в бригаду.

— Дядя Евгений, — кричит Миша, —

смотрите туда! — и указывает на вершину сопки.

На ней виднеется что-то вроде куста, но кусты не растут в здешних краях, может быть, камень... Щетинкин смотрит в бинокль и говорит:

— Медведица с медвежонком... Два-три медведя живут в этих местах, они безвредные. Ну и глаза у мальчишки!

— И в кого он такой? — бросает один из пастухов.

Я смотрю на бригадира — он опустил глаза, но видно, что его лицо сияет от отцовской гордости...

От оленеводов мы приехали поздно вечером. Мы не стали возвращаться в гостиницу, а решили осмотреть одну из достопримечательностей Певека — банный комплекс. Современная парилка, душ Шарко, плавательные бассейны с морской водой для детей и взрослых. Естественно, мы не удовлетворились одним лишь осмотром этого богатства на берегу Ледовитого океана.

Кому-то может показаться слишком сильным слово «достопримечательность», когда речь идет о бане — такой элементарной принадлежности быта любого цивилизованного общества, но, как давно известно, все относительно. Еще тридцать — сорок лет назад в этих местах местные жители и геологи восемь месяцев в году топили лед, чтобы обеспечить себя питьевой водой. О современных банях и плавательных бассейнах тогда и не помышляли даже самые заядлые оптимисты, а сегодня они прочно вошли в быт народов Севера.

И сейчас водоснабжение Чукотки проблема нелегкая. Воды много, но все же... В районах вечной мерзлоты делать подземные водопроводы — непрактично, поэтому их прокладывают на поверхности земли. Несмотря на их изоляцию, всегда есть опасность замерзания. Чтобы этого не случилось, воду подогревают. что, впрочем, не

влияет на ее вкусовые качества. Водой обеспечен каждый поселок.

Мы посетили также теплицу, которая находится в десяти километрах от Певека, прямо на берегу залива и занимает площадь около тысячи квадратных метров. Круглый год она поставляет населению свежие овощи. Поблизости строится еще одна такая теплица.

Мы сехали на «газике» часа три. Пересекли равнины с буйной травой, поднимались на голые и черные сопки, на которых обычно не видно ни кустов, ни людей, ни животных. Мы встречали только грузовые машины.

Многие годы подряд геологи исследовали эту землю, когда здесь еще не было «газиков», взездеходов и вертолетов. Весь свой багаж — одежду, продукты, инструменты, образцы пород — тащили на своих плечах эти мужественные исследователи арктической земли. Без их предварительного труда пезвозможно было бы появление в тундре машин.

Мы приехали в долину, разрытую бульдозерами и скреперами. Кругом лежали холмы песка и переработанной породы. Наша машина лавировала между этими миниатюрными сопками, пока не подъехала к четырехпалубному океанскому кораблю, окруженному лужами и пирамидами из песка. Таково первое впечатление от золотодобывающей драги. Она напоминает плавучую фабрику с капитанским мостиком, где заполняется вахтенный дневник; в разговорах с рабочими часто слышатся морские термины.

Путь в пятнадцать километров, который мы проехали между песчаными холмами, драга проходит за десять лет, черпая ковш за ковшом и отсеивая по крупинкам золото — килограмм за килограммом.

Обычно зимой бульдозеры снимают двухметровый торфяной слой в этой долине, которая представляет собой русло старой, давно высохшей реки, и вскрывают породу

и песок, принесенный сюда буйными водами тысячи лет назад. В почву вбивают трубы, по ним пускают горячую воду, чтобы разморозить землю на глубину нескольких метров. Ковши драги ежедневно черпают до тысячи кубических метров размороженной породы, которую конвейерные ленты пропускают через барабан и сито, а мощные струи воды промывают. Грохот, треск, шум, которые без привычки трудно выдержать.

После осмотра наш руководитель сказал: — Вот это и есть золото, которое мы добываем.

Я где-то читал, а теперь лишний раз убедился в том, что золото в таком виде и в таких количествах не впечатляет. Остался я равнодушным и к большому самородку в несколько килограммов, которые видел в музеях Магадана и Певека; разочаровал меня здесь и желто-матовый песок и мелкие зерна, оставшиеся после промывания породы. Золото тут лишено того блеска, каким его наделяли авторы сказок или романов. Я смотрел на него и не помню, подумал ли или произнес вслух:

— Так это и есть золото?

Тысячи людей добывают благородный металл в тяжелых условиях, где нет места ленивым или слабым.

Михаил Лисецкий — один из самых старых и опытных бригадиров драги. После демобилизации из армии он начал работать в южных районах Колымы. Когда его пригласили в этот северный край, он долгое время скучал по растительности лесотундры и с трудом привыкал к голым каменным обрывам сопки. В то время не хватало специалистов по размораживанию почвы, и драга не работала на полную мощность.

— Нам неоткуда было ждать помощи, — сказал Лисецкий, — нужно было самим подготовить кадры, и притом довольно быстро, иначе пропал бы труд десятков и сотен опытных людей.

Лисецкий — крупный добродушный муж-

чина с медленной размеренной походкой. Есть люди, голос и походка которых с первого взгляда выдают в них начальство. Ли-сецкий — популярный золотодобытчик, о нем неоднократно писали в газетах и журналах, у него несколько правительственных наград, но по нему никогда не скажешь, что он давно занимает руководящие посты. Такое же впечатление произвели на меня и другие известные на Чукотке люди, с которыми мне довелось встречаться, — Аренто, Тегрет, Чейгутегын... Им свойственны те же искренность, сердечность и простота, которые отмечал у народов Севера один из его первооткрывателей — Джеймс Кук.

Когда я начал свое путешествие по районам Дальнего Востока, поездка на Чукотку представлялась мне чем-то очень сложным — вроде полета на Луну. Завтра мне предстояло покинуть Певек — наш последний пункт, и я чувствовал себя совершенно разбитым, все вокруг меня раздражало; что бы ни сказали, я начинал оспаривать,

что бы ни сделали — мне не нравилось. Знакомая тоска в конце всякого путешествия. Мы оба с Николаем страшно устали. Тридцать семь часов находились в воздухе, девятнадцать раз взлетали и приземлялись, двадцать два часа провели на борту корабля, шестнадцать — в «газиках» и вездеходах... Я был крайне измотан, но тем не менее готов начать свое путешествие по Чукотке заново. Я уже знал, что мне надо еще посмотреть, где остановиться, с кем поговорить, кто пригласит меня к себе и угостит деликатесами из моржового и оленьего мяса с гостеприимством, свойственным только чукчам и эскимосам. Но путешествие подошло к концу, и на душе у меня было очень грустно — не хотелось расставаться с полюбившимися мне людьми сурового края. Меня утешало одно: хотя я не мог, как Юрий Рытхэу, сказать «моя Чукотка», хотелось верить, что в сердце моем останутся навсегда и будут согревать меня эти слова.

*Перевод с болгарского
Т. ПРОКОШЬЕВОЙ*

Содержание

Виктор Тимаков. Глазами правды	5
Вальдемар Мицкевич. Далеко от Москвы	9
Ханс-Петер Ризе. Перестройка в таежных далях	21
Мартин Йон. Найти свое место в жизни	26
Владимир Дивиш. Золото их сердец	28
Вейкко Кетели. Начальная точка Азии	39
Гельмут Арнашюс. Земля будущего	45
Збигнев Божек. На стыке двух океанов	53
Мирослав Тулея. Конец лета на «краю света»	62
Эрих Файхтингер. Дорогами Северо-Востока	65
Гизела Реллер. Репортаж с «краешка земли»	70
Эгон Тракслер. Где когда-то шаманы заменяли учителей	78
Софоклис Янни Софокли. Страна вечной мерзлоты	82
Анджей Байорек. Пастух Гувтын	90
Антэро Пиэтила. Их цель, их мечта	93
Харальд Хамрин. Денежный сундук Советского Союза	97
Борис Крумов. Путешествие на Чукотку	106

НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРИ -50°

*Очерки
и репортажи
зарубежных журналистов
о Магаданской области*

Составитель **В. Б. ТИМАКОВ**
Макет и художественное
оформление **Б. К. УШАЦКОГО**
Фото **Ю. Я. МУРАВИНА, А. Ю. МУРАВИНА**

Редактор **Н. А. Сусллова**
Художественный редактор **Б. Р. Бойчин**
Технический редактор **Н. С. Ганцева**
Корректор **В. И. Огрызко**

ИБ № 897

Сдано в набор 11.05.88. Подписано
к печати 04.11.88. Формат 70×90/16.
Бумага мел. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,12.
Усл. кр.-отг. 36,27. Уч.-изд. л. 17,64.
Тираж 5000 экз. Заказ 2170. Цена 3 р. 50 к.

Калининский ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР
Росглавополиграфиром Госкомиздата РСФСР.
170040, Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46.

Нормальная жизнь при —50°/Ред.-сост., авт. вступ. статьи
Н83 В. Б. Тимаков; Фото А. Ю. Муравина, Ю. Я. Муравина.— Магадан:
Кн. изд-во, 1988.— 149 с.: ил.

ISBN 5—7581—0001—3

Публицистическая книга о Магаданской области, написанная зарубежными журналистами, посетившими Крайний Северо-Восток.

Н 4502010000—031 5—88
М—149[03]—88

ББК 66.3[2]